Вестник
Российско-Армянского
Университета

(серия: гуманитарные и общественные науки)

N 2/2004

Российско-Армянский (Славянский) государственный университет

Печатается по решению

Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

N 2/2004

Редакционно – издательский совет

«Вестник» РАУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ
ректора Российско-Армянского (Славянского) государственного университета (г. Ереван) академика РАЕН А. Р. Дарбиняна на II Международной научно-практической конференции университетов

Университеты и общество
Сотрудничество университетов
в XXI веке

Москва, МГУ, 27 ноября 2003 года

Уважаемые дамы и господа!

Прежде всего, я хотел бы выразить искреннюю признательность родному для меня Московскому Государственному Университету за организацию сегодняшней конференции и предоставленную мне возможность выступить с этой высокой трибуны.

Я думаю, что тема, которая обозначена в названии конференции – «Университеты и общество. Сотрудничество университетов в XXI веке» – исключительно важна в сегодняшней жизни, поскольку, как образно выразился Виктор Антонович, мы наблюдаем во многих сферах нашего развития не только процессы реформирования, но ***деформирования***, и это, к сожалению, относится также и к сфере образования, формирования общественного сознания по поводу возможных путей развития системы образования.

В этом отношении должен сказать, что произошла и некоторая девальвация этого поистине многогранного понятия – «Университет».

Название «Университет» в применении к высшим учебным заведениям всегда использовалось и понималось в первую очередь как некая организационная форма устройства ВУЗа, предполагающая наличие факультетов, специализирующихся в разных областях науки и знаний. Вместе с тем, встречаются в нашей практике и университеты, представляющие одну, определенную область знаний (например, Технические, Гуманитарные или Медицинские университеты) и понимаемые как образовательные учреждения, дающие возможность углубленного изучения научного материала и получения фундаментальных знаний. И, наконец, мы сегодня сталкиваемся с университетами, представляющими не определенную отрасль науки и знаний, а соответствующую отрасль экономики или производства (например, университеты Сервиса, индустриальные, сельскохозяйственные университеты и др.).

Если к отмеченному «наложить» еще и действовавшую в наших странах до последнего времени достаточно либеральную практику лицензирования высших учебных заведений – университетов, то станет очевидно, что нам всем впору задуматься о восстановлении престижа и общего доверия к понятию «Университет».

Что же отличает истинное понятие «Университета» от всякого рода «суррогатов»? Я выделил пять основных характеристик.

Это, **во-первых**, фундаментальная наука как центр всей университетской деятельности. Всем нынешним и будущим учредителям университетов необходимо задуматься, а в состоянии ли они обеспечить развитие фундаментальной науки в стенах высшего учебного заведения, образование своих научных школ с глубокими исследовательскими традициями, есть ли для этого достаточный кадровый потенциал? Ведь истинный Университет силён именно общностью научных корней учащихся и обучающих, и именно университетам суждено преодолеть ту разобщенность, которая сегодня существует между наукой и образованием. И это то, что мы готовы отстаивать, в том числе и в наших переговорах по поводу вступления в Болонский процесс – усиление роли и значения научных кафедр как основы университетской жизни, активное включение студентов – через кафедры – в научный процесс, развитие института наставничества – поистине величайшего достижения российской и советской системы образования.

Вторая отличительная черта университета заключается в способности обеспечения широкого круга системных знаний. Прежде, чем «замахиваться» на название «Университет», высшим учебным заведениям необходимо проанализировать, а в состоянии ли они обеспечить своих выпускников качеством, которое принято называть «университетским образованием»? Есть ли для этого тщательно продуманные и составленные программы обучения, учебные планы, свое, «авторское» видение проблем и перспектив организации образования по заданной специальности? – и я бы предложил российским органам, министерствам, отвечающим за лицензирование высших учебных заведений сделать этот фактор – наряду с наличием научного потенциала – определяющим при принятии положительного решения.

В-третьих, настоящий университет – это не только образовательный центр, но и политический, экономический, духовный и культурный фактор в жизни страны. Посчитаем, а много ли у нас таких университетов?.. Между тем, цели государственного и общественного развития всегда были приоритетными для университетов. Университет должен не только отражать те или иные общественные события и процессы, но и идти в авангарде, предопределять основные векторы национального и государственного развития.

В-четвертых, это демократизм в образовании, способность воспитать в новом поколении свободу мысли, духа и действий. Только настоящая университетская атмосфера может быть питательной средой для воспитания

свободного, но в то же время глубоко ответственного за судьбы народа и страны гражданина.

И, наконец, **в-пятых**, университеты сегодня всё более становятся наднациональными институциональными структурами, обеспечивающими диалог и взаимопроникновение разных цивилизаций, национальными и региональными центрами взаимодействия различных культур. Именно поэтому исключительно важно установление общей информационной среды, научных, культурных, образовательных связей университетов, создание, образно говоря, некой «всемирной университетской паутины». И в этом смысле я приветствую ту роль, которую играет сегодня Московский Государственный Университет в интеграции Университетов огромного Евразийского пространства. Я уверен, что наши Университеты имеют гораздо больший потенциал сотрудничества, чем то, что мы реализовали до сих пор, и, учитывая общепризнанное лидерство МГУ, нам есть, с чем, представляться к вступлению в Болонский процесс, сохраняя при этом совершенно уникальные достижения и принципы российской и советской системы образования.

Уважаемые коллеги!

Я представляю сегодня совершенно уникальный Университет, который уже одним фактом своего существования является блестящим примером интеграции в сфере образования. В наших учебных программах и образовательной практике мы пытаемся совместить лучшие достижения российской и армянской науки и преподавательской практики, а существующие более двух десятков договоров и программы сотрудничества с ведущими Университетами и ВУЗами России дают нам возможность постоянно находиться на пульсе развития российской науки и образования, создавать и реализовывать совместные учебные и научные программы. И, конечно, я хотел бы обязательно отметить фактор русского языка, который, как заметила здесь многоуважаемая заместитель Министра иностранных дел России, является нашим общим достоянием. Я хотел бы, однако, чтобы каждый, кто владеет русским языком, осознавал бы это в качестве личного богатства. К этому стремимся мы у себя в Университете, открыв недавно Исследовательский Институт Русской словесности при РАУ.

Уважаемые Дамы и Господа! Действительно, XXI век с его поистине безграничными технологическими возможностями накладывает серьёзное обязательство на университеты – быть в авангарде мирового научно-технического прогресса и вести за собой общества и государства по пути ***Мира*** и ***Добра***!!! – желаю нам всем обязательно преуспеть в выполнении этой – воистину великой – задачи!!

ВЫСТУПЛЕНИЕ
Ректора Российско-Армянского (Славянского) государственного университета на научной конференции «Поворотная веха истории», посвященной 175-летию вхождения Восточной Армении в состав России (1801-1828 гг.)

Ереван, 24 октября 2003 г.

Дорогие друзья!

Я хотел бы от имени Российско-Армянского (Славянского) государственного университета поблагодарить всех Вас и в первую очередь наших гостей за Ваш приезд, за то, что Вы присоединились к нам в этот день.

Глубоко символично, что Российско-Армянский университет явился организатором этой Конференции. Потому что мы, я глубоко убежден, сегодня не просто и не только воздаем должное историческому событию, очень важному событию. Я бы хотел сегодняшнее обсуждение посвятить главным образом тем урокам и тому потенциалу российско-армянского взаимодействия и сотрудничества, которые возникли благодаря тому историческому событию, которое случилось175 лет назад.

Я попытался систематизировать те уроки, которые, по моему убеждению, мы все должны извлечь из этого исторического события.

Первый урок – это ***урок глубокого осознания народного союзничества***. Победа России была бы невозможна без ***всесторонней***, ***повсеместной***, ***тотальной*** поддержки местного армянского населения. Именно это всенародное *приятие* российского влияния является основой сегодняшних стратегических союзнических отношений между Россией и Арменией. Хотел бы подчеркнуть, что наше сегодняшнее стратегическое сотрудничество основано на союзнических отношениях не только стран и государств, но и наших народов, что в полной мере было проявлено 175 лет назад.

Второй урок для нас, армян, заключается в поистине безграничных возможностях народа, когда он консолидирован вокруг национальной идеи. Если принять за такую национальную идею консолидацию армянского народа с целью освобождения от персидского ига, то видим, какие чудеса патриотизма и героизма мы может совершать. Сама собой напрашивается параллель с Карабахским освободительным движением.

Итак, второй урок я бы назвал ***уроком консолидации народа***.

Третий урок я бы сформулировал следующим образом – справедливое урегулирование территориального спора (***при обязательном подчинении этого урегулирования интересам коренного народа***) является главной гарантией установления и сохранения прочного, стабильного, долгосрочного мира в регионе. И, действительно, практически русско-персидская война была последней войной такого рода. И этот конфликт с Персией, с Ираном, был действительно окончательным. Во всяком случае, претензии Ирана на Кавказ на этом закончились, и наоборот, Россия зафиксировала свой стратегический интерес не только на Кавказе, но и на Каспии.

И в этом, мне кажется, **четвертый урок** Туркменчайского договора, который заключается ***в единстве этих интересов, в единстве интересов России, как на Кавказе, так и на Каспии***.

Я с сожалением должен отметить, что очень многие сегодняшние аналитики или же политики склонны противопоставлять интересы России на Кавказе интересам России на Каспии. И какое-то движение России в ту или иную сторону склоны воспринимать как политическую переориентацию или политическое непостоянство. Я думаю, что это абсолютно неверно, абсолютно не так! ***Мы должны рассматривать стратегические интересы России, как на Кавказе, так и на Каспии именно в их единстве. И в этом заключается четвертый урок Туркменчайского договора.***

Пятый урок заключается в том, что ***стратегические интересы***, как на Кавказе, так и на Каспии ***должны быть подкреплены не только военными, но и обязательно экономическими аргументами***. И то, что в Договоре было указано, что преимущественное, затем и исключительное право на военный флот на Каспии приобретает Россия, дальше было подкреплено достаточно активным развитием российского торгового морского флота. Если спроецировать эту ситуацию на сегодняшний день, то вполне естественным представляются интересы России в освоении Каспийского нефтяного месторождения. А военно-стратегическое сотрудничество и партнерство с Арменией в последние годы совершенно естественно начало подкрепляться экономической составляющей, серьезными экономическими проектами, среди которых наиболее значительным можно считать взаимодействие в газовой и энергетических областях.

И, наконец, **последний урок** – ***это урок духовного российско-армянского единства***. Очень символично, что ключевой фигурой в дипломатическом урегулировании конфликта стал величайший российский мыслитель – Александр Сергеевич Грибоедов. Символично, что в первый раз, в присутствии автора, его бессмертное произведение «Горе от ума» было поставлено силами офицеров-энтузиастов здесь, в Ереване, в Ереванской крепости. Очень символично, что Российско-Армянский (Славянский)

государственный университет, сегодня являясь как бы продуктом этого духовного единства, сегодня собрал нашу представительную команду и глубоко символично, что Студенческий Театр РАУ, который только-только делает свои первые шаги, в качестве своего первого дебютного выступления выбрал именно «Горе от ума».

Я думаю, что в духовном единстве нашем основной залог того, что как военно-стратегическое, так и экономическое партнерство, взаимодействие, ***обязательно взаимовыгодное взаимодействие***, сотрудничество между суверенной Арменией и суверенной Россией будут продолжаться обязательно во благо обоих народов и государств.

Спасибо за внимание.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА РАБОТНИКА ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ С ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ТУРИЗМА НА БАЗЕ РАУ

Берберян А.С., Кеворкова Н.И.

Туризм имеет огромное значение для социально-политической и экономической жизни Армении. За период функционирования индустрии туризма в РА накоплен определенный опыт организации туристского бизнеса. Социально-экономические кризисы последних лет не уменьшили интерес к данной сфере социального обслуживания в стране, обладающей большим туристским потенциалом и сложившимися этнокультурными традициями в сфере обслуживания.

Главная задача, стоящая перед туристским комплексом в нынешних условиях, – выработка стратегии туристской деятельности, оказание содействия предприятиям в развитии туристских организаций – через подготовку квалифицированных кадров, содействие интеграции организаций и фирм туристского бизнеса с целью создания программ перспективного развития отечественного туризма, создание благоприятного для туризма имиджа страны.

Анализ потенциальных источников роста турпродукта и основных его составляющих ведет к пониманию и прогнозированию тенденций развития внутреннего туризма в Армении. Важнейшей составляющей турпродукта является качество обслуживания; и только те туристские организации, которые предлагают своим клиентам высокое качество обслуживания, способны выдержать жесткую конкурентную борьбу. А это невозможно без квалифицированных работников профессионального уровня.

Опросы работников туристской индустрии свидетельствуют о том, что одним из основных недостатков в деятельности туристских фирм в республике является отсутствие квалифицированных кадров, способных на профессиональном уровне обслужить клиента. Квалифицированная работа в сфере туризма предполагает системные профессиональные знания, умения и навыки, высокую технологическую подготовку, владение коммуникативными навыками и психологическими умениями управления и грамотного построения отношений с клиентами.

Качество сервиса и предлагаемых услуг, культура обслуживания на сегодняшний день является определяющей тенденцией в развитии туризма. Исследования, проведенные в сфере туризма, показали, что распространение позитивного опыта обслуживания клиентов происходит более замедленно (в 2 раза), чем распространение негативного опыта, что может крайне ограничить количество постоянных клиентов. А увеличение клиентов всего на 5%, в свою очередь, приводит к возрастанию прибыли туристских организаций до 125% (!). Следовательно, возрастает значение развития квалификационного уровня персонала.

Новейшая современная техника, реструктуризация и использование разнообразных методов в работе туристского агента не дадут должных результатов, если сотрудник не будет соответствовать современным требованиям. Профессиональное развитие и повышение квалификационного уровня способствует улучшению производственных показателей организаций, повышению качества обслуживания, имиджа фирмы, улучшению психологического климата, уменьшению количества жалоб и конфликтных ситуаций и, в конечном итоге, обеспечивает более высокую производительность труда без дополнительных затрат.

Переход к новой стратегии в развитии туризма, таким образом, прямо связан с деятельностью учебных заведений туристского профиля, внедрением новых образовательных программ. Назрела необходимость конкретного диалога, интеграции деятельности между представителями науки и практики в целях построения оптимальной модели обучения и стратегии создания успешной карьеры в сфере туризма. Процесс подготовки специалистов в данной сфере связан с определенными трудностями, к числу которых относятся недостаточное количество научных исследований, учебных пособий по вопросам организации управления туристскими

комплексами, разработок учетной политики туристских фирм, оценки эффективности организаций государственного и частного туристского комплекса и др.

Преодолению указанных трудностей во многом способствует организация совместных научно-практических конференций, семинаров, совещаний. Современный этап требует качественного скачка в развитии туризма, ведущего к повышению эффективности всего туристского бизнеса. Этим проблемам была посвящена научно-практическая конференция “Основные проблемы туристской деятельности и перспективы развития туризма в Армении”, которая состоялась в Российско-Армянском (Славянском) государственном университете 20.12.2002 г. В работе конференции приняли участие представители государственных структур, управления туризма Министерства торговли и экономического развития РА, различных туристских организаций, научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. Материалы конференции были опубликованы при содействии программы “Проект: гражданское образование”.

Проведенные в РАУ исследования и обсуждения позволяют выделить ряд основных положений, отражающих итоги, задачи и пути дальнейшего развития национального туристского бизнеса.

1. Комплексное изучение проблем развития туризма, требующее междисциплинарного подхода, интеграции научных и практических разработок на базе целостной научной концепции.
2. Интеграция Армении в систему мирового туристского рынка и развитие международного сотрудничества в области туризма. Расширение и укрепление сотрудничества с туристскими организациями, проведение совместных исследований, активное участие в разработке республиканских и международных, в особенности, российских проектов.
3. Совместное обсуждение государственной программы по развитию туризма, внесение изменений в государственную программу развития туризма в форме рекомендаций по развитию агро-, эко-, познавательного туризма с широким использованием богатейших природных ресурсов страны на основе проведенной инвентаризации.
4. Формирование экономических механизмов стимулирования развития иностранного и внутреннего туризма, привлечение инвестиций в эту среду и защита внутреннего туристского рынка путем предоставления налоговых и таможенных льгот, государственных гарантий и других мер государственной поддержки.
5. Качественное улучшение координационной работы. Ежегодное проведение координационных совещаний по наиболее актуальным проблемам научно-практического характера. Совершенствование системы информационного обеспечения туристской индустрии.
6. Создание благоприятных условий для кооперации туристских, банковских структур, транспортных, гостиничных и страховых компаний в целях формирования высокотехнологичных комплексов туристского обслуживания и развития материльно-технической базы отрасли. стимулирования развития туризма путем привлечения внебюджетных источников, в том числе иностранных инвестиций, для реконструкции и нового строительства туристских объектов.
7. Создание нормативно-правовой базы развития туризма, соответствующей международной правовой практики. Введение четкой системы сертификации и лицензирования туристской деятельности.
8. Реализация в Армении концепции устойчивого развития туризма как экологически безопасной формы использования природных и культурных ресурсов.
9. Всесторонняя подготовка студентов к успешной профессиональной деятельности, обеспечение высокого уровня их обучения и воспитания, единства теоретической и практической подготовки.
10. Совершенствование научных планов и программ для эффективной подготовки специалистов с целью обеспечения целевого заказа от Министерства образования РА.

11. Создание современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации туристских кадров.

12. Создание проблемных групп, включающих преподавателей вузов, практиков и студентов для исследования научных проблем в сфере туризма и внедрение научных идей в практику. Создание научной лаборатории по туризму на базе РАУ для решения научно-практических задач.

Все вышеперечисленное должно стать основополагающим фактором для развития факультета социально-культурного сервиса и туризма РАУ, для разработки новых учебных программ и методических пособий, для создания в РАУ научной школы туризма.

Проведенная в этом направлении работа продемонстрировала плодотворность научного сотрудничества и взаимную заинтересованность представителей науки и практики в укреплении и развитии научных контактов. При изучении проблем развития турбизнеса необходимо исходить из основополагающего тезиса: приобретение профессиональных знаний, умений и навыков делают работника более конкурентоспособным на рынке труда.

Сегодня практика международного туризма выявляет прежде всего доходность этой отрасли во многих странах мира. По прогнозам ВТО (Всемирной туристской организации) в течение ближайших нескольких лет число туристов дойдет до 600-700 миллионов человек в год, ежегодные затраты путешественников составят около 1 триллиона долларов. А это означает, что туризм стал большим бизнесом, второй крупной отраслью экономики в мире. Для экономического развития многих стран он настолько важен, что между ними развернулась жесткая конкуренция.

Армения, которая после развала СССР в течение ряда лет была практически закрыта для туризма, сегодня обладает достаточными туристскими возможностями и может заявить о себе в борьбе за привлечение туристов. Позитивные изменения в развитии туризма в Армении очевидны, однако недостаточны, поскольку реальный прогресс в этой отрасли может наблюдаться только тогда, когда в основу туристской программы страны будут заложены адекватное финансирование и последовательная политическая поддержка. Без этих двух важнейших факторов перемены не принесут желаемого результата.

Для этого в Армении необходимо создание современного высокоэффективного и конкурентноспособного туристского комплекса, обеспечивающего, с одной стороны, широкие возможности для удовлетворения потребностей армянских и зарубежных граждан в туристских услугах, с другой – значительный вклад в развитие экономики страны, в том числе за счет увеличения количества рабочих мест, налоговых поступлений в государственный бюджет, притока иностранной валюты, сохранения и рационального использования культурного и природного наследия.

Активная кадровая политика в сфере туриндустрии по научно-методическому и информационному обеспечению, использованию достижений социо-культурных и психологических наук, планирование работы с учетом потребностей туристских фирм в Армении приведет, несомненно, к повышению качества туристского продукта.

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В ЮРИДИЧЕСКУЮ НАУКУ

Сафарян Г.

Издательство "Гитутюн" Национальной Академии Наук Республики Армения выпустило в свет книги профессора Роберта Авакяна "За законность" (Ереван, 2002, 560 с.) и "Правовая защита озера Севан" (Ереван, 2003, 777 с.). Они напечатаны по решению Ученого Совета Института философии, социологии и права НАН РА.

В них рассмотрены проблемы Общей и Особенной частей уголовного права, криминологии и экологического права.

Из вопросов, относящихся к Общей части уголовного права, можно выделить: погашение и снятие судимости; содержание интеллектуального и волевого элементов умысла; субъективная сторона неоконченного преступления; смертная казнь; принцип справедливости и вопросы квалификации преступлений, психологическое, социальное, правовое значение соучастия; добровольный отказ соучастника; формы соучастия.

С точки зрения автора, в тех случаях, когда лица, судимость которых погашена либо снята, совершат новое преступление, суды, назначая подсудимому наказание в виде лишения свободы в исправительно-трудовой колонии, не могут исходить лишь из факта погашения либо снятия с них прежней судимости, а должны учитывать в совокупности все данные о личности осужденного, в том числе характер и тяжесть совершенного им ранее преступления.

Как известно, законодательная обрисовка прямого и эвентуального (косвенного) умысла в уголовном законодательстве дана таким образом, что в ней представлены все проявления и стороны психики человека: интеллектуальные (познавательные) волевые и эмоциональные в их единстве.

Волевой элемент прямого умысла характеризуется тем, что виновное лицо желает наступления общественно опасного последствия своих действий. Отмечается, что подобное законодательное определение волевого компонента умысла недостаточным образом выражает сущность, специфику этого момента и не является должной характеристикой волевого элемента прямого умысла. Поскольку виновное лицо при прямом умысле не просто "желает" наступления определенного вредоносного результата, при существующей законодательной сформулировке можно сделать вывод, что лицо, действуя с прямым умыслом, имеет представление лишь о цели преступления, но не о средствах, с помощью которых эта цель может быть реализована. Поэтому характеристика волевого отношения через термин "хотение" выражает природу психического отношения к последствию так, как и бывает в практической жизни.

Новый Уголовный кодекс Республики Армения отказался от такой исключительной меры наказания, как смертная казнь, заменив ее пожизненным лишением свободы.

Как подчеркивается в книгах, поскольку общие начала назначения наказания до сих пор еще не только не подвергались сомнению (новый УК Российской Федерации, например, включил эту норму из раннедействуюшего Кодекса в новый), а новый УК РА данную норму имеет в той же редакции, то это не отрицает, а предполагает наличие смертной казни как исключительной меры наказания. Отказываясь от смертной казни, по мнению Р. Авакяна, мы попросту лишаем суд возможности индивидуализировать ответственность и наказание, ставя под сомнение

факт существования в уголовном праве таких принципов, как законность, справедливость, виновность, неотвратимость наказания. Суд в своем арсенале должен иметь все виды наказаний.

Из вопросов, относящихся к Особенной части уголовного права, следует выделить проведенный уголовно-правовой (и криминологический) анализ таких составов преступлений, как доведение до самоубийства и загрязнение водоемов, воздуха и почвы.

В юридической литературе отмечалось, что прямой умысел при доведении до самоубийства исключается, и лишение жизни в подобных случаях следует квалифицировать как умышленное убийство, отличающееся лишь особым способом его совершения.

Например, известный криминалист С. В. Бородин, в своих ранних работах подвергший обстоятельной (на двух страницах) критике позицию Р. Авакяна о возможности доведения до самоубийства с прямым умыслом, позднее писал: "Субъективная сторона доведения до самоубийства не определена в ст. 110 УК, поэтому на первый взгляд может показаться, что совершение этого преступления возможно не только по неосторожности и с косвенным умыслом, но и с прямым умыслом. Такую позицию заняли, например, Р. З. Авакян, а также авторы учебника по уголовному праву, вышедшего уже после принятия нового УК. ...Мы разделяем эту позицию" (С. В. Бородин. Преступления против жизни. М., Юристъ, 1999, с. 61-62. Его же. Преступления против жизни. Санкт-Петербург, Изд-во "Юридический центр Пресс," 2003, с. 83).

В условиях строительства правового государства изучение преступности приобретает первостепенное значение. Тем более актуальной является проблема сравнительного анализа криминальной ситуации на примере трех Армянских республик - по существу трех разных эпох - с точки зрения состояния, структуры и динамики преступности.

По степени распространенности преступлений структура преступности в Первой Армянской Республике (1918-1920 гг.) представляла собой совокупность следующих групп преступлений: должностные преступления; воинские преступления; преступления против собственности (разбой, грабеж, кража); преступления против личности (преступления против жизни и здоровья); государственные преступления. Количество лиц, совершивших преступления, было "громадным", поскольку преступность носила "массовый", "эпидемический" характер.

Во Второй Армянской Республике (1920-1990 гг.) в 1970-1990 годах повышенную общественную опасность представляло загрязнение окружающей природной среды. Хотя нарушения природоохранительного законодательства имели массовый характер, однако ни одно должностное лицо так и не было привлечено к уголовной ответственности за преступное загрязнение объектов природы. Прокурорскими органами преступления в сфере эксплуатации природных богатств не рассматривались как уголовно наказуемые. Деяния, представляющие особую общественную опасность для поколений, общества и государства, по существу были декриминализированы. Тем временем в структуре преступности преступления против окружающей природной среды прочно занимали первое место.

В Армении в 1988-1990 годах в структуре преступности большой удельный вес составили такие тяжкие преступления, как умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, хищение имущества путем кражи, грабежа, разбоя, хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ. В эти годы

удельный вес повторной преступности был выше, чем в девяти республиках бывшего СССР.

В Третьей Армянской Республике на основе Декларации "О независимости Армении" и конституционного закона "Об основах независимой государственности Армении" действующий до апреля 2003 года УК РА подвергся коренным изменениям и дополнениям. Эти изменения и дополнения касаются как Общей, так и Особенной частей Уголовного кодекса.

Как отмечает автор, развитие уголовного законодательства по существу пошло по трем направлениям. Во-первых, декриминализирован несовместимый с новыми социально-экономическими реалиями, новой политической системой целый ряд деяний, утративших общественную опасность; во-вторых, криминализирован целый ряд деяний, ставших общественно опасными; и, наконец, в третьих, целый ряд норм Общей и Особенной частей Кодекса был подвергнут серьезным смысловым и содержательным изменениям, что опять-таки вытекает из сложившихся новых социально-экономических и политических отношений.

Согласно приводимым данным, в 1997 году было зарегистрировано 12355 преступлений, а в 1998 году - 10761, или на 1594 случая меньше (12,9%). Положительные тенденции сокращения общего количества преступлений в течение всего 1998 года были не только закреплены, но и впервые качественно улучшились показатели, характеризующие состояние и структуру преступности: количество тяжких преступлений значительно сократилось. Если общее количество преступлений сократилось на 12,9% (12355-10761), то количество тяжких преступлений - на 44,8% (3318-1831).

Особое место в обеих книгах занимают проблемы предотвращения загрязнения окружающей среды и охраны рыбных запасов озера Севан.

Анализируя законодательные и нормативные акты, автор приходит к выводу, что намеченные в них мероприятия в большей части так и остались невыполненными.

Поскольку в природе все явления взаимосвязаны и взаимообусловлены, проблема озера Севан исследуется в контексте сложившейся в РА крайне неблагоприятной экологической ситуации. Еще по данным 1975 года, 75% природных ресурсов уже были использованы.

Положительные рецензии на первый том "За законность" появились не только в Армении, но и за рубежом.

Например, по мнению доктора философских наук, члена Союза писателей России Г. Ониани: "Считаю выход в свет столь многогранного и глубокого исследования важным событием, направленным на оздоровление криминальной обстановки в странах СНГ, и ценным вкладом в науку" ("Литературная газета". Орган Союза писателей России. М., 2002, № 18-19, 14 мая).

А председатель Комитета по юридическим вопросм, законности и административным реформам Парламента Грузии, Государственный советник юстиции Г. Пайчадзе считает: "Оперируя конкретными фактами, автор обобщает их и делает аргументированные выводы, дает рекомендации, направленные на совершенствование технологических процессов на предприятиях и совершенствование правовой базы для наращивания усилий в этом направлении. Эти рекомендации имеют практическое значение для любой территории, независимо от ее географического расположения, поскольку экологическая безопасность ныне постепенно отодвигает на задний план все другие проблемы на нашей планете.

Монография, безусловно, представляет собой ценный вклад в юридическую науку и в то же время имеет большое практическое значение" ("Свободная Грузия", Тбилиси, 2002, 6 июня; "Врастан" ("Грузия", на арм. яз.), Тбилиси, 2002, 15 июня).

Надеемся, что, как и первый том, второй - "Правовая защита озера Севан" - также получит положительный резонанс.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Золян М.С.

Уже более полутора десятка лет продолжается конфликт между Нагорным Карабахом и Азербайджаном. Хотя военная фаза конфликта завершилась подписанием перемирия в 1994 г., тем не менее до сих пор не найдено политическое решение проблемы Нагорного Карабаха и, несмотря на многочисленные попытки посредничества, трудно говорить о каком-либо серьезном прогрессе в мирном процессе. Создалась ситуация, когда конфликт заморожен и ни одна сторона не желает идти на уступки.

Подобная ситуация объясняется рядом причин. Значительную роль играет поддержка Азербайджана такой мощной региональной державой, как Турция, которая, к тому же, является членом блока НАТО. Немалую роль играют надежды на то, что приток нефтедолларов может позволить экономически усилившемуся Азербайджану взять реванш у Армении и НКР, ослабленных в результате турецко-азербайджанской блокады. Есть, однако, еще один фактор, который, по нашему мнению, в значительной мере объясняет неуступчивость азербайджанских властей. Дело в том, что сохранение ситуации замороженного конфликта выгодно для правящих кругов современного Азербайджана, хотя и весьма негативно сказывается на развитии страны и региона в целом. Во-первых, замораживание конфликта представляет прекрасные возможности для закрепления в стране авторитарного режима и подавление всякого инакомыслия под предлогом сохранения единства общества перед лицом врага. Во-вторых, наличие конфликта позволяет азербайджанским элитам проводить политику, направленную на решение двух взаимосвязанных задач: консолидацию азербайджанской нации и подавление идентичности этнических меньшинств Азербайджана и их ассимиляцию.

В данной статье мы постарались рассмотреть Нагорно-Карабахский конфликт в контексте исследований этнической и национальной идентичности. Исследования этничности (ethnicity) и национализма – сравнительно новая область общественных наук, которая, сочетая методы различных социальных наук, ставит перед собой задачу исследования таких явлений, как этническая и национальная идентичность, национализм, межэтнические взаимоотношения и межэтнические конфликты[1]. Применение исследовательских парадигм, разработанных в сфере исследований национализма, позволяет выделить весьма важные аспекты нагорно-карабахского конфликта и понять механизмы, которые способствуют возникновению и воспроизводству конфликта. В данной статье, на основе анализа азербайджанского восприятия карабахского конфликта, мы попробуем показать, что существует прямая связь между событиями в Карабахе и процессом консолидации азербайджанской нации. В свою очередь эта связь во многом объясняет особенности той политики, которую проводит азербайджанская политическая элита.

Как известно, после распада Советского Союза в бывших советских республиках начинается процесс формирования национальных государств, выражающих в первую очередь интересы составляющей в данной республике большинство этнической группы, так называемого «титульного» этноса. В современной англо-язычной литературе этот процесс обозначается термином

«nation-building», что можно перевести на русский как «строительство нации». В некоторых случаях этот процесс консолидации протекает в обществе, где уже достаточно развито национальное самосознание «титульной» нации. В других случаях, где национальное самосознание к моменту распада советского государства было довольно-таки аморфным, процесс формирования иститутов национального государства во многом совпадает с формированием самой национальной идентичности той группы, которая выступет в качестве «титульной нации».

В Южно-Кавказском регионе Армения и, с некоторыми оговорками, Грузия представляют пример первого типа «строительства нации», когда «готовое» национальное самосознание получает свое выражение в иститутах национального государства. Второй случай представлен в нашем регионе в процессах, которые протекают в Азербайджане. Конечно же, нельзя утверждать, что азербайджанцы к моменту распада СССР вовсе не обладали национальным самосознанием: речь идет о том, что национальное самосознание у азербайджанцев находилось на более ранней стадии развития, чем у их соседей по региону.

То обстоятельство, что армяне к моменту распада СССР обладали сильно развитым национальным самосознанием, проявилось, в частности, в том, как воспринимался Карабахский конфликт в Армении и в том, какую роль конфликт играл в становлении армянского национального государства. Массовое национальное движение и последовавшее за ним создание национального государства протекали в условиях существования довольно развитого национального самосознания. Армянская политическая и интеллектуальная элита, которая начала в 1990-ых гг. осуществлять проект построения армянского национального государства, опираясь на уже оформившееся национальное самосознание армян.

Одним из следствий этого было то, что в армянском обществе уже существовала схема, которая позволяла осмыслить конфликтную ситуацию и обосновать позицию армянской стороны. В армянском обществе существовал более или менее сформировавшийся исторический нарратив, основанный на событиях начала века – геноциде 1915 г, и потере армянами территорий исторической Армении. Передача Карабаха Азербайджану расценивалась как продолжение исторической несправедливости, жертвой которой, согласно этому нарративу, пал армянский народ в начале XX в. Армянское население Карабаха и Азербайджана воспринималась как жертва геноцида, сначала в метафорическом смысле («белый», «культурный», «демографический» геноцид), а после Сумгаитских погромов – как жертва геноцида в прямом смысле этого слова. Соответственно, для большинства армян смысл конфликта в Карабахе сводился к двум основным моментам: исправлению совершенной в прошлом исторической несправедливости и устранению угрозы геноцида армян Карабаха, путем объединения с Арменией или достижения независимости. Азербайджанцы, в свою очередь, отождествлялись с османскими турками: им отводилась роль «варваров», ответственных за геноцид армян и представляющих физическую угрозу для армянской нации.

Геноцид 1915 г. в Османской Империи продолжает оставаться одним из центральных событий в исторической памяти армян как нации. Поэтому не случайно, что в армянском восприятии конфликта, начавшегося в 1988 г, понятие «геноцид» становится центральным, и исторические события проецируются на события современности. В армянском общественном дискурсе понятие «геноцид» распространяется не только на погромы и этнические чистки в Азербайджане и Карабахе, которые действительно

подходят под узко юридическое определение этого термина, но и на явления такого рода, как культурная ассимиляция и нарушения прав человека и даже экологическая обстановка. Отмечая эту особенность восприятия Геноцида в Армении, американский этнолог Нора Дадвик в исследовании, посвященном карабахскому движению, говорит о Геноциде как о «корневой парадигме» армянского общества[2].

Таким образом, восприятие Карабахского конфликта в Армянском обществе полностью вписывалось в уже существовавшие нарративы и представления[3]. Интенсивность мобилизации армян вокруг общенациональной программы «освобождения Арцаха», как в самом Нагорном Карабахе, так и в Армении и в Диаспоре, показала эффективность этих схем национального самосознания.

Иная ситуация сложилась в Азербайджане, где, как отмечалось, процессы формирования национального самосознания были далеки от завершения к тому моменту, как началось строительство национального гсоударства. В течение десятилетия, последовавшего за распадом Советского Союза, политическая и интеллектуальная элита Азербайджана осуществляла политический проект создания азербайджанского государства и формирования азербайджанской нации. Наличие Карабахского конфликта оказало огромное влияние на этот процесс. Карабах стал той сакральной территорией, тем символом, вокруг которого азербайджанская элита стремилась консолидировать нацию, а армяне стали тем «Образом Другого» или «Образом Врага», по отношению к которому косолидируется нация[4].

Конечно, было бы неверно считать, что процесс формирования азербайджанского национального самосознания начался только после распада Советского Союза. Как показывают исследования, начало формирования азербайджанского национального самосознания относится еще к концу XIX в, когда среди образованных слоев мусульманского тюркоязычного населения Южного Кавказа возникает националистическое движение, которое сначала ограничивалось сферой культуры, но постепенно начало выдвигать также и политические требования[5]. Толчком для развития национального самосознания среди тюркоязычных мусульман юго-восточного Кавказа послужила так называемая «армяно-татарская резня» 1905-1906 гг. Следущим этапом стало создание государства Азербайджан в 1918 г., которое после советизации превратилось в советскую республику Азербайджан.

В годы советской власти различные формы идентификации (религиозная, племенная, региональная), которые были основными для тюркоязычных мусульман в дореволюционный период уступают свое место национальной идентификации как «азербайджанцев». В этом процессе важную роль сыграли такие факторы как экономическое и социальное развитие населения Азербайджана, повышение уровня образования, индустриализация и урбанизация. Немалую роль сыграло ослабление религиозной идентичности мусульманского населения под влиянием советской политики государственного атеизма. Все это вместе можно назвать процессом модернизации: связь между процессами модернизации и формированием национальной идентичности отмечалась исследователями[6]. Не последнюю роль играла и национальная политика Советского Союза, способствовавшая образованию в республиках моноэтнических политических элит, в частности так называемая «коренизация» в 1920-30-ых годах, целью которой был передача ведущих позиций в государственных и партийных органах национальных республик представителям «титульной» национальности. Все

это создавало благоприятную почву для формирования национального самосознания.

Тем не менее, к моменту распада СССР азербайджанское национальное самосознание все еще трудно было считать сформировавшимся. В этом плане карабахский конфликт послужил мощным катализатором для процесса национальной консолидации. Этот процесс все еще продолжается под руководством азербайджанской элиты. До сих пор в Азербайджане существуют многочисленные этнические группы, представители которых не всегда идентифицируют себя с азербайджанской нацией: лезгины, талыши, курды, таты и др. Что касается численности этнических меньшинств, то официальная азербайджанская статистика дает довольно заниженные цифры, однако по оценкам экспертов в Азербайджане проживают по крайней мере 250-300 тысяч лезгин, 200-250 тысяч талышей, от 60 до 200 тысяч курдов, а также другие этнические группы, языки которых в основном иранского или кавказского происхождения (таты, удины, аварцы, цахуры и др.)[7]. Трудно судить о том, насколько развито этническое самосознание и стремление к национальному самоопределению среди представителей этнических меньшинств, однако некоторые из этих групп уже выступали с требованиями национального самоопределения, как, например, лезгины и талыши.

Кроме того, среди тюркоязычного большинства Азербайджана также не существует единой и всеми разделяемой национальной идентификации. Споры об «азербайджанской национальной идее» не утихают, причем они принципально отличаются от казалось бы похожих дискуссий о «национальной идеологии» в Армении или «русской идее» в России. В России в ходе подобных дискуссий речь идет как правило об исторической миссии народа и его «цивилизационном выборе», а в Армении – об определении целей стоящих перед нацией и стратегии их достижения. В Азербайджане, кроме подобных проблем, дискуссия затрагивает такие вопросы, как историческое происхождение нации, ее правильное название, правильное название национального языка, даже вопрос о том, следует ли считать азербайджанцев отдельной нацией или частью более широкой тюркской общности[8]. То обстоятельство, что эти вопросы становятся объектом дискуссий, свидетельствует о том, что процесс формирования азербайджанского национального самосознания далек от завершения.

Говоря о процессе формирования национального самосознания в Азербайджане, не следует забывать, что лидирующую роль в нем играют политическая и интеллектуальная элиты Азербайджана. Роли элит в процессах формирования наций и национальных идентичностей посвящены многочисленные работы[9]. Способы проведения подобной политики многочисленны – прямая правительственная пропаганда, использование средств массовой информации, контроль над сферой образования, в частности преподаванием истории в учебных заведениях, введение национальных праздников, «дней памяти», создание музеев и т.д.

Специфика азербайджанской ситуации заключается в том, что в своей политике, направленной на национальную консолидацию, азербайджанская элита активно использует ту ситуацию, которая сложилась в результате Карабахского конфликта. При этом, с одной стороны, ее политика превращает Карабахский конфликт в средство для консолидации нации. С другой стороны, та же политика превращает карабахский конфликт в средство для оправдания и легитимизации существующего авторитарного режима. Особенно ярко эта тенденция проявилась в последние годы правления Гейдара Алиева и еще ярче проявляется в настоящее время при его сыне и наследнике Ильхаме.

Власти используют ситуацию замороженного конфликта, чтобы не только подавить политическое инакомыслие, но и нивелировать этнические и культурные различия между этническими группами, населяющими эту страну.

В целом карабахский конфликт, увиденный с азербайджанской стороны, предоставляет довольно много возможностей для подстегивания процесса национальной консолидации. Мифологизированные представления о конфликте и об армянах становятся сегодня частью представлений азербайджанцев о себе и об окружающем мире, иными словами, становятся частью азербайджанской национальной идентичности. Говоря о восприятии Карабахского конфликта в Азербайджане, следует выделить несколько основных элементов, или, другими словами, основных мифологем которые можно кратко охарактеризовать как «армянскую агрессию», «армянский заговор», «армяне – пришельцы», «геноцид азербайджанцев»[10].

С точки зрения большинства азербайджанцев, карабахский конфликт представляет собой агрессию одного государства против другого или одного народа против другого. Такое восприятие полностью игнорирует какую-либо самостоятельную роль карабахских армян в конфликте: они не более, чем «агентура», «передовой отряд» или даже «экспедиционный корпус» агрессивно настроенной Армении. Соответственно полностью отвергается такое, казалось бы тривиальное, объяснение причины конфликта, как недовольство армян Карабаха политикой азербайджанских властей. Следуя той же логике, азербайджанские власти отвергают возможность признания карабахских армян и НКР стороной конфликта.

Считается, что основной причиной карабахского конфликта были агрессивные планы армянских националистов, воодушевленных идеей «Великой Армении». Достаточно бросить беглый взгляд на азербайджанские пропагандистские материалы, чтобы убедиться, что предполагаемое стремление армянских националистов создать «Великую Армению» красный нитью проходит через азербайджанское восприятие конфликта. Сегодня в Азербайджане публикуются целые монографии, разоблачающие армянский заговор с целью создания «Великой Армении»[11]. Даже умеренно настроенный и в целом стремящийся к объективности исследователь А. Юнусов отдал дань представлениям о том, что суть Карабахского конфликта заключается в территориальных притязаниях Армении[12].

Вторая мифологема, непосредственно связанная с первой – теория «армянского заговора». В целом различные теории заговора довольно часто встречаются в различных вариантах националистического дискурса, в особенности, в крайне националисических и расистских доктринах, как, например немецкий национал-социализм и итальянский фашизм. Идея «жидо-массонского» или «сионисткого» заговора и ее различные модификации занимали видное место в идеологии современных крайних националистов в России до и после революции 1917 г. и продолжают занимать и сейчас. Вполне естественно, что эти идеи оказали большое влияние на становление азербайджанского национализма. В Азербайджанском националистическом дискурсе место всесильного «мирового сионизма» зачастую занимают армянская диаспора и вездесущее «армянское лобби», место «сионистов» – «дашнаки». При этом «дашнаки» в азербайджанском восприятии – мифологизированный собирательный образ, который имеет так же мало общего со своим прототипом – реальной партией «Дашнакцутюн», как образ «сионистов» у антисемитски настроенных авторов и политиков – с исторической сионистской организацией. «Могущество» армянской диаспоры в некоторых азербайджанских публикация уже в первые годы конфликта

доходило до абсурдных масштабов: азербайджанский автор А. Мансуров еще в 1990 г. писал, что армяне организовали покушение на президента США Рональда Рейгана, так как тот, якобы, отказался признать геноцид армян в Турции; тот же автор утверждал, что армяне организовали погромы турок-месхетинцев в Узбекистане[13].

Карабахский конфликт зачастую представляется в азербайджанских публикациях как всеобъемлющий заговор, организованный армянскими националистами при непосредственной помощи России и при негласной поддержке Запада. С этими представлениями связано и убеждение, которое разделяют многие азербайджанцы, что с самого начала конфликта Армению поддерживали и продолжают поддерживать советское руководство, а потом Россия[14]. Не менее распространено и то мнение, что армян, как христиан, поддерживал и продолжает поддерживать весь западный мир. Проявление предвзятости Запада азербайджанцы видели, в частности, в том, что западная пресса и советские диссиденты громко осуждали сумгаитские погромы и другие случаи насилия против армян в Азербайджане[15].

«Армянский Заговор» характеризуется не только свом широким географическим охватом, но и своей длительностью: корнями «армянский заговор» уходит в историю, когда Закавказье было присоеденено к России. Именно, в это время, как считают азербайджанские историки, армяне поселились в Нагорном Карабахе[16]. Согласно этой версии, которую уже в советское время начали создавать азербайджанские историки, армяне переселились на «исконно азербайджанскую» территорию Карабаха из Турции и Ирана, причем это переселение было организовано царскими властями, чтобы ослабить местное азербайджанское население. Азербайджанцы «гостеприимно» приняли армян, однако армяне использовали это гостеприимство во вред азербайджанцам. Идея, что армяне на территории Азербайджана – «гости», причем «гости», которые нарушили нормы гостеприимства и которые, следовательно, должны быть выдворены, присутствует во многочисленных азербайджанских публикациях и выступлениях политиков. Именно эта концепция оправдывала и армянские погромы в азербайджанских городах в 1988-1990, и депортацию армянских деревень в 1991, и попытку решить конфликт военным путем в 1992-1994 гг.

Постепенно формируется концепция «армянского заговора», которая объясняет всю историю «злоключений азербайджанского народа» на протяжении последних двух столетий. В контексте этой концепции, конфликт, начавшийся в 1988 г. – всего лишь один из этапов заговора. Цель заговора – создание армянского государства на исконно азербайджанских землях. Одно из сравнительно ранних проявлений этой концепции – довольно известная статья азербайджанского историка Зии Буниятова «Почему Сумгаит?», вышедшая в 1989 г.[17] Цель автора – доказать, что происшедшее в Сумгаите – результат провокации самих армянских националистов. При этом Буниятов не только обвиняет армянских националистов в организации погромов их же собственных соотечественников, но и проецирует эту схему на прошлое армянского народа. Армяне, в представлении Буниятова, народ никогда не имевший собственного государства, который пытается захватить чужие земли с помощью провокаций и заговоров. Именно в этом ключе интерпретируются, в частности, события в Турции в конце XIX в. В этой интерпретации армянские националисты являются основными виновниками армянских погромов, которые они будто бы спровоцировали для достижения своих политических целей.

Статья Буниятова, так же как и последовавшие за ней аналогичные публикации, могла бы сегодня не представлять большого интереса. Однако, идеи Буниятова после создания Азербайджанского независимого государства не только не были забыты, но и стали основой официальной идеологии, которую сегодня создает современная азербайджанская политическая элита. Теория заговора в ее буниятовском варианте претерпела за последнее десятилетие значительные изменения. Мифологема «армянского заговора» модифицировалась, превратившись в доктрину «геноцида азербайджанцев со стороны армян».

Доктрина «геноцида азербайджанцев» усиленно внедряется сегодня в массовое сознание азербайджанского общества со стороны политической элиты Азербайджана. Правящая элита Азербайджана не только поддерживала и продолжает поддерживать публикацию пропагандистских материалов и псевдо-научных работ, в которых обосновывается эта доктрина, но и фактически уже придала теории «заговора азербайджанцев» характер официальной идеологии. Вполне в духе советской практики, делавшей Советский Союз «страной с непредсказуемым прошлым», азербайджанские власти навязывают свою интерпретацию истории обществу с помощью законодательных актов, правительственных решений, президентских указов.

Указ о Геноциде азербайджанцев, подписанный Г. Алиевым 26 марта 1998 г. – наиболее важный из целой серии подобных документов[18]. Указ содержит краткое изложение истории армяно-азербайджанских отношений в алиевской интерпретации и служит своего рода руководством, как нужно представлять карабахский конфликт для современных азербайджанских политиков, дипломатов, публицистов, историков и т.д. Роль алиевского указа напоминает ту функцию, которую выполняли в Советском Союзе решения партийных органов и выступления вождей[19].

Указ о Геноциде азербайджанцев, так же, как и сама теория геноцида азербайджанцев, заслуживает отдельного исследования. Здесь лишь вкратце обрисуем ее основные элементы. Во-первых, эта теория основывается на том положении, что армяне – пришельцы на исконно азербайджанских землях. В советский период эту идею развивали азербайджанские историки во главе с академиком Зией Буниятовым и его учеником Фаридой Мамедовой[20]. В силу ограничений на националистическое мифотворчество, существовавших в Советской Союзе, утверждение о том, что армяне – пришельцы, распространялось только на территории Азербайджанской ССР, в частности на Нагорный Карабах и Нахиджеван. Считалось, что армяне были переселены сюда в XIX в., после Туркменчайского договора, и что перед этим население этих областей составляли азербайджанцы и албанцы, что согласно этногенетическим теориям Буниятова и его школы – одно и то же. В независимом Азербайджане это положение распространяется практически на всю территорию современной Армении, о чем почти прямым текстом говорится в указе Алиева. Таким образом, современная Республика Армении превращается в интерпретации современного азербайджанского режима в Западный Азербайджан. Армяне выступают в роли захватчиков азербайджанских земель, азербайджанцы – в роли жертв агрессии и геноцида, а сама Армения – в роли искусственного государственного образования, созданного на захваченных у азербайджанцев землях.

Второй важный момент концепции геноцида азербайджанцев – утверждение о том, что армянам не только удалось скрыть свои действия, геноцид по отношению к азербайджанцам, но и убедить мировую общественность, что они сами – жертва геноцида. Как утверждается в тексте

указа Алиева, армяне, «прикрывая свои авантюристические территориальные притязания, формировали отрицательный образ азербайджанцев». Более того, «ложная армянская история с целью создания фундамента, воспитания армянского юношества в духе шовинизма возводилась до уровня государственной политики»[21]. Таким образом, согласно алиевской концепции, армяне создали и представили миру некую «ложную историю», в которой они сами выступают в роли жертвы, а «настоящая жертва», т.е. азербайджанцы – в роли агрессора. Не нужно обладать большими аналитическими способностями, чтобы заметить сходство между этими положениями указа о Геноциде, и теорией заговора, которую в свое время излагал З. Буниятов. Однако, теперь концепция Буниятова поднята на уровень официальной государственной доктрины. Более того, эта концепция положена в основу той интерпретации истории, которую нынешняя политическая элита Азербайджана стремится превратить в основу для консолидации национального самосознания азербайджанцев.

Одна из заключительных фраз указа окончательно закрепляет за армянами роль главного врага азербайджанцев как нации: «Все трагедии Азербайджана, происшедшие в XIX-XX веках, сопровождаясь захватом земель, являлись различными этапами осознанной и планомерно осуществляемой армянами против азербайджанцев политики геноцида»[22].

Концепция «геноцида азербайджанцев», которую сегодня пытаются внедрить в историческую память азербайджанцев как нации, заслуживает отдельного и подробного исследования. Тем не менее, хотелось бы привлечь внимание читателя к одной важной особенности этой концепции. Несомненно влияние армянского национального дискурса и армянских представлений о геноциде. Создаваемая азербайджанской элитой мифологема «геноцида» строится на основе армянской модели восприятия конфликта. Здесь присутствуют не только сам «геноцид», но и образ врага, как образ пришельцев и захватчиков, и понятие «потерянных территорий», в роли которых в данном случае выступает так называемый «Западный Азербайджан», практически вся территория современной Армении. Некоторые строки упомянутого нами указа Алиева и других аналогичных документов кажутся буквально списанными с армянских публикаций, посвященных Геноциду 1915 г. или погромам 1988-1990 гг. Конечно, трудно сказать насколько осознанным было подражание армянскому национальному дискурсу у создателей мифологемы «геноцида азербайджанцев». В любом случае сходство очевидно, и это сходство также может стать темой отдельного исследования, которое не только может объяснить некоторые процессы, протекающие в Азербайджане но и пролить свет на универсальные механизмы политического мифотворчества.

Попробуем суммировать сказанное. Существует прямая взаимосвязь между процессом формирования национальной идентичности азербайджанцев и Карабахским конфликтом. Конфликт с армянами стал той центральной темой, вокруг которой современная азербайджанская элита стремится сконструировать национальную идентичность азербайджанцев. Политическая и интеллектуальная элита Азербайджана создает определенную модель национальной истории, которая через законодательные акты, публикации, школьные и вузовские учебники и прочие средства, которыми располагают представители элиты, внедряется в массовое сознание азербайджанцев. Создается «образ врага», вокруг которого, как предполагают азербайджанские элиты, должна произойти консолидация нации.

На сегодняшний день трудно судить о том, насколько эффективна подобная политика, в какой степени конструкты, созданные политической и интеллектуальной элитой, стали частью образа мыслей «простых» азербайджанцев – широких слоев населения Азербайджана. Также трудно судить о том, насколько достижимы цели, которые ставит перед собой такая политика и насколько высока может быть цена, которую азербайджанское общество может заплатить за ее осуществление. Очевидно, что в региональном масштабе подобные меры никак не могут способствовать установлению сколько-нибудь прочного мира и стабильности, не говоря уже о региональном сотрудничестве и интеграции. Очевидно также, что в самом азербайджанском обществе эта политика способствует укреплению авторитарного режима и препятствует становлению политического плюрализма в какой-либо форме. Весьма сомнительно, что, в соответствии в расчетами азербайджанской элиты, усиленное формирование образа врага в лице армян будет способствовать интеграции этнических меньшинств Азербайджана. Наконец, очевидно, что пропаганда искусственно созданной концепции «геноцида азербайджанцев» вряд ли поможет тюркоязычному большинству Азербайджана ответить на стоящие перед ними вопросы о своей идентичности, о прошлом, настоящем и будущем азербайджанцев как нации.

[1] См. работы ведущих исследователей в этой области: Нации и Национализм / Под ред. Б. Андерсона. М. 2001; Gellner. E.Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983; Anderson B. Imagined Communities. London & New York: Verso, 1991; Smith A. National Identity. London: Penguin Books, 1991; Hutchinson J. and Smith A. Nationalism Reader. Oxford University Press, 1994.

[2] Dudwick N. "The Karabagh movement: an old scenario gets rewritten". In Armenian Revue, 1989 vol. 42.

[3] К подобному выводу приходят исследователи наблюдавшие карабахское движение с ранних этапов его становления: Н. Дадвик. указ. соч; Лезов С. Опыт Интерпретации мифического мышления: в Нагорном Карабахе и вокруг него. "Российская Газета", 28 марта 1992 г.

[4] Образ Другого и Образ Врага – важные компоненты национальной идентичности – по отношению к которым консолидируется нация. В каждом конкретном случае образ другого и образ врага могут совпадать и не совпадать. см. Нодия Г. “Конфликт в Абхазии: Национальные Проекты и Политические Обстоятельства” // Грузины и Абхазы: Путь к Примирению. М. 1998 С. 19-21.

[5]. Аух, Е-М. Между приспособлением и самоутверждением. Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на юго-восточном Кавказе (1875-1905) // Азербайджан и Россия: Общества и Государства. Москва, 2001 С. 51-75.

[6] Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983; Smith A. Nationalism And Modernism. London and New York: Routledge, 1998.

[7] Скаков А. Этническая и Миграционная Ситуация в Азербайджане // Миграции на Кавказе. Ереван, Кавказский Институт СМИ, 2003.

[8] Формулировка «одна нация – 2 государства», которую азкрбайджанские лидеры не раз повторяли и в Турции и на своей родине, фактически отрицает само существование самостоятельной азербайджанской нации. Об этих дискуссиях см. Hadji-zadeh. H. Azerbaijan: in Search of a National Idea. 1996. Published on “Virtual Azerbaijan” web-page www.zerbaijan.com (последнее посещение 31.01.2004).

[9] Нации и Национализм / Под ред. Б. Андерсона. М. 2001; E. Hobsbawm & T. Ranger (ed). Invention of Tradition. Cambridge University Press. 1992 ; E. Kedourie. Nationalism. Oxford: Blackwell, 1993.

[10] Приводимые ниже данные об азербайджанском восприятии в основном опираются на изучение азербайджанских публикаций в мировой сети «Интернет», в частности на материалах со следующих сайтов: www.karabakh.org , www.karabakh-terror.com , www.karabakh-doc.gen.az , www.zerbaijan.com , www.bakililar.az (последнее посещение 31.01.2004).

[11]См. например публикацию одного из ведущих азербайджанских авторов-пропагандистов Сабира Асадова: Асадов С. Миф О «Великой Армении». Баку, 1999.

[12] Yunusov. A. Malicious Mapmaking ttp://www.bullatomsci.org/issues/1994/jf94/jf94Azerbaijan.html последнее посещение 1.02.2004.

[13] Мансуров А. Белые Пятна Истоии и Перестройка. Баку, Язычи, 1990. Цит. По: Н. Иванов. «Во Всем Виноват Гдлян» // Hàãîðíûé Êàðàáàõ è Bîêðóã íåãî ãëàçàìè íåçàâèñèìûõ íàáëþäàòåëåé. Ñáîðíèê äîêóìåíòîâ / Ñîñòàâèòåëè Çîëÿí Ñ., Ìèðçîÿí Ã. Åðåâàí, 1991. С. 501-502.

[14] Интересно, что, хотя и считается, что СССР и Россия всегда поддерживали армян, участие советских войск в боевых действиях против армян в принципе не отрицается. Более того, в бакинской «аллее шехидов» похоронены русские офицеры, убитые во время операции «Кольцо». Th. Goltz. Azerbaijan Dairy: a Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic. Armonk, New York. 1998 P. XV-XVI.

[15] Swietochowski T. Russia and Azerbaijan: a Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995 P. 198.

[16] Анализ и критику этих концепций см. Shnirelman V. The Value of the Past: Myths. Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka, 2001; Schwartz D. and Panossian R. (editors). Nationalism and History: the Politics of Nation-building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia. University of Toronto, 1994.

[17] Буниятов З. Почему Сумгаит ? «Элм», 1991.

[18] Указ Президента Азербайджанской Республики о Геноциде Азербайджанцев. 26 марта, 1998 г. на сайте www.president.az последнее посещение 1.02.2004.

[19] Так например в очередной книге уже упомянутого С. Асадова, с характерным названием «Историческая География Западного Азербайджана» (т.е. – Восточной Армении – М.З.) на первый же странице находим такую фразу: «Печатается согласно указу президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева от 26 марта 1998 г. «О Геноциде Азербайджанцев».

Асадов С. Историческая География Западного Азербайджана. Баку, 1998. с.2.

[20] Shnirelman. V. Op. Cit. P. 165-169.

[21] “Указ Президента…”

[22] там же

КАРАБАХ. НА ГРАНИ ВЕКОВ

Петросян А.

В начале 90-х, после распада СССР, новая профессия, которую приобретали журналисты, работающие в зоне конфликтов, еще не получила название «экстремальной журналистики» и навыков работы в новом жанре никто из армянских журналистов не имел. Да и сами термины: «зона конфликта», «район боевых действий», «линия соприкосновения» и т.д. — появились гораздо позже. Сегодня, по прошествии более 10 лет перемирия, даже трудно сказать, что тянуло их в Карабах: романтика, патриотизм, жажда новых ощущений... Уж точно не большие гонорары, которые обычно выплачиваются журналистам в «горячих точках». Считалось, что журналисты просто выполняли свой долг. И это было абсолютной правдой. Материалы журналистов, работающих в зоне конфликта – это не только репортажи с места событий, зарисовки, интервью, сделанные порой на скорую руку, но и бесценный фактологический материал. Именно поэтому книги журналистов о войне всегда востребованны и актуальны.

В январе 2004 г. (Ереван, издательство «Ван Арян» на ар. яз., тираж 500 экз.) вышла в свет книга известной армянской журналистки Алвард Бархударян «Карабах: На грани веков», в которой собраны статьи, очерки и интервью автора о карабахской войне. Собранная в хронологическом порядке, книга состоит из двух частей. В первой – статьи и очерки, во второй, озаглавленной «Встречи» – интервью с видными политическими, военными деятелями, представителями духовенства Армении и Нагорного Карабаха. Сноски, комментарии, послесловия – это как бы взгляд на прошедшие события по прошествии лет, в котором много ценного и познавательного. Помещенные в книге фотографии, порой смутные, сделанные второпях и не всегда профессиональные, несут не меньше информации, чем сам текст.

За годы войны Алвард Бархударян стала в Карабахе своей, исходила его вдоль и поперек, была на всех участках фронта. Материалы книги – это не просто фронтовые корреспонденции, зарисовки, миниатюры и интервью – это история. История Армении и Нагорного Карабаха - самых трудных, самых напряженных – на грани отчаяния и надежды лет. В книге содержится также серьезный анализ и прогноз (с точностью до дня предсказала она день прекращения огня, за год до подписания перемирия). Здесь читатель найдет волнующие репортажи о пребывании Католикоса всех армян Гарегина Первого на земле Арцаха, о первом военном параде в Степанакерте 9 мая 1995 г. В сборнике собраны уникальные свидетельства азербайджанцев и страшные зарисовки массовых пыток военнопленных армян… Здесь же замечательные миниатюры, где трагедия родителей потерявших на войне сыновей, переплетается с описанием будней карабахцев. Причем зарисовки сделаны с мягким, теплым юмором. Чего стоят одни картинки быта солдат: сигарета – скрученная в газетный лист сухая трава, «баня» – жестяной бак, проколотый гвоздями, 5 пар носок на целый взвод, новелла о «настоящем армянском» – карабахском языке и другие («Смотри и помни»).

На книгу Алвард Бархударян написано много рецензий в армянских СМИ, причем в газетах как провластных так и оппозиционных, что еще раз свидетельствует об одном из главных достоинств этой книги. В ней нет коньюнктуры, предвзятости. Это очень честная, правдивая книга. Приведем лишь отрывок из одной рецензии. «Встречи и интервью с людьми, которые были или станут через год-два генералами, министрами и президентами, потрясают своей откровенностью, голой и порой тяжелой правдой. Что-что, а умения разговорить людей, вызвать их на откровенность Алвард не занимать» («Республика Армения»). В подтверждение вышесказанного приведем отрывок из интервью с начальником штаба Армии обороны НКР Анатолием Зиневичем («Война – это не романтика».)

- *Неужели, господин генерал, вы думаете, я верю в то, что исход войны в самом деле зависит от армии Карабаха, пусть даже самой боеспособной в этом регионе? Зачем нам тогда посредники – Россия, СБСЕ (ОБСЕ)? Ведь многие считают, что успехи карабахской армии обусловлены совпадением интересов России и Армении в этом регионе. Разве не так ?*

– Главная причина все же в том, что народ, изъявив свою волю жить самостоятельно, взял в руки оружие и научился его крепко держать. Да, действительно и население, и территория Карабаха невелеки по сравнению с нашими соседями. Дай Бог, пусть себе живут рядом с нами. Кто им мешает? Впрочем, кто у них будет спрашивать это разрешение? Те, кто взял в руки оружие? Я

считаю, что правильно сделали. Оружия своего – пусть никто не надеется – мы не бросим. Что касается интересов России, то конечно, они есть в этом регионе, здесь. Может быть, они совпадают с интересами Армении. Да и Армения за эти годы поняла, что в этом мире ей будет сложно жить без России.

В книге А. Бархударян есть зарисовки о встречах с первым президентом Армении Левоном Тер-Петросяном и нынешним президентом РА Робертом Кочаряном (в годы войны председателем Государственного Комитета Обороны (ГКО) а затем – первым президентом Нагорно-Карабахской Республики). Встречи с вице-президентом Армении (ныне председатель конституционного суда Армении) Гагиком Арутюняном и первым премьер-министром НКР Леонардом Петросяном (трагически погиб в здании парламента АР 27 октября 1999 г.), интервью с нынешним президентом НКР Аркадием Гукасяном (в годы войны министр иностранных дел НКР), первыми министрами обороны двух армянских государств – Вазгеном Саркисяном и Самвелом Бабаяном, Интервью с нынешним министром обороны Армении, а тогда (1993 г.) Председателеим Комитета сил самообороны НКР Сержем Саркисяном и с начальником штаба Армии обороны НКР, русским офицером армянской армии, легендарным генералом Зиневичем. Интервью с первым послом России в Армении Владимиром Ступишиным и много других интересных встреч. В них – история Карабаха в годы войны. Откровения политиков, военных командиров, предводителей армянского духовенства.

В книге «Карабах: На грани веков» собран уникальный фактологический материал, который, я уверена, обязательно станет предметом внимания нынешних и будущих исследователей карабахской войны и реалий того времени. К примеру описание столицы НКР в период до освобождения Шуши: «С декабря 1991-го до 8 мая 1992 г. Степанакерт обстреливался из установок «Град» и «Алазань», подвергался массированным бомбардировкам с самолетов и вертолетов. По городу было выпущено более 5000 различных снарядов. Только за этот период погибло 110 и было ранено свыше 300 жителей Степанакерта. Лишь в очередях за водой погибло около 30 степанакертцев. Степанакерт обстреливался из 5 огневых позиций азербайджанцев: из Шуши, Малибейли, Ходжалу, Джанхасан, Кесалар» («Скоро в Мардакерте будет праздник») Много интересных подробностей в репортаже с Площади Возрождения на историческом военном параде, посвященом 3-ей годовщине освобождения Шуши и 50-ю победы в Великой Отечественной войне. Принимающий парад, министр обороны НКР Самвел Бабаян в своей речи сказал: *«О подвигах карабахцев в Великой отечественной войне до сих пор слагают легенды. Многие карабахцы были награждены за свои подвиги государственными наградами. 21 карабахец стал Героем Советского Союза, орденом «Боевой славы» трех степеней были удостоены 3 карабахца, а 15 тысяч карабахцев были награждены разными орденами и медалями*» («Праздник национальной гордости – Шуши»).

Уникальны и описания военных операций, атмосфера на так называемых «занятых» или «подконтрольных» армянским вооруженным силам территориях и другие. *«Подготовку Лачинской и Кельбаджарской операции мы начали еще зимой. И хотя шли переговоры с азербайджанской стороной, мы знали, что противник просто оттягивает время, готовясь к решительному удару. Мы оказались правы, переговоры были сорваны. Азербайджан сосредоточил силы на севере Мардакертского и Аскеранского районов, перебросив туда свыше 5 тысяч солдат, танки, тяжелую артиллерию. В конце января начались бои. Противник использовал 4 самолета, два из которых были сбиты. Двенадцать дней шли круглосуточные бои. Поставленную перед нами задачу – освобождение мардакертских высот мы выполнили на 90 процентов*» (из интервью с командующим Армией обороны НКР Самвелом Бабаяном, 1993 г.). Картину этой уникальной операции, в результате которой мардакертцы смогли вернуться к себе домой, а жители Горисского и Варденисского районов Армении, наконец, вздохнули свободно, дополняет и интервью с Сержем Саркисяном: *«Пока еще рано говорить о захваченной у противника боевой технике и боеприпасах . Но уже сегодня известно, что нашими в Кельбаджарском районе взято 10 танков, более 10 единиц бронетехники: БМП-1, БМП-2, до 15 стволов артиллерии, большое количество боеприпасов. Только из села Кюрда- Гаджи Лачинского района нами было вывезено до 40 машин боеприпасов, но там еще осталось в 2-3 раза больше»*. Кстати, в этих интервью также ответ на вопрос: откуда армяне брали оружие. В очерке о Мартунинском полке («Я ненавижу эту войну») автор пишет о легендарном командире полка Монте (Аво) Мелконяне: «Целый год я ждала этой встречи. *«Нам нечего бояться, - сказал Аво, - у нас отличная армия, военный арсенал которой с каждым днем пополняет Эльчибей . Скопление военной техники азербайджанцев у наших границ*

означает только одно – скоро техника и вооружение будут у нас. Так что Эльчибей – лучший в мире человек». Позже я встретилась с Аво в штабе Степанакерта – в полной эпикировке он выезжал на задание»... Монте Мелконян погиб 12 июня 1993г., за день до выхода в свет статьи Алвард Бархударян.

Поскольку автор книги женщина, мать, то и взгляд на все ужасы войны, несмотря на жесткость в описании многих эпизодов, проходит у нее сквозь призму женщины. Вот как описывает Алвард встречу с азербайджанскими беженцами из Кельбаджара, которых буквально из огня вытащили армянские военные. С ними журналистка встретилась в детском саду Степанакерта, где этажом выше жили беженцы-армяне из оккупированного азербайджанцами Мардакерта… *«За годы войны я впервые встречалась с азербайджанцами. В комнате – в ряд кровати. Старики, старухи, молодые женщины с грудными детьми. Мальчишки постарше. Их отцы, наверное на фронте. А может быть там, в Кельбаджарском районе. Рассказывает* Набиев Гамид Джамал оглы*, житель села Милли Кельбаджарского района: «Те, у которых были деньги и власть, заранее покинули район на вертолетах и машинах и вывезли свои семьи. Оружие раздали в Кельбаджаре. В селах мы не могли защищаться. Из Кельбаджара все время обстреливались села Армении. Оттуда велся огонь в нашу сторону».* Мамедов Сальвис *из Кельбаджара рассказывает: «Когда армяне вошли, мы стали убегать. Вдруг видим, навстречу нам ваши ребята в военной форме. Они спросили нас: «Куда вы?». Мы сказали, что убегаем отсюда. Ваши ребята посадили нас на машины и отправили в Степанакерт. Они нас ни словом не обидели. Теперь вот мы здесь. Кормят нас, не обижают».*

Трагедия детей, переживших ужасы блокады и бомбежек и привыкших к подвальной жизни, потрясает даже сейчас, по прошествии стольких лет.

Но не будем далее утомлять читателя. Добавим лишь, что автор готовит к изданию книгу на русском языке, в которой будут собраны материалы, опубликованные в тот же период в русскоязычной периодике Армении.

И в заключении еще раз о книге. «Сегодня трудно однозначно сказать, похоже ли наше сегодняшнее армянское государство на то, о котором мы мечтали в 1988-м на Театральной площади – о справедливом, правовом, процветающем и дальновидном?.. Но это путь пройденный нами всеми, - пишет Алвард Бархударян. - Желающие скорректировать историю всегда найдутся – особенно среди тех, кто отсутствовал в героической жизни тех лет и комплексует сегодня именно из-за этого своего отсутствия. И тем не менее…Тем не менее сегодня мы воочию видим состоявшуюся Нагорно-Карабахскую Республику, ее настоящее и более того – будущее, в которое я бесконечно верю».

Разве не это самое главное?

РОССИЯ В СУДЬБАХ АРМЯНСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Мелконян Э.

В своих дискуссиях с коллегами Альберт Эйнштейн обронил ставшее знаменитым замечание, которое звучит так: “Бог изощрен, но не злонамерен”. Это, на первый взгляд, парадоксальное замечание Эйнштейна, отрицавшего идею о боге как личности и предпочитавшего называть себя пантеистом, не что иное, как осознание всей сложности проблем, встающих перед исследователем Вселенной.

Это замечание вполне применимо и к истории человечества, которая изобилует трудно познаваемыми и не менее изощренными, скажем так – играми Высшего Разума. При том, что трудно познаваем и сам выбор народов, в наибольшей степени вовлеченных в эти игры. Очевидно, однако, что армяне из их числа.

Одним из примеров тому – период их истории, начавшийся с заключения Россией Туркменчайского (1828 г.) и Адрианопольского (1830 г.) договоров, соответственно с Персией и Османской империей.

К моменту их подписания, вследствие нашествий кочевых народов, а затем и новых разделов Армении в XVI в. между все той же Персией и раз и навсегда утвердившейся в этом регионе Османской империей, уже долгое время шел процесс постепенного и, казалось, неотвратимого разрушения самих основ национального и физического бытия армянского народа. В начале XIX в. он все еще продолжал изнурительную борьбу за выживание, когда на местных подмостках истории появилась Россия. Подтверждением ее политических амбиций и были победоносные войны с Персией и Турцией, завершившиеся присоединением к ней Восточной, отныне Русской Армении.

Происшедшее в контексте вышесказанного позволительно уподобить некоему изощренному эксперименту, который должен был ответить на вопрос: какими путями пойдет история народа, одновременно, синхронно существующего в двух полярных социокультурных мирах – русско-христианском и турецко-мусульманском?

Реакция самого армянского народа на возникшую альтернативу была однозначной. Выбор в пользу России был сделан сразу и подтвержден на деле многократно. Здесь особо отмечу переселение около 140 тысяч армян (в большинстве своем из Турецкой Армении) в отошедшие к России армянские территории. Это переселение, подчеркнем – по настоянию России предусмотренное указанными договорами, в литературе иногда называют “первой массовой репатриацией армян”, что, однако, не соответствует истине, поскольку эти люди переселялись из одной части своей родины в другую ее часть. В данном случае можно говорить о собирании армян в Русской Армении.

Исключительная значимость этого собирания, которое имело свое продолжение и в дальнейшем, очевидна - именно благодаря ему армяне стали доминирующим этносом на этой части своей родины, что и позволило впоследствии, уже в XX в., именно здесь восстановить свою государственность.

Но что интересно, так это то, что было и другое собирание. В той мере, в какой указанные войны с Персией и Турцией явились продолжением наступательной политики России на Кавказе, в той же мере собирание армян в Русской Армении явилось продолжением усилий России с начала XVIII в. по их собиранию на собственно российских территориях. “Вам, ради христианства, как христианам нельзя отказывать в покровительстве” – писал Петр I в своем обращении к армянам.[1]

Нисколько не отказывая в моральной составляющей политики России, не стоит забывать, что она, как и любая другая держава, руководствовалась прежде всего своими государственными интересами. Другое дело, что сам факт принадлежности армян к

христианству, их стремление освободиться от гнета иноверцев, их надежды в этом на Россию, придавали им особую значимость в осуществлении геополитических устремлений России на Кавказе. Но не только...

Петр I и его преемники были убеждены, что именно армяне могут стать лучшими насадителями гражданственности, торговли и плодотворного труда на юге империи. Отсюда понятно предложения Петра о переселении армян из Османской империи в новоприобретенные Россией прикаспийские территории (в том числе -Гилян, Баку, Дербент и др.), с гарантией таких условий жизни и работы, что переселившиеся армяне, по его словам, "...в кратком времени в такое состояние придти могут, что они оставленные те провинции забудут, и вне опасности, от всякого бусурманского нападения, по закону своему пребывание свое иметь будут." [2]

Подтверждением тому - последующая политика России по собиранию армян, в частности, такие знаковые, беспрецедентные для армян зарубежья события, как основание для них двух городов – Новой Нахичевани на Дону в 1779 г. и Григориополя на Днестре в 1792 г. Первый из них был предназначен для армян, переселенных сюда из Крыма как с целью освоения новых территорий, так и подрыва экономики Крымского ханства, поскольку именно христиане (армяне, а также переселенные греки) были основными носителями земледельческой и ремесленной культур в Крыму. Второй был основан для армян, переселенных из Бессарабии, в целях скорейшего освоения новоприобретенной территории уже на западе империи - между Бугом и Днестром.

Одни лишь эти примеры подтверждают, что организованные Россией переселения армян служили достижению весьма определенных политических, экономических и иных целей, чем и объясняется предоставление армянам-переселенцам самых различных льгот и привилегий. Среди последних для армян особенно значимой была защита силою закона их важнейших национальных ценностей – церкви и языка. (Достаточно вспомнить, что именно прозелитизм католической церкви в Польше в том же XVIII в. явился причиной ускоренной этнокультурной ассимиляции местных армян.) Все это не могло не стимулировать иммиграцию в Россию все большего числа армян, как бы подтверждая предвидение Екатерины II, что: "находящиеся за границею армяне, видя благоденствие переселенцев, к ним присоединятся".[3]

Спустя десятилетия - ближе к середине XIX в. - в России уже иная ситуация, продиктованная логикой развития страны. Полное военно-политическое утверждение ее на всем Кавказе и в Северном Причерноморье, сопровождаемое быстрым развитием русской торгово-промышленной буржуазии, практически сводит на нет роль армян как важного фактора в геополитической и экономической стратегии России. И как следствие – лишение армянских общин всех дарованных им прежде правовых, экономических и иных привилегий.

Но главное – с этого времени Россия более не нуждается в организации и стимулировании иммиграции армян. Отныне пополнение армянского населения империи происходит лишь за счет беженцев из Турции.

Условия жизнедеятельности армян особенно ужесточаются со второй половины XIX в., в связи с все более углубляющимся кризисом власти и нарастанием освободительных и революционных движений в Османской и Российской империях.

Турция переходит к практике все более массовых убийств, особенно в годы правления султана Абдул Гамида, отмеченных гибелью нескольких сот тысяч армян. В России, в первую очередь на Кавказе, наибольшую опасность для властей также начинают представлять армяне в силу их возрастающей экономической, но в первую очередь, политической активности.

Последняя выражалась в двух основных, одинаково неприемлемых для властей, формах. Первая - это участие в социал-демократических и марксистских движениях общероссийского масштаба. Вторая – резкий рост их национально-политического самосознания, актуализированное в виде всеобщего и всемерного содействия

предполагаемому политическому разрешению армянского вопроса. Однако образование на территории Турции автономной Армении под патронажем Европы, пусть даже при участии самой России, серьезно угрожало бы осуществлению *идее фикс* геополитики Российской империи - дальнейшему продвижению на юг, вплоть до проливов. Подобное развитие событий таило в себе опасность и другого рода. На нее достаточно ясно указывала в мае 1894 г. петербургская проправительственная газета "Новое Время", говоря, что если бы в Турецкой Армении устроили управление наподобие теперешней Болгарии, то это "...втянуло бы Россию в большие затруднения тем соблазном, какой оно внесло бы в среду армян на Кавказе."

В своем стремлении предотвратить подобный ход событий, царское правительство прибегло к репрессивным мерам — закрытию армянских школ, ограничению деятельности культурных и благотворительных обществ, издательств, резкому сокращению числа армян - государственных служащих, вплоть до конфискации земель и доходного имущества армянской церкви законом от 1903 г. Впрочем, противодействие армян этому закону было настолько сильным, что спустя два года власти отменили его. Особо следует отметить спровоцированные властями в тех же целях армяно-азербайджанские (привременно говорили — армяно-татарские) столкновения по всему Закавказью, которые невольно заставляют вспомнить аналогичную политику уже советских властей в преддверии развала Советского Союза.

И тем не менее, в вынужденном выборе между двумя империями предпочтение армян было, как и прежде, на стороне России, составной частью которой была Восточная Армения, России, где проживала большая часть армян зарубежья и с которой связывались надежды на полное освобождение армянских территорий. В этом смысле символична реакция народного поэта Ованеса Туманяна на демонстрацию протеста, организованную армянами Константинополя в связи с проведенными в 1910 г. в России арестами (в том числе и самого Туманяна) по так называемому "Делу Дашнакцутюн". Обращаясь к ним, он писал: " ...Мы в России еще не закончили сбор средств в пользу жертв происшедших у вас (т.е. в Турции - Э.М.) массовых убийств и грабежей, а вы настолько вдруг стали счастливыми, что сразу забыли и вашу и нашу историю... Ни одно смутное время не должно сделать нас неблагодарными перед Россией за тот мир и добро, которых мы удостоились под ее покровительством, и не должно дать забыть России ту любовь и симпатию, которую мы испытывали к ней... так говорит вам один из тех арестованных, от имени которых вы протестуете против России из конституционной Турции." [4]

Именно на этой ноте наступает развязка истории одновременного существования армянского народа в двух мирах. В Турции это - геноцид и депортация 1915 г., последующая агония и - как завершение - окончательный исход армян из Западной Армении и Армянской Киликии, но также из всей республиканской Турции.

В России — очередной, но уже последний приток беженцев из все той же Турецкой Армении, а далее...

А далее вспомним первую часть замечания Эйнштейна — об изощренности Бога. Вслед за столь желанной, но скоро утерянной независимостью (Первая Республика Армении в 1918-1920 гг.), Армения становится Советской и в качестве таковой вовлекается в новый, на этот раз уже мирового значения и масштаба эксперимент, поставленный в России Лениным. Относительно этого, знакомого нам всем периода, ограничусь лишь несколькими замечаниями.

Первое. Суть национальной политики новой власти сводилась к простой схеме — от развития отдельных наций-республик к их последующей качественной трансформации в новую историческую общность — советский народ. В этой схеме не было, да и не могло быть места для этнических меньшинств. А раз так, то деятельность последних, в том числе и армян, проживавших за пределами Советской Армении, практически была сведена на нет. С одной стороны, лишенные возможности институционализации своей

этнокультурной жизни, а с другой – успешно интегрированные в местные общества, они с самого начала стали на неизбежный путь ускоренной ассимиляции.

Второе. Постоянное и жесткое противостояние советского социализма и западного капитализма предопределило противостояние между Арменией и диаспорой, вследствие чего две части армянского народа на протяжении 70-и лет были лишены возможности взаимообщения. Оно же привело к резкому размежеванию в самой диаспоре, имея в своей основе отношение к Советской Армении. Размежевание, затронувшее практически все сферы жизнедеятельности армян диаспоры и в силу исторической инерции наблюдаемое и сегодня.

И третье. В свете сказанного не парадокс ли, что та же Советская власть возродила практику собирания, разрешив репатриацию армян диаспоры в Армению, в том числе, самую массовую - в 1946-1948 гг. Но парадокса нет, поскольку оно – собирание – преследовало, как и прежде – при Петре I и Екатерине II, конкретные политические цели. К концу Второй мировой войны из прежних территорий Российской империи не возвращенными оставались лишь российские части Западной и Восточной Армении, окончательно переданные Советской Россией Турции по Московскому договору 1921 г., в составлении которого, и это следует особо отметить, решающую роль сыграл сам Сталин. В своем стремлении вернуть эти земли и попытался он разыграть "армянскую карту", отсюда и его постановление 1945 г. о разрешении репатриации. Это был по-своему уникальный случай, когда одну и ту же цель, хотя и из разных побуждений, преследовали и Сталин, и армяне – в Армении и в диаспоре, но которая так и не была достигнута. И очень скоро – в 1949 г. - часть этих, ставших уже ненужными репатриантов вместе с другими была депортирована в Алтайский край.

Завершение грандиозного ленинского эксперимента, происходившее на наших глазах, было не менее впечатляющим. Армения в XX в. во второй раз обрела независимость, она не имеет общей границы с Россией, но собирание армян в России за счет эмиграции из Армении продолжается.

Российские армяне, на протяжении долгих десятилетий изолированные от армянской диаспоры, сегодня, столетие спустя, не только вновь доминируют в ней по своей численности, но и проявляют амбициозные устремления, в известной степени поддержанные властями новой России.

"Бог изощрен, но не злонамерен." Будем надеяться.

---

[1] Цит. по: Грев. Наброски из истории армян – "Братская помощь пострадавшим в Турции армянам", 2-е издание, Москва, 1898. С. 506.

[2] Цит. по: Г. Кананов. Армяне в России – там же. С. 522.

[3] Цит. по: Грев. Наброски из истории армян. С. 507.

[4] Цит. по: Л. Ахвердян. Туманян и его время, Ереван, 1995. С. 35 /на арм. яз./

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ (1801-1828 ГГ.)

Мелконян А. А.

В армянской историографии и общественно-политической мысли проблема присоединения Восточной Армении к России является одной из самых глубоко изученных тем. Однако в различные периоды эта тема затрагивалась с разных точек зрения и позиций, что в немалой степени диктовалось политической конъюктурой.

В период присоединения Восточной Армении и первые годы после него в армянских общественно-политических кругах это событие однозначно воспринималось как переломное и имеющее громадное положительное значение для армянского народа. В числе таких мыслителей отметим духовного предводителя армян Грузии архиепископа Нерсеса Аштаракеци, известных писателей, общественных деятелей и педагогов Арутюна Аламдаряна, Месропа Тагиадяна и, конечно, Хачатура Абовяна. Но в 40-50-е гг. XIX в., особенно после упразднения Армянской области и усиления колониальной политики царизма, подход к этой проблеме со стороны представителей армянской общественности несколько изменился. Многие деятели начали настороженно оценивать факт присоединения Восточной Армении к Российской империи, указывая на некоторые негативные моменты российского правления. Однако как тогда, так и в последующие десятилетия, данное историческое событие оценивалось преимущественно как положительное явление, имеющее большое значение в исторической судьбе армянского народа. Кстати, этот подход красной нитью проходит в концепциях почти всех виднейших армянских писателей, публицистов и общественно-политических деятелей второй половины XIX и начала XX вв. (М. Налбандян, Р. Патканян, Раффи, Х. Микаелян, О. Туманян и другие). Если российская официальная военная историография не ставила цели осмыслить акт присоединения Восточной Армении к России с точки зрения его значимости для армянского народа и предпочтение давала в первую очередь восхвалению успехов русского оружия на Кавказе, то армянские офицеры и генералы русской армии (Лорис-Меликов, Лазарев, Тер-Гукасов и другие) делали акцент на том, что эти успехи сопряжены с жизненными интересами армян Закавказья.

С начала XX в., в связи с ростом национального самосознания армян Закавказья, появились более жесткие, порой даже несправедливые оценки факта присоединения Восточной Армении к Российской империи. Отметим, что если в кругах западноармянских деятелей, особенно живущих в Константинополе под давлением османских властей, негативный подход к проблеме обуславливался субъективными факторами (А. Перперян, М. Орманян и другие), то у восточноармянских общественно-политических деятелей новый подход объяснялся ужесточением колониальной политики царизма: закрытием армянских школ, конфискацией имущества армянской церкви, поднятием национального вопроса в период Первой русской революции, судебным процессом над партией Дашнакцутюн и т.д. Если первые из вышеуказанных деятелей, под диктовкой Блистательной Порты, считали переход части армянских земель в состав России губительным для армян, а армянское национально-освободительное движение крайне опасным, то другая часть – представители восточноармянских общественно-политических кругов, считая российское господство по сравнению с персидско-турецким владычеством более прогрессивным, не забывало жестоко критиковать национальную политику имерии. К этим идеологам примкнул и один из видных деятелей армянской историографии Аракел Бабаханян (Лео), считавший русское владычество «меньшим из зол» [1].

В советский период по данной проблеме была разработана официальная концепция, согласно которой естественные национально-освободительные чаяния

армянского народа совпадали со стремлениями Российской империи по захвату Закавказского края. Вместе с тем, исходя из политической конъюктуры, советским историкам диктовалась необходимость параллельной критики великодержавной политики царской России[2]. Примечательно, что эта концепция во многом была приемлема для научных и общественных кругов армянской диаспоры, не очень-то с симпатией относившейся к СССР и Советской Армении.

После приобретения Арменией независимости, в числе других данная проблема также стала одной из актуальных проблем, обсуждаемых в общественно-политических кругах. Среди политических деятелей этого периода, оказавшихся у власти на волне карабахского национально-освободительного движения, нашлись люди, отрицавшие по правилам пролеткультизма все то положительное, что было связанно с российской действительностью и советским периодом в истории армянского народа. Естественно, это относилось и к самому факту присоединения Восточной Армении к России. Отрадно, что армянские историки-профессионалы не пошли на поводу у разного рода политиканов и дилетантов в исторической науке и на объективных исторических фактах, в духе новых реалий и без влияния идеологических штампов, попытались представить свою, научно-обоснованную концепцию исторического значения присоединения Восточной Армении к России[3].

В рамках данной статьи постараемся сжато представить историческую картину того периода и попытаемся сделать некоторые выводы обобщающего характера относительно события 175-летней давности. Начиная с XVIII в., особенно после деятельности Исраела Ори, случайные армяно-российские общественно-политические контакты с конца того же века приобрели более регулярный характер. В освободительных проектах армянских деятелей второй половины XVIII в. М. Сарафяна, И. Аргутинского, Ш. Шаамиряна и других отчетливо проявлялось стремление армянской общественности добиться освобождения от турецко-персидского господства и восстановления армянской государственности под покровительством и при поддержке Российской империи, неуклонно усиливавшей свои позиции в регионе. Как известно, эти проекты не удостоились должного внимания со стороны царского правительства, но в них придавалось большое значение самому стремлению армян к сотрудничеству с Российской империи, в том числе и ее планам по установлению своего господства в Закавказском крае и Западной Армении. Примечательно что даже игнорирование в этих проектах идеи восстановления армянской государственности российским правительством не помешало армянским деятелям активно содействовать претворению в жизнь завоевательных устремлений России в Закавказье. Даже после неудачного завершения Персидского похода русских войск под командованием В. Зубова в 1796 г., ответом на который стало опустошительное нашествие персидского Ага-Магомед шаха, поддержка армянами действий России на Кавказе активно продолжалась.

Не случайно, что невольный отказ от идеи восстановления армянской государственности привел И. Аргутинского к мысли, что переход к России Северо-восточной Армении (Лори, Шамшадин, Памбак), находящейся в тот период в составе Грузинского царства, возможен путем упразднения Картли-Кахетинского царства. Поэтому естественно, что грузинские историки сам факт упразднения грузинской государственности и ее присоединения к России увязывают с деятельностью армянских общественно-политических кругов. Здесь считаем важным подчеркнуть два аспекта, связанных с переходом северо-восточных армянских земель к России после упразднения Грузинского царства в 1801 г:

- процесс присоединения Восточной Армении к России начинается с 1801 г., а не с 1813 или 1828 гг.;
- после упразднения Грузинского царства и присоединения его к Российской империи, подходы армянской и грузинской общественности по поводу роли России в определенной мере разошлись. Если в армянских кругах прежние подходы не только не изменились, но и усилились, т.к. Россия в их глазах

представлялась как освободительница, то грузинская общественность начала по-иному оценивать политику царизма на Кавказе. Кстати, такие подходы во многом обусловливают и атмосферу сегодняшних армяно-российских и грузино-российских отношений.

Более действенные шаги по завоеванию Закавказского края российское правительство предприняло после присоединения Восточной Грузии, территория которой послужила плацдармом для дальнейшого продвижения как в персидскоподанные ханства, так и в направлении Ахалцихского и Карсского пашалыков Османской империи. Во главе этого проекта стоял русский генерал грузинского происхождения, главнокомандущий на Кавказе Павел Цицианов. Для достижения своей цели Цицианов не останавливался ни перед какими средствами. В частности, хотим отметить демографическую политику в отношении местного населения, особенно армян. К примеру, в 1804 г., после неудачного исхода первого Ереванского похода русской армии, он, по примеру грузинского царя Ираклия II, организовал насильственное переселение армянского населения Ереванского ханства в русские владения (Борчалинскую дистанцию). Аналогичной тактики придерживались и последующие русские военные власти в отношении турецкоподанных территорий. Скажем, после неудачного штурма Ахалцихской крепости в ноябре 1810 г. русские войска переселили в районы Лори и Восточной Грузии свыше тысячи семей армян и грузин из Ахалцихского пашалыка, тем самым лишив край большей части своего коренного христианского населения[4].

Таким образом, в политике России на Кавказе не учитывались жизненные интересы того этнического элемента, которое всемерно способствовало успехам русской армии в регионе. Так что, когда говорится об историческом значении присоединения Восточной Армении к России и последующей, в результате переселении турецкоподанных и персидскоподанных армян в русские владения, консолидации армян в Восточной Армении, зачастую забывается о том, что к резкому уменьшению численности армянского населения Ереванского и Карабахского ханств, Джавахка и других территорий привела недальновидная политика русских военных властей на Кавказе.

В любом случае, в период русско-персидской войны 1804-1813 гг. часть Восточной Армении перешла в состав Российской империи. В мае 1805 г. по Кюракчайскому договору в российское подданство перешло Карабахское ханство, в том числе Зангезур, а в ноябре того же года – Восточный Ширак (Шорагяльский султанат). Окончательно переход этих областей, вместе с Восточной Грузией, в состав Российской империи свое юридическое оформление получил согласно статьям Гюлистанского мирного договора 1813 г. Однако дипломатический исход русско-турецкой войны 1806-1812 гг. на Кавказском фронте не был столь удачным для России: территории, занятые русскими войсками вдоль побережья Черного моря и в Джавахке, были возвращены Турции. Не случайно, что с этих мест с помощью русских военных властей продолжились стихийные переселения христианского населения в русские владения. Если, с одной стороны, увеличилась численность армянского населения в русских владениях, то, с другой стороны – обезлюдились значительные территории исторической Армении, остававшись под властью Турции и Персии.

Третий, фактически самый решающий этап покорения Россией Закавказья, и в частности Восточной Армении, начался с русско-персидской войны 1826-1828 гг. Учитывая, что данная проблема глубоко исследована в историографии, не считаем целесообразным останавливаться на общеизвестных фактах, особенно касающихся армяно-российского военного сотрудничества. Здесь не хотим оспаривать важность значения данного факта, однако заметим, что в армянской советской историографии, исходя из политической конъюктуры, часто преувеличивалась роль армяно-российского военного сотрудничества, порой искуственно искажались исторические события. Например, не ставилась разница

между положением и статусом турецкоподанных и персидскоподанных армян, тогда как, если в Османской империи армяне почти не имели элементарного права на ношение оружия и службу в армии, то в Персии армяне не только служили в персидской армии, но даже формировали отдельные подразделения, которые по своей боеспособности являлись лучшими во всей шахской армии (например, армянские сарбазские батальоны Ереванского ханства, полк бахтиаров гвардии шаха и т.д.). Конечно, другой вопрос, что большая их часть в ходе русско-персидских войн первой трети XIX в., в условиях всемерной поддержки и симпатии армянского населения к России, перешла на сторону русской армии и даже в ее составе приняла участие в начавшейся русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг., но были и такие, которые до конца остались верны своему воинскому долгу и продолжали службу в персидской армии[5].

Результат русско-персидской войны 1826-1828 гг. был более чем ощутим: значительная часть Восточной Армении (Ереванское и Нахичеванское ханства и Ордубадский округ) была присоединена к России. Из части исторической Восточной Армении (правобережье Аракса, районы Маку, Салмаста, Хоя и т.д.), возвращенных согласно Туркменчайскому договору 1828 г. Персии, русские военные власти вновь организовали переселение армянского населения в свои новоприобретеные владения, тем самым продолжая политику своих предшественников[6].

К счастью, в целом, эта политика для армянского населения сыграла положительную роль в том смысле, что позволила восстановить прежний демографический облик большей части Восточной Армении, тем самым создав в перспективе необходимые предпосылки для создания армянской государственности на одной десятой части исторической Армении. Здесь не считаем лишним повторить общеизвестные трактовки о том, что в составе Российской империи армянский народ приобрел гарантии своей физической безопасности и условия для нормального экономического и культурного развития. Не случайно, что вплоть до самого падения Российской империи (почти 90 лет), территория Восточной Армении не подвергалась вражеским нашествиям, тогда как с 1918 по 1920 гг. турецкие войска дважды вторгались в эти земли. Так называемая “русская гарантия” сыграла свою роль в обеспечении физической безопасности армянского народа и в советские годы, особенно в период Великой Отечественной войны. Уроки истории хорошо усвоили и политики нового времени, продолжая укреплять российско-армянские отношения в различных областях, в первую очередь, в военно-политической сфере. В этом историческая суть и значение присоединения Восточной Армении к России и заключения Туркменчайского договора, этой поворотной вехи в истории двух народов.

---

[1] Լեո, Հովսեփ կաթողիկոս Արղության, Թ., 1901; նույնի Վրաստանի միացումը Ռուսաստանին, »Մուրճ«, 1901,թիվ 2; Борян Б., Армения, международная дипломатия и СССР, ч.1, М.-Л., 1928; Կոստանյանց Կ., Տ. Ներսես Ե Աշտարակեցի կաթողիկոս ամենայն Հայոց, Ալեքսանդրոպոլ, 1909; Մարկոսյան Ս., Ռուս-ֆրանսիական և ռուս-անգլիական հակամարտությունը Պարսկաստանում, Անդրկովկասի նվաճման կապակցությամբ. Եր., 1935:

[2] Нерсисян М. Г., Из истории русско-армянских отношений, кн. 1-2, Ер., 1956-1961; его же, Декабристы в Армении, Ер., 1975; Նույնի Դեկաբրիստները Հայաստանում, Եր., 1958, Галоян Г. А., Россия и народы Закавказья, М., 1976; Պարսամյան Վ., Ա. Ս. Գրիբոյեդովը և հայ-ռուսական հարաբերությունները, Եր., 1947, Նույնի Դեկաբրիստները Հայաստանում, Եր., 1957: Գրիգորյան Զ.Տ., Հայ և ռուս ժողովուրդների ռազմական Համագործակցությունը XIX դ. սկզբին, Եր., 1957:

[3] Тунян В. Т., А. С. Грибоедов и Армения. Ер., 1995, его же Восточная Армения в составе России, Ер., 1989, его же Русская политика в Армении: мифы и реалии. конец

XVIII-начало XX в.в. Ер., 1998; Кюркчян А.А. Русско-иранская война 1826-1828 гг., Новые концепции современной историографии. Ер., 1991, Նույնի Քյուրքչյան Ա. Հ., 1826-1828 թթ. ռուս-պարսկական պատերազմը, Եր., 2000:

[4] Мелконян А. А. Армения в контексте внешней политики России в первой трети в. (некоторые аспекты), Вестник РАУ: Серия гуманитарные и общественные науки, №1, 2003, стр.14-17.

[5] Минасян С. Роль армян в персидской армии в первой половине XIX века, Историко-филологический журнал, №1, 2003, стр.231-242.

[6] Мурадян М. А., Восточная Армения в русской историографии XIX в., Ер., 1990; Նույնի Մուրադյան Մ. Ա., Հայոց պատմության հիմնահարցերը ռուսական պատմագրության գնահատմամբ, Եր., 1995; Սարուխանյան Ն. Բ., Արևելյան Հայաստանի Ռուսաստանին միացման պրոբլեմը մինչհեղափոխական հայ պատմագրության մեջ, Եր., 1971:

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ЗАВОЕВАНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ В 1801 – 1828 гг.

Меликян В. Г.

Логика развития освободительного движения и политической ориентации армянского народа с начала XVII века непосредственно связана с осуществлением завоевательной политики России. В этом аспекте проблема освобождения и политической направленности Армении, находившейся под господством двух мусульманских держав – Турции и Ирана, после вековой европейской ориентации, возможно, впервые была заменена российской. Потребовалось около ста лет, чтобы Россия, не внедрившая в переднеазиатский регион непосредственные активные меры и экономические традиции, стала той основной реальной силой, которая вот уже триста лет пытается решить свои основные геополитические проблемы, встречая противодействие как Запада, так и Востока.

Первая русско-иранская война была продолжением затянувшегося конфликта, вызванного в конце XVIII века двумя вторжениями в Закавказье войск Мохаммед хана (в 1795 и 1797гг), а в начале XIX века – стремлением Фатх-Али шаха, и посредством войны с Россией при содействии держав восстановить иранское господство в Закавказье.

В начале XIX века создались благоприятные условия для осуществления процесса присоединения Закавказья и Восточной Армении к России, который для великих держав имел значение локальной международной проблемы. Российская политика в Закавказье соответственно сталкивалась с интересами Турции и Ирана. Одновременно необходимо отметить, что цель действий такой политики независимо от того, каких территорий и народов, проживающих на этих землях, коснутся конкретные действия, сводилась к овладению сравнительно реальной южной границей. Иначе говоря, отдельная политика по отношению к Турции и Ирану не разрабатывалась. К начале века велась разработка нескольких таких программ. Это были программы Александра I, Зубова, Государственного Совета, так называемого Дагестанского союза и др. В конце концов доминирующей стала программа Александра I-ого, предусматривавшая подчинение России региона рек Аракса, Куры и Риони. В результате деятельности генерала П.Цицианова, когда ряд ханов заявили о своем подданстве Российской империи, неизбежно встал вопрос о демаркации новых границ Закавказья. По новому плану Литвинова, который фактически резюмировал предшествующие идеи, к России отходили Поти, Абхазия, Ахалцихское пашалыкство и Ереванское ханство.

Разработка вопроса границ России на Южном Кавказе основывалась на ряде принципов: 1) разграничение рубежей по естественному рельефу: рекам, озерам, горным хребтам и т.д; 2) обеспечение единого контроля над восточным побережьем Черного моря, представляющего собой средство воздействия как на горцев, так и на весь закавказский регион; 3) организация альянсов и поместий на временной буферной границе, с целью создания в дальнейшем подлиной границы; 4) образование расширенной границы. которая должна стать самодостаточным владением, словом, перерасти в «новое царство»; 5) предварительное очерчивание границ с перспективой заключения мирных договоров; 6) определение внутренних границ новых административных единиц, с учетом приспособления существующих помещичьих (феодальных) имений к российской системе губернского правления[1].

Процесс завоевания Закавказья прежде всего был связан с вмешательством России в проблемы Грузии. В 1798 г. со смертью царя Картли-Кахетии (Восточная Грузия) Ираклия II грузинский двор раскалывается. Усложняется внешнеполитическое положение Грузии. От притязаний владения на Грузию и на все Закавказье в целом не отказывалась и переживающая внутренний кризис Турция; для восстановления былого влияния на Грузию большую активность проявил Иран. Одновременно обострялась также борьба на Ближнем и Среднем Востоке между Россией и Францией. В предотвращении дальнейшего продвижения России на Закавказье и Ближний Восток были заинтересованы Англия и Франция, так что оба государства поддерживали захватнические притязания Турции и Ирана в отношении Закавказья.

В создавшейся ситуации царь Георгий XII возможным выходом счел упование на Россию. В 1799г. возобновляется установленные Георгиевским трактатом 1783 г. покровительство России над царством Картли-Кахетии. Согласно договоренности, Российский полк под командованием генерала И.Лазарева 29-ого ноября 1799 г. вошел в Тифлис. Будучи на

в состоянии собственными силами сохранить назависимость царства Картли-Кахетии, Георгий XII обратился к Павлу I, заявив о своей готовности признания российского владычества с условием сохранения внутреннего самоуправления.

Необходимо отметить, что в 1800 г. персидский Фатх-Али шах (Баба хан) сосредоточивший войска в Араратской долине, и ограбивший при этом Эчмиадзинский монастырь, потребовал от царства Картли-Кахетии восстановления статуса вассальной зависимости. В сентябре духовный предводитель русских армян Овсеп Аргутинский Долгорукий (Еркайнабазук) представил графу Ростопчину прошение о спасении Армении и Грузии. В том же году в Тифлис прибыл еще один русский полк, и реальная власть в Восточной Грузии постепенно перешла в руки И.Ковалевского и генерала И.Лазарева. Позднее, 28-ого декабря 1800 г. скончался Георгий XII, после чего немедленно последовал манифест Павла I от 18-ого января 1801 г. о присоединении царства Картли-Кахетии к России. В манифесте, разумеется, была завуалирована истинная военно-политическая цель присоединения Грузии к России: он представлен как «встречный шаг» на прошение Георгия XII и, следовательно, «милосердие, проявленное к грузинскому народу». Присоединение царства Картли-Кахетии к России рассматривается царским двором как условие осуществления программы овладения всем Закавказьем, и Павел I торопится проинструктировать первого наместника Грузии и командующего войсками К. Кнорринга в вопросе о присоединения Закавказья к России. После убийства Павла I его преемник Александр I некоторое время занимает выжидательную позицию, в связи с опасением обострения русско-английских и русско-французских отношений, «Тайный комитет» счел необходимым временно довольствоваться вассальной зависимостью Грузии от России. Кроме того, в январе 1801 г., когда был заключен англо-иранский договор, Россия фактически находилась в состоянии войны с Англией, и в Иране рассчитывали на английскую помощь: предлагалось, что против России выступит англо-иранская коалиция.

Обстановка изменилась после того, как 5-ого июня 1801 г. Александр I заключил дружеский договор с Англией, устранивший нависшую угрозу англо-русского столкновения. Одновременно Александр I заключил договор с Францией, хотя с 1803 г. русско-французские отношения вновь обострились. Поскольку Англия после расторжения Амьенского мира настойчиво добивалась участия России в третьей антифранцузской коалиции в Европе, то она предусмотрительно воздерживалась от открытой военной помощи Ирану, которая могла бы испортить отношения с Россией. Обманутый в ожиданиях Фатх-Али шах предал смертной казни своего министра за подписание неравноправного договора с Англией и подчинение ей иранской внешней политики. Не исключено, что действия шаха преследовали цель сближения с Наполеоном.

Военные неудачи Ирана сопровождались дипломатическими провалами. Из-за боязни лишиться русского союзника по антинаполеоновской коалиции, Англия упорно не представляла Ирану военной помощи, а Ост-Индийская компания, в свою очередь, добивалась аннексии иранских островов в Персидском заливе. Это соответствовало планам Наполеона, провоцировавшего турецкого султана на войну с Россией и расчитывавшего на образование против России ирано-турецкой коалиции. После провалившейся египетской экспедиции послы России и Англии всеми способами старались удержать Турцию от союза с Францией. Следуя примеру России, султан Селим III не признал Наполеона императором, отозвавшего в ответ из Константинополя маршала Брюна и отправившего султану угрожающее письмо, в котором прямо предупреждал, что «Русские, победив Иран, нападут на вас[2]». Имея в виду армян, греков и балканских христиан, Наполеон предупреждает также, что половина подданых султана исповедует одну и ту же с Россией веру и предана ей. В течение войны продолжались активные дипломатические усилия по формированию коалиций, суть которых состояла в попытке привлечь Турцию и Иран на сторону Англии и Франции и направить этот «временный» союз против России. В целях прикрытия своей агрессивной политики английская дипломатия широко использовала угрозу наполеоновского вторжения в Индию, сколько мнимую «русскую угрозу» Индии, мотивируя ее, как основанную на расторжении заключенного в 1801 г. между Наполеоном I и Павлом I соглашения и опровергнутого самими англичанами много лет спустя. В Европе Англия воевала в коалиции с Россией, в Иране же выступала против своего европейского союзника. Это вносило коррективы в ориентацию Ирана на Англию, поскольку вероятность открытого выступления Англии против России исключалась, и в дипломатических отношениях Англии с Россией и Ираном создавалась двусмысленность.

Подобно тому, как до заключения Тильзитского мира Наполеон спровоцировал иранского шаха на войну с Россией, в новых посттильзитских условиях нечто аналогичное попыталась сделать Англия. Финансируя, вооружая и обучая иранскую армию для продолжения войны против России, она рассчитывала восстановить Россию в борьбе против антифранцузской коалиции. И так как русско-турецкая война велась главным образом на территории Восточной Армении, Англия так же, как и Франция, добивалась сохранения Каджарской власти в Восточной Армении.

Вскоре отношения России с Англией и Францией временно улучшились, и 12-ого сентября 1801 г. был издан манифест Александра I о присоединении Восточной Грузии к России. Вместе с Восточной Грузией к России отошли в 1803 г. – Мингрелия, в 1804 г. - Имеретия, Грузия, в 1810г – Абхазия, а также подвластные Грузии армянские уезды: Памбак, Лори, Казах – Шамшадин[3]. В день подписания манифеста перед командующим русскими войсками в Грузии генералом К. Кноррингом была поставлена задача привлечения на свою сторону Ереванского, Карабахского, Бакинского ханов, колеблющихся в вопросе признания власти Баба хана. Это объяснялось улучшением сообщаемости с Астраханью через Каспийское море. Специально акцентируется вопрос благосклонного отношения к армянскому народу. Вскоре Александр I поручает наместнику Кавказа П. Цицианову осуществить план графа В.Зубова, т. е. проведение границы Закавказья через реки Рион, Кура и Аракс. В докладе от 12-ого марта 1803 г., направленном П.Цициановым Александру I , четко поднимается вопрос о необходимости наряду с Бакинским, Шемахинским и Карабахским ханствами завоевать и Ереванское ханство. В случае успеха Цицианов намеревался двинуться на Нахиджеван, оттуда – на Шуши-Карабах, тем самым расширив границу Российской империи до линии Кура-Аракс. Получив разрешение Александр I, Цицианов приступает к осуществлению идеи завоевания Закавказья. С присоединением Гянджинского ханства большая часть местного армянского населения и часть Варденисского района переходят под российское подданство.

Присоединение Восточной Грузии и Гянджинского ханства к России еще больше обострило русско-ирано-турецкие и русско-англо-французские противоречия на Среднем, Ближнем Востоке и в Закавказье. Шахский Иран не отказался от домогательств в отношении Кавказа. Фатх-Али шах и принц Аббас-Мирза с помощью Англии и Франции намеревались подчинить всех тех ханов, которые отказались подчиниться центральному правительству Ирана. Весной 1804 г. сорокатысячная персидская армия под командованием Аббас-Мирзы ожидала приказа шаха для вторжения в Закавказье. Турция также не смогла смириться с проникновением России в Закавказье, так как присутствие русской армии выступало здесь как серьезное препятствие на пути захвата Закавказья и Казахстана.

Иранская историография, как правило, обходит экспансионистский характер политики Каджаров, считая их вступление в войну ответом на уже предпринятые Россией действия, а причины русско-персидской войны большинство иранских историков связывает с политикой Англии. Англия и Франция неприкрыто поддерживали направленные против России меры Ирана и Турции. В частности, удачными были шаги Англии. В январе 1801 г. делегация Джона Малколма заключает с Ираном политический и торговый договор. Наполеон Бонапарт также устремляет свой взор на Иран. Он приказывает Талейрану собрать депеши об Иране, выяснить роль, которую играют там Англия и Россия. Французские агенты должны были нейтрализовать англо-иранские союзнические договора и добиться возможности использования Ирана как против России, так и самой Англии.

Перекрещивающиеся интересы предвещали крупные столкновения и войны. Перелом политики, проводимой царизмом в Закавказье, можно объяснить тем, что в условиях обострения русско-ирано-турецких и русско-англо-французских противостояний этот регион приобрел для России первостепенное военно-стратегическое значение. Для успеха «восточной политики» царизма в начале XIX века возросла актуальность завоевания Закавказья. Его присоединение к России открывало перспективы для русской торговли на восточных, в частности, иранских рынках. Главным объектом русско-иранских противоречий стало Ереванское ханство. При этом Россия должна была решать три задачи: разгром иранской военной мощи, избежание военных действий в Грузии и присвоение религиозно-политического центра армянского народа – Эчмиадзинского монастыря. И.Лазарев и К.Кнорринг, теперь и П.Цицинов, стремились убедить Ереванского сардара Мамад хана принять российское подданство мирным путым, пользуясь недружелюбным отношением к нему Фатх-Али шаха, возникшим вследствие отказа Мамад хана

подчиниться иранскому двору. Его положение осложнялось тем, что к походу на Ереван готовились как русские, так и иранские войска. Вскоре выяснилось, что Мамад хан, выигрывая время, укрепляет крепость и, как и ожидалось, склоняется в сторону шаха. Зная о симпатиях армян к русским, хан перемещает значительную часть армян из Араратской долины и высылает их в Иран, а многих влиятельных армян Карсского пашалыкства заключает, в качестве заложников, в Ереванскую крепость.

Для похода на Ереван России нужен был предлог. Таковым стала борьба шахских кандидатов в католикосы Эчмиадзина, которая известна в истории как «Давит-Даниельский спор». В условиях напряженной политической ситуации внутрицерковную проблему начали использовать противоборствующие государства. Даниел с единомышленниками был сторонником присоединения Армении к России, Давит выражал взгляды ряда высокопоставленных священнослужителей, личными интересами связанных и с Ираном. В начале 1803 г. П.Цицианов потребовал от Мамад хана признать католикосом Эчмиадзина Даниела, однако хан отверг его требование. Предлог для войны был готов. 29-ого мая 1804 г. авангард русских войск двинулся к Восточному Шираку (Шорагял). Перейдя через Лори-Памбак, в июне он достиг Гюмри. Первое крупное сражение произошло 10-ого июня на берегу реки Ахурян, в окрестностях села Малый Караклис (Азатан). Ахурянским сражением, в котором русские одержали победу, началась первая русско-иранская война (1804-1813 гг).[4] Война протекала в условиях враждебных взаимоотношений между Россией и недавно образованной Французской империей. Наполеон стремился сосредоточить внимание России на военных действиях против Ирана, чтобы реализовать свои захватнические программы в Европе. Одновременно он предполагает совместно с Ираном воспрепятствовать проникновению России на Ближний Восток. Учитывая объективные условия, как например, возникшие в Осетии и Кабарде мятежи, факт продвижения к Памбаку иранской армии (под предводительством грузинского царевича Алесандра, задавшегося целью отвоевать Грузию у русских). Цицианову пришлось 3-го сентября снять осаду Ереванской крепости и отступить к Тифлису. С целью предотвращения проникновения России на Кавказ, Турция организовала мятежи горцев. Первый ереванский поход русского корпуса хоть и не увенчался взятием Еревана, однако ускорил присоединение Шорагялского района к России. 30-ого марта 1805 г. возглавляемый генералом Несветаевым полк завладел центром Восточного Ширака – Артиком, а уже в октябре султан Бучаг принял российское подданство. Шорагялу предшествовало присоединение Карабахского ханства (Арцах). Необходимо отметить, что для беспрепятственного завоевания Карабаха Цицианов использовал шум, поднятый вокруг Ереванской крепости. 14 мая 1805 г. на берегу реки Кюракчай Цицианов и Карабахский Ибрагим хан подписали договор о принятии Карабахом российского подданства. Продвижение на Восточное Закавказье Цицианов аргументировал обстоятельством зависимости патриаршества Агванка от местных правителей. При этом он угрожал Ибрагим хану использовать против него наследственные права армянских меликов Карабаха. Вместе с Карабахом, согласно Кюракчайскому договору, к России отошли также Капанский, Горисский, Сисианский районы. В 1805-1806 гг. к России были присоединены также Бакинское, Ширванское и Дербендское ханства. Компания 1804-1806 гг. позволила двинуться из Грузии на юг и юго-восток, что еще больше укрепило позиции России в Закавказье.

В июне 1806 г. эмиссаром Наполеона Жобером был заключен военный союз с иранским шахом. В августе посол Франции генерал Себастиани в Константинополе убеждал турецкую сторону начать войну с Россией. Наполеон даже намеревался помирить Турцию с Ираном против России. 4-ого мая 1807 г. во Франкенштейне между Францией и Ираном были заключены союзнические договора антирусской и антианглийской направленности, согласно которым Франция обещала Ирану широкое содействие. Иран же, в свою очередь, обязывался прервать связи с Англией, а в случае войны между Францией и Англией – послать в Индию войска, а также предоставить в распоряжение Франции стратегический важный порт Бендербушир на берегу Персидского залива. Наполеон берет на себя обязанность вынудить Россию вернуть Каджарам не только Грузию, но и всю территорию, называемую в договоре «иранской», отошедшую к России до мая 1807 г.[5].

Переговоры командующего русской армией на Кавказе генерала Тормасова не дали результатов. Причина была весомой: Тегеран требовал уступку района Мегри и Талышского ханства, а также прекращения военных действий против Ахалцихского и Карсского

пашалыкств, подвластных Турции. Провал переговоров Тормасов связывал с антирусской деятельностью английского министра Джонеса в Иране.

После заключения Тильзитского договора изменились соотношения сил Великих держав в Иране и Турции, утратил свою актуальность ирано-французский союз Франкенштейна. По секретным статьям Тильзитского договора Франция отказывалась от посредничества как в отношении Турции, так и Ирана, предоставляя воюющим сторонам самостоятельно решать свои проблемы. Тильзитский мир привел к ослаблению антирусских союзов Франции с Ираном и Турцией, что отвечало интересам России.

Англия усилила свое влияние в Турции и Иране. Англо-турецкое сближение увенчалось 5-ого января 1809 г. заключением мира. 12-ого марта был заключен договор с Ираном. Открытая антирусская политика Англии привела к тому, что, нарушив перемирие 1807 г. Турция в апреле 1809 г. возобновила войну против России. Персы также активизировали военные действия. Вследствие вмешательства дипломатов Англии провалились русско-иранские переговоры 1810 г. в Тавризе и Аскеране (Арцах) Ереванский сардар Гусейн Кули-хан с десятитысячным войском двинулся к Ахалкалаку, с целью вторжения в Грузию и присоединения к турецкой армии. Другая иранская армия продвигалась на Шорагял-Памбак, а многочисленное войско Аббас-Мирзы – на Карабах. Невзирая на неблагоприятные условия, военные успехи были на стороне русских.

Еще более тяжелым был ход русско-иранских мирных переговоров. Иранская сторона под давлением Англии избегала заключения договора. Иран обнадеживал Наполеона в походе на Россию в 1812 г. 19-20-ого октября 1812 г. в сражении под Асландузом П. Котляревский обратил в бегство Аббас-Мирзу. 1-ого января 1813 г. русские завладели Ленкоранской крепостью. Параллельно с этими событиями в конце 1812 г. русская армия завершила разгром Наполеона. В результате иранский шах был вынужден просить мира[6].

12 (24)-ого октября 1813 г. в Карабахской крепости Гюлистан наместником Грузии и командующим русскими войсками Н.Ратищевым и уполномоченным представителем шаха Мирза-Абул-Гасан ханом был заключен договор.

В ходе напряженной дипломатической борьбы, предшествовавшей заключению Гюлистанского договора, Англия добивалась не мирного договора между Ираном и Россией, а длительного перемирия, с последующим заключением прелиминарного соглашения. Россия заключила мир за четыре дня до решающей «битвы народов» под Лейпцигом, и Англия не смогла воспользоваться в Иране плодами этой победы.

По Гюлистанскому договору Иран признавал присоединение к России Дагестана, Грузии, а также Гянджинского (Гандзак), Карабахского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского, Талышского ханств, Севанского озера, Лорийского, Памбакского, Казах-Шамшадинского, Зангезур-Капанского и Шорагяльского провинций. Иранская делегация настаивала на указании в договоре линии границ только в общих чертах. Расчет был на то, чтобы в дальнейшем, ссылаясь на нечеткость границ, добиться пересмотра договора и сохранить повод для войны. Неслучайно, к примеру, отдельно оговорено, что после ратификации договора границы Талышского ханства со стороны Энзели и Ардебиля окончательно определятся комиссарами на основании status quo. Позднее именно проблема границ Талыша стала поводом к новой войне.

В основу Гюлистанского договора был положен status quo – фактическое владение сложившейся границей по линии Кавказа до Карабаха и озера Севан. В владении России оставались Ереванское и Нахиджеванское ханства, при этом признавались права того престолонаследника, которого впоследствии утвердит Фатх-Али шах. Договор состоял из 11-и статей. Был также подписан «Сепаратный акт». Заслуживает внимания тот факт, что при подписании мира была принята к сведению информация Нерсеса Аштаракеци об осложнениях, возникших у персов в связи восстаниями ваххабитов и туркменов. В знак уважения Россия подарила иранскому шаху Мегринский район, который должен был послужить границей между Карабахом и Ираном. Такая существенная уступка со стороны России была продиктована необходимостью окончательного утверждения в Талышском ханстве.

Хотя обмен ратификационными грамотами Гюлистанского договора состоялся 15-ого сентября 1814 г., царский манифест о мирном договоре с Ираном был опубликован лишь 16-ого июля 1818 г. из-за имевших место в договоре неточностей, воспользовавшись которыми Тегеран счел спорными вопросами Капана, Мегри, озера Севан и Талышского ханства. Требования

иранской стороны повысились когда в течение 1818 – 1822 гг. Шекинское, Ширванское и Талышское ханства были преобразованы в российские области*. В 1822 г. патриаршая печать католикоса св. Эчмиадзина была вручена Нерсесу Аштаракеци.

Таким образом, с присоединением северных районов Восточной Армении было положено начало первого этапа процесса присоединения армянских земель к России. Гюлистан стал временной уступкой, не позволившей России укрепить южные границы по реке Аракс, присоединив тем самим ханства Еревана и Нахиджевана.

После заключения Гюлистанского договора свою антироссийскую деятельность в Иране активизировала Англия. На случай аннулирования договора персы и англичане разрабатывали программы будущих совместных действий. 13-ого (25-ого) ноября 1814 г. в Тегеране Англия заключила с Ираном новый «окончательный» союзнический договор, при этом обе стороны не признавали условий Гюлистанского договора. Тегеранский договор, который был составлен с учетом особенностей договорной системы Англии, относится к ряду неравноправных договоров 1801, 1809 и 1812 гг. каждый из которых отображал изменения политической устойчивости в Иране. Тегеранский договор был тайным. Причина заключается в том, что в условиях революционного подъема в Европе, обострения турецкого и греческого вопросов, совместного участия в «Священном союзе» России и Англии, последние избегали взаимных враждебных выступлений.

Тегеранский договор был направлен против Гюлистанского мира. Он был своеобразным механизмом детонации новой русско-иранской войны. О его содержании российским дипломатом стало известно лишь во время Аахенского конгресса «Священного союза» (октябрь – ноябрь 1818 г.). Для Ирана договор был однозначно унизительным. Согласно первому пункту, Иран должен был объявить недействительным все договора, заключенные с враждебными для Англии европейскими государствами. Подобная дипломатическая инсинуация имеет параллель, в частности, с отторжением острова Кипр в 1878 г. Границы же между Ираном и Россией должны были определяться при участии и с согласия Англии, что являлось серьезным ударом по авторитету России. В результате заключения Тегеранского договора 1814 г. Иран фактически потерял свою независимость и стал игрушкой в руках британской политики. К примеру, одна восточно-индийская компания, выделившая Тегерану 800 тыс. рублей серебром, угрожала прекратить эту помощь, если Иран не объявит войну России.

29 июля 1816 г. Александр I отправил в Иран в качестве «чрезвычайного и полномоченного министра» А.Ермолова, с целью удостоверения в возможности проведения новых границ в Талышском и Карабахском ханствах и обмена приобретенного за Араксом Талыша на Ереванское и Нахичеванское ханства[7]. В ноябре того же года он доложил императору, что Ирану ни в чем уступать нельзя, однако переговоры с Аббас-Мирзой и с шахом ни к чему не привели. Россия была крайне заинтересована в стабилизации отношений с Ираном и сохранении границ Гюлистанского договора, однако Иран оказывал давление на Англию для получения военной помощи не только под прикрытием ирано-турецкой войны, но и с помощью России, против которой были направлены реваншистские планы Каджаров. Русская дипломатия использовала особенности этой фарисейской дипломатии шаха и всячески стремилась стабилизировать отношения с Ираном. Такую же цель преследовала и миссия А.Меньшикова в 1826 г. Дело в том, что с начала XIX века до 1828 г. Англия постоянно была заинтересована в срыве русско-иранских переговоров и конференций, добиваясь пересмотра Гюлистанского, а затем Туркменчайского договоров.

Причины русско-иранской войны 1826 – 1828 гг. освещаются прежде всего с точки зрения завоевательной политики России и Ирана. Однако ни одна из этих стран не имела правовых оснований на владение Закавказьем, которое принадлежало коренным обитателям края, в частности армянам и грузинам, и никак не завоевателям. Иран стремился не только к восстановлению границ 1804 г., но и надеялся довести их до Северного Кавказа и Дагестана. Россия же, в свою очередь, собиралась с помощью местных народов присоединить к себе все

---

* Гянджинское и Бакинское ханства как административные единицы были ликвидированы в 1804-1813 гг., Шакинское – в 1819 г., Ширванское – в 1820 г., Карабахское – в 1822 г., Талышское – в 1826 г. и преобразованы в российские провинции.

Закавказье и довести свои южные границы до рек Кура и Аракс. Еще в 1783 г., с присоединением Крыма и Грузии было положено начало инициативе Екатерины II по организации из христианских стран «приграничного пояса» под протекторатом России[8].

В научной литературе распространена точка зрения, согласно которой вторая русско-иранская война считается всего лишь продолжением первой. То есть, фактически игнорируются сформировавшие в регионе новые геополитические процессы, в особенности после поражения наполеоновской Франции.

Определенную ясность в этом вопросе вносит декларация российского правительства о войне с Ираном, объявленная 16-ого сентября 1826 г. Запоздалое объявление войны было связано с тем, что начав ее первым, Иран уже около 50 дней вел военные действия в Закавказье. В декларации подчеркивалось, что в соответствии с Гюлистанским мирным договором граница проходит по завоеванной русской армией на момент заключения договора линии, на основании status quo. Заслуживает внимания тот факт, что пограничные споры в документе представлены неопределенно, без упоминания ряда населенных пунктов. В частности, не говорится о том, что Аббас-Мирза в замен ряда населенных пунктов Северного Талыша и Памбака предлагал России армянскую область Мегри. Последняя в декларации вообще не фигурируется, несмотря на то, что, согласно второму пункту Гюлистанского договора, граница тянется «к Араксу до гор Мегри». Дело в том, что во время войны 1804 –1813 гг. русское воинское подразделение должно было занять половину этого района. Ермолов по праву считал, что регион полностью перешел к России и предлагал вывести из Мегри иранских солдат. В результате Мегри покинули русские солдаты, а не персы, которые, пользуясь ситуацией, заняли весь район. Не исключается также, что русские войска отошли по приказу самого Ермолова. Уже после мегринских событий две русские роты заняли северо-западный берег Севана, после чего Ермолов предложил Аббас-Мирзе узаконить обмен соответствующим договором. По существу Ермолов предлагал взаимообмен армянских территорий, что вызвало недовольство в общественно-политических кругах армян и среди населения.

Кроме того, в декларации не упоминалось о напряженной ситуации в районе села Мирак, об иранских притязаниях на стратегически важную область Шорагяла, на весь бассейн реки Ахурян, а тем самым – удержании района Даралагяз (Егегнадзор – Вайоц Дзор) и.т.д.

24-ого марта 1825 г. в Тифлисе между Россией и Ираном был заключен договор, согласно которому Россия удерживала северный берег Севана, а Иран – район Капана. Однако Аббас-мирза не ратифицировал его, объявив, что новая граница должна проходить по реке Амзачиман (недалеко от Степанавана), через озеро Севан, и далее – через Капан, Муганскую степь и Талыш. Важным является то обстоятельство, что секретным указанием от 8-ого января 1826 г. Николай I указал послу России в Иране Меньшикову в условиях назревающей войны с Турцией сохранять состояние мира с Ираном. Известно, что Шамхорским сражением началось контрнаступление русской армии, а после перехода персами Аракса восстановились границы, установленные Гюлистанским мирным договором. Казалось, этим можно было войну считать оконченной и восстановить правомерность Гюлистанского договора. Тем не менее, 16-ого сентября 1826 г., когда война по существу была уже окончена, Россия вновь объявила Ирану войну. Россия фактически начинала второй этап войны для установления новых государственных границ по Араксу. В 1827 г. начался окончательный этап русско-иранской войны. Однако министр иностранных дел К.Нессельроде не мог предвидеть, что Англия и другие европейские страны осудят царскую Россию и расценят ее шаги как скрытое стремление овладеть Ираном и вытеснить оттуда и из Персидского залива Англию. Избегая опасности политической изоляции, К.Нессельроде направил иностранным дипломатическим представителям депеши, в которых министр старался свести причины второй русско-иранской войны к пограничным спорам, акцентируя миролюбивую концепцию внешней политики России. А поскольку 16-ого июля иранские войска уже вошли в Закавказье, то в Европе возразить графу К.Нессельроде было нечего.

Накануне переговоров в Дех-Харгане 6-ого октября 1827 г. архиепископ Нерсес Аштаракеци обратился к генералу Паскевичу с просьбой восстановить историческую границу Восточной Армении, т.е. установить ее не по Араксу, а от Нахиджевана на запад, чтобы в состав Восточной Армении вошли город Маку и весь Арарат. А.Ермолов также считал необходимым присоединение этого участка в качестве Ереванского ханства к России. Паскевич эту просьбу Н.Аштаракеци интерпретировал как личное пожелание самого архиепископа, поскольку на этом

отрезке находятся знаменитый армянский монастырь св. Тадевоса (Таде). Он не знал, что Аббас-Мирза тайно выделил немалые деньги на достройку и реставрацию монастыря с намерением перенести сюда из Эчмиадзина армянский католикосат и тем самим ослабить на него влияние России.

Одним из подстрекателей войны против Каджарского Ирана была Турция. 8-ого декабря 1827 г. султан Махмад II призывал «правоверных» к джихаду против русских и подталкивал Фатх-Али шаха к войне против России. Это давлении со стороны Турции на Иран усилилось после Наваринского морского сражения, во время которого союзники потопили турецкий флот. Одновременно в российской дипломатической миссии в Тегеране возникло намерение спровоцировать Иран на войну с Турцией. Имелось в виду, что Иран мог бы за счет Турции компенсировать свои территориальные потери и способствовать сближению Ирана с Россией. Престолонаследник Шахзаде убеждал генерала Ермолова, будто к войне против турков его побуждает жестокость турецкого правительства по отношению к грекам-христианам. Для убедительности Аббас-Мирза даже отправился в Эчмиадзин и освятил свой меч на христианском жертвенном столе, очевидно используя при этом сильную ненависть армянского народа к Турции. Так вспыхнула турецко-иранская война. Позднее выяснится, что турецко-иранская война 1821 – 1823 гг. и Эрзрумское (Каринское) перемирие использовали для реваншистской войны против России. Это запутало планы Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Война между Турцией и Ираном прежде всего отвлекла Иран от войны с Россией и стала причиной ослабления Турции, ее уязвимости со стороны России. Перемирием Эрзрума (28-ого июля 1823 г.) Иран вернул Турции Маназкерт, Хлат, Битлис, Баязет, Мосул и другие города. Центральным же в этом соглашении был затаенный удар, которым предусматривалось обязательство Турции участвовать в войне Ирана против России. Когда же началась русско-иранская война 1826 – 1828 гг. и Турция не присоединилась к Ирану, Англия предприняла все меры, чтобы освободить себя и Турцию от ответственности за обман[9].

Примечательно. что этому английскому стилю Николай I противопоставил новое направление во внешней политике, объявив, что в Восточном вопросе он не станет считаться с Европой, а начнет войну против султана и положит конец Оттоманской империи, если Высокая Порта не уступит его требованиям. Это предупреждение царя оказалось своевременным, явившись необходимым дипломатическим шагом накануне второго этапа русско-иранской войны, поскольку дальнейшее поведение Турции предугадать было нелегко. В результате, 25-ого июня 1827 г. между Россией, Англией и Францией был заключен Лондонский договор, который предоставлял России возможность решать Восточный вопрос по своему усмотрению.

В продолжении русско-иранской войны был заинтересован и армянский народ во главе с деятелями армянского освободительного движения, поскольку границы, установленные Гюлистанским договором, фактически еще больше раздробили армянство: северные районы Армении и Арцах были отделены от Еревана и Нахиджевана, оказавшись в ирано-турецком (мусульманском) окружении. Ассимиляция и ускорение темпов эмиграции становились неизбежными. В этом контексте большое значение имели завершение процесса присоединения Восточной Армении к России и Туркменчайский договор.

1. Тунян В.Г. Россия и армянский вопрос. Ереван, 1998. с. 40-49.
2. Балаян Б.П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединение Восточной Армении к России. Ереван, 1988. с. 30.
3. Там же, с. 54.
4. Գրիգորյան Զ.Տ. Ռուս և հայ ժողովրդի ռազմական համագործակցությունը XIX դարի սկզբին, Երևան, 1957.
5. Балаян Б.П. указ. раб. с. 76.
6. Там же, с. 83.
7. Там же, с. 108.
8. Ա.Քյուրքչյան., 1826-1828թթ. Ռուս-պարսկական պատերազմը, Երևան, 2000, էջ 26.
9. Նույն տեղում, էջ 76.

ÏÐÈÑÎÅÄÈÍÅÍÈÅ ÂÎÑÒÎ×ÍÎÉ ÀÐÌÅÍÈÈ Ê ÐÎÑÑÈÈ Â ÐÓÑÑÊÎÉ È ÀÐÌßÍÑÊÎÉ ÈÑÒÎÐÈÎÃÐÀÔÈÈ È ÎÁÙÅÑÒÂÅÍÍÎ-ÏÎËÈÒÈ×ÅÑÊÎÉ ÌÛÑËÈ

Мурадян М.А.

Îäèí èç êðóïíåéøèõ ïðåäñòàâèòåëåé àíòè÷íîãî ìèðà Ìàðê Òóëëèé Öèöåðîí âûñêàçàë ïðåêðàñíóþ è âåñüìà îáðàçíóþ ìûñëü: “Èñòîðèÿ, – ãîâîðèë äðåâíåðèìñêèé îðàòîð, – åñòü ñâèäåòåëüíèöà времен, свет истины, жизнь ïàìÿòè è íàñòàâíèöà íðàâîâ. Èñòîðèÿ Àðìÿíñêàÿ, – ïîä÷åðêèâàþò â ñâÿçè ñ ýòèì ñîñòàâèòåëè òðåõòîìíîãî ñáîðíèêà “Ñîáðàíèå àêòîâ, îòíîñÿùèõñÿ ê îáîçðåíèþ èñòîðèè àðìÿíñêîãî íàðîäà”, – îáóøåâëåíà âñåìè êà÷åñòâàìè, èçëîæåííûìè Öèöåðîíîì...”[1]. Ïîýòîìó “...ôðàíöóçû è ãåðìàíöû, èçó÷àþò èñòîðèþ îäíîãî èç äðåâíåéøèõ, ìíîãîùåñòâåííûõ è îáðàçîâàííåéøèõ íàðîäîâ – íàðîäà àðìÿíñêîãî, ÷òîáû ñ ïîìîùüþ åå ðàçëèòü íîâûé ñâåò íà ñîáûòèÿ ïðîøåäøèå, è äîïîëíèòü òî, ÷òî îòíîñèòñÿ ê íåïîñðåäñòâåííîé ñóäüáå ÷åëîâå÷åñòâà...”[2].

Ñëåäîâàòåëüíî, èçó÷åíèå èñòîðèè Âåëèêîé Àðìåíèè, àðìÿíñêîãî íàðîäà (êîòîðûé â òå÷åíèå многих âåêîâ æèâåò íà ñâîåé èñòîðè÷åñêè ñëîæèâøåéñÿ ðîäèíå,) ïåðåñòàëî áûòü ïðåðîãàòèâîé àðìÿíñêîé èñòîðè÷åñêîé è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêîé ìûñëè. Â ïåðâîé ïîëîâèíå XIX â. àðìåíîâåäåíèå ñòàëî ïðèâëåêàòü ê ñåáå ïðèñòàëüíîå âíèìàíèå âñåãî öèâèëèçîâàííîãî ñîîáùåñòâà. Â ýòîé îáëàñòè, áåçóñëîâíî, ðóññêàÿ èñòîðè÷åñêàÿ è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü ïî-ïðàâó çàíèìàåò âåäóùåå ìåñòî. Èìåííî åé ïðèíàäëåæèò ïàëüìa первенства â îñâåùåíèè èñòîðèè Àðìåíèè, îñîáåííî ïðèñîåäèíåíèя åå âîñòî÷íîé ÷àñòè ê Ðîññèè.

Ïðè îñâåùåíèè ïðîáëåìû ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèéñêîé èìïåðèè ðóññêàÿ èñòîðè÷åñêàÿ è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü â ðàçíîå âðåìÿ ðóêîâîäñòâîâàëàñü ïðèíöèïèàëüíî ðàçëè÷íûìè êîíöåïöèÿìè. Îáîáùåíèå ðóññêîé èñòîðè÷åñêîé è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêîé ìûñëè î ïðèñîåäèíåíèè Âîñòî÷íîé Àðìåíèè к России ïîçâîëÿåò âûäåëèòü ÷åòûðå îñíîâíûå êîíöåïöèè, èç êîòîðûõ ïåðâàÿ ñëîæèëàñü íåïîñðåäñòâåííî ïîñëå ýòîãî èñòîðè÷åñêîãî àêòà, à ïîñëåäíÿÿ – â ñîâåòñêóþ ýïîõó.

Ñëåäóåò îòìåòèòü, ÷òî ðóññêèе офицеры Êàâêàçñêîãî êîðïóñà è îñîáåííî äåêàáðèñòû, â öåëîì ïðàâèëüíî îöåíèëè историческое çíà÷åíèå ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè, êàê ñ òî÷êè çðåíèÿ èíòåðåñîâ àðìÿíñêîãî íàðîäà, ïåðñïåêòèâ åãî ðàçâèòèÿ, òàê è äëÿ ðîññèéñêîãî ãîñóäàðñòâà. Îíè óñòàíîâèëè òåñíûå äåëîâûå îòíîøåíèÿ ñ âèäíûìè àðìÿíñêèìè îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêèìè äåÿòåëÿìè – Í. Àøòàðàêåöè, À. Àëàìäàðÿíîì, ïîëêîâíèêîì Ëàçàðåâûì è äð., ÷òî ïîìîãëî èì ëó÷øå ïîíÿòü ÷àÿíèÿ àðìÿíñêîãî íàðîäà. Òàê, äåêàáðèñò Ì. Ïóùèí â ñâîèõ “Çàïèñêàõ”, îïóáëèêîâàííûõ â æóðíàëå “Ðóññêèé Àðõèâ” â 1908 ã., ïèñàë, ÷òî îí ëè÷íî çíàë Í. Àøòàðàêåöè è ïîääåðæèâàë ñ íèì äðóæåñòâåííûå îòíîøåíèÿ. Òóðêìåí÷àéñêèé äîãîâîð îí ñ÷èòàë âûãîäíûì äëÿ Ðîññèè, áëàãîäàðÿ êîòîðîìó Ðîññèÿ ïîëó÷èëà Ýðèâàíñêóþ îáëàñòü[3]. Â ýòîé ñóäüáîíîñíîé äëÿ àðìÿíñêîãî íàðîäà âîéíå ó÷àñòâîâàëè âíóê âåëèêîãî ðóññêîãî ïîëêîâîäöà À. Ñóâîðîâà – Àëåêñàíäð À. Ñóâîðîâ, áðàò âåëèêîãî ðóññêîãî ïîýòà À.Ñ. Ïóøêèíà – Ëåâ Ñåðãååâè÷ Ïóøêèí. Îíè áûëè óáåæäåíû, ÷òî ïåðåõîä àðìÿíñêîãî íàðîäà ïîä ïîêðîâèòåëüñòâî Ðîññèè – èñòîðè÷åñêè ÿâëåíèå ïðîãðåññèâíîå.

Äåêàáðèñòû áûëè óáåæäåíû, ÷òî Ðîññèÿ ïî ñâîåìó ïîëèòè÷åñêîìó, ýêîíîìè÷åñêîìó è êóëüòóðíîìó óðîâíþ ðàçâèòèÿ, áåçóñëîâíî, íàõîäèòñÿ íà áîëåå âûñîêîé ñòàäèè, íåæåëè Ïåðñèÿ è îñîáåííî Òóðöèÿ. Âìåñòå ñ òåì, îíè ïîíèìàëè, ÷òî åñëè âñÿ Àðìåíèÿ ïðèñîåäèíèòñÿ ê Ðîññèè, òî çíà÷èòåëüíî íàäåæíåå è ïðî÷íåå áóäóò åå ãðàíèöû íà þãå ñòðàíû, óñèëèòñÿ âîåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìîùü ðóññêîãî ãîñóäàðñòâà. Òàêàÿ â öåëîì èñòîðè÷åñêè ïðàâèëüíàÿ îöåíêà äàíà â èçâåñòíîé “Èñïîâåäè” äåêàáðèñòà Å. Å. Ëà÷èíîâà, íàïèñàííîé ïîñëå ïîäïèñàíèÿ Òóðêìåí÷àéñêîãî äîãîâîðà. “Àðìÿíå, – ïèñàë Ëà÷èíîâ, – ïðîìûøëåííûé, îáîðîòëèâûé... â èñêðåííåé ïðåäàííîñòè ê ïðàâèòåëüñòâó íàøåìó íåëüçÿ ñîìíåâàòüñÿ. Âûãîäû, çàìå÷åííûå èìè â íîâîé ïåðåìåíå, ñëèøêîì âåëèêè: âìåñòî óãíåòåíèÿ – êðîòîñòü, âìåñòî ãðàáåæåé – ïîêðîâèòåëüñòâî, âìåñòî ïðåíåáðåæåíèÿ – ñïðàâåäëèâîñòü. Êòî íå çàõî÷åò ñäåëàòü ñòîëü óäà÷íîé îáìåí”[4]. Èíòåðåñíûå ñâåäåíèÿ ìû íàõîäèì â çàïèñêàõ ãåíåðàëà Ìóðàâüåâà. “Â áîþ, – ïèñàë îí, – îíè (àðìÿíñêèå äðóæèíû – Ì.Ì.) äðóæíî, ïîêàçàëè ñåáÿ êàê ñëåäîâàëî ñîëäàòàì... äðàëèñü... êàê òîëüêî ìîæíî áûëî æåëàòü... âñå ïðèíèìàëè ïðèñÿãó íà âåðíîñòü ñëóæáå è ñîâåðøàëè ñ íàìè âñå ïîõîäû”[5]. Ãлавнокомандующий Кавказским корпусом генерал Паскевич доносил императору Николаю 1: «они (армянские ополченцы – М.М.) самоотверженно преданы России и

усердны»[6]. «Из сего явствует, – заключает известный русский общественный деятель, публицист, писатель и историк С. Н. Глинка, – что вся Персидская Армения занята была и силою русского оружия и ревностным содействием заветной любви армян к России» [7]. Ýòè èñòîðè÷åñêè îáúåêòèâíûå îöåíêè â äàëüíåéøåì èñïîëüçîâàëè ïðåäñòàâèòåëè ðóññêîé èñòîðè÷åñêîé è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêîé ìûñëè X1X в., разработав научную êîíöåïöèþ, îñíîâàííую íà äâóõ главных выводах – “àáñîëþòíîå äîáðî” äëÿ àðìÿíñêîãî íàðîäà è “îñâîáîäèòåëüíàÿ ìèññèÿ” – ñî ñòîðîíû õðèñòèàíñêîé Ðîññèè. Ðîññèÿ îñóùåñòâèëà îñâîáîäèòåëüíóþ ìèññèþ ïî îòíîøåíèþ ê õðèñòèàíñêîìó íàðîäó, ê íàöèè, êîòîðàÿ â èñòîðèè ìèðîâîé öèâèëèçàöèè ïåðâàÿ ïðèíÿëà õðèñòèàíñòâî êàê îôèöèàëüíóþ ãîñóäàðñòâåííóþ ðåëèãèþ. Ïðîÿâèâ îïðåäåëåííûé èíòåðåñ ê èñòîðèè àðìÿíñêîãî íàðîäà è îòìåòèâ åãî âêëàä â ìèðîâóþ öèâèëèçàöèþ ðóññêàÿ èñòîðèîãðàôèÿ ýòèì õîòåëà ïîêàçàòü, ÷òî Ðîññèÿ ñûãðàëà ïîëîæèòåëüíóþ ðîëü èìåííî ïî îòíîøåíèþ ê äðåâíåìó õðèñòèàíñêîìó íàðîäó, îáëàäàþùåãî áîãàòîé êóëüòóðîé. Ýòî îáúåêòèâíî заставляло áîëåå âíèìàòåëüíî îòíîñèòüñÿ ê èñòîðèè Àðìåíèè. Èñòîðè÷åñêèå ôàêòû è âîåííî-ïîëèòè÷åñêèå ñîáûòèÿ äàâàëè ïîëíóþ âîçìîæíîñòü äëÿ òîãî, ÷òîáû âñåñòîðîííå îáîñíîâàòü ïîëîæèòåëüíûå ïîñëåäñòâèÿ ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè.

Ýòîò àêò ñòàë íå òîëüêî ïåðåëîìíîé ïîëèòè÷åñêîé âåõîé â èñòîðè÷åñêèõ ñóäüáàõ àðìÿíñêîãî íàðîäà, íî è âàæíåéøèì ïåðèîäîì â ñìûñëå íà÷àëà ñèñòåìàòè÷åñêîãî èçó÷åíèÿ åãî ìíîãîâåêîâîé èñòîðèè. Èìåííî ñ 30-õ ãîäîâ XIX ñòîëåòèÿ íà÷èíàåòñÿ áîëåå èëè ìåíåå ñèñòåìàòè÷åñêîå îñâåùåíèå èñòîðèè Àðìåíèè, äàåòñÿ îöåíêà ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè â èñòîðèîãðàôè÷åñêîì àñïåêòå. Ðóññêàÿ èñòîðè÷åñêàÿ è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü ïðåæäå âñåãî îáðàùàëà âíèìàíèå íà âñå òî îáúåêòèâíî ïîëîæèòåëüíîå, ÷òî èìåëî ìåñòî âî âíåøíåé ïîëèòèêå Ðîññèè. Ýòî îáñòîÿòåëüñòâî ïîçâîëèëî åé правильно оценить ïðèñîåäèíåíèå Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè как ñîáûòèя ýïîõàëüíîго â ïîëèòè÷åñêîé æèçíè àðìÿíñêîãî íàðîäà.

Èçâåñòíî, â êàêîé îñòðîé è ñëîæíîé âíåøíåïîëèòè÷åêîé îáñòàíîâêå ïðîõîäèë ïðîöåññ ïðèñîåäèíåíèÿ Çàêàâêàçüÿ ê Ðîññèè. Îñîáåííî îáîñòðèëèñü îòíîøåíèÿ ìåæäó Ðîññèåé è çàïàäíîåâðîïåéñêèìè ñòðàíàìè. Òàêàÿ âîåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ êîíôðîíòàöèÿ áåçóñëîâíî âîçäåéñòâîâàëà íà ðóññêóþ èñòîðè÷åñêóþ è ïîëèòè÷åñêóþ ìûñëü, êîòîðàÿ íå òîëüêî îòðàæàëà õîä ñîáûòèé, íî è çíà÷èòåëüíî âëèÿëà íà íèõ è ñïîñîáñòâîâàëà ôîðìèðîâàíèþ îáùåñòâåííîãî ìíåíèÿ. Íåîáõîäèìî áûëî îïðàâäàòü ïðîâîäèìûé âíåøíåïîëèòè÷åñêèé êóðñ Ðîññèè, óâÿçàòü åãî ñ ïîëîæèòåëüíûì çíà÷åíèåì ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè. Åå ïðåäñòàâèòåëè ðàññìàòðèâàëè ýòè ïðîáëåìû â íîâûõ óñëîâèÿõ, êîãäà ÷àñòü àðìÿíñêîãî íàðîäà óæå íàõîäèëàñü ïîä ïîêðîâèòåëüñòâîì Ðîññèè. Ðóññêîå ïðàâèòåëüñòâî ïðîâîäèëî â Âîñòî÷íîé Àðìåíèè òîíêóþ è î÷åíü ãèáêóþ ïîëèòèêó, ÷òî â öåëîì îáúåêòèâíî ïîëîæèòåëüíî îòðàæàëîñü íà ïîëîæåíèè àðìÿíñêîãî íàñåëåíèÿ. Ìíîãèå èç íèõ áûëè ëè÷íî çíàêîìû ñ àðìÿíñêèìè îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêèìè äåÿòåëÿìè, êîòîðûå â öåëîì ïîëîæèòåëüíî âîçäåéñòâîâàëè íà ðóññêóþ èñòîðèîãðàôèþ â ïðàâèëüíîì ïîíèìàíèè èñòîðè÷åñêîãî àêòà ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè. Íàèáîëåå êðóïíûì ïðîïàãàíäèñòîì è èäåîëîãîì ðóññêîé îðèåíòàöèè àðìÿí áûë Õà÷àòóð Àáîâÿí. Известный русский писатель А.Муравьев хорошо знавший арзиепископа Нерсеса Аштаракеци в своих путевых заметках писал, что его из Эчмиадзина сопровождал Х.Абовян, который согласно автору «…соединял образование Дерптского университета с местными познаниями края: он был неутомимым спутником Паррота и Абиха на Арарате»[8]. Эти знакомства, безусловно, сыграли свою положительную роль, ибо помогали ему еще лучше познать чаяния армянского народа и историческое предначертание России в его освободительной борьбе. «Сколько однако столиц армянских, – писал Муравьев, – одна за другую стерлись пред лицом сего Арарата... Двин и после него, на другом холме, Арташат, и на равнине Вагаршапат и еще… на берегах Арпачая… Ани чудная в самых обломках»[9].

Знакомство немецкого барона, писателя Августа фон Гакстгаузена с Хачатуром Абовяном и Нерсесом Аштаракеци помогли ему в целом правильно оценить политический акт присоединения Восточной Армении к России. «Абовян, – писал немецкий барон, – был один из тех благородных, рассудительных и правдивых людей, которых мы редко всречаем в жизни»[10].

Âåëèêèé ïðåäñòàâèòåëü àðìÿíñêîé ïðîñâåòèòåëüñêî-äåìîêðàòè÷åñêîé ìûñëè ãëóáîêî îñîçíàë è îöåíèë âñþ âàæíîñòü èñòîðè÷åñêîãî àêòà ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè, åãî ðåøàþùåå çíà÷åíèå â ñóäüáàõ àðìÿíñêîãî íàðîäà. Â îäíîì èç ñâîèõ ïèñåì îò 1832 ã. îí ïîä÷åðêèâàë, ÷òî ñ ïðèñîåäèíåíèåì ê Ðîññèè “íà÷àëàñü íîâàÿ ýïîõà â èñòîðèè íàøåé íàöèè”[11]. Îá èñòîðè÷åñêîé

íåîáõîäèìîñòè äðóæáû àðìÿíñêîãî è ðóññêîãî íàðîäîâ Àáîâÿí ïèñàë: “Ýòà ñâÿçü íåðóøèìàÿ, ýòa ëþáîâü ñâÿùåííàÿ îñòàíåòñÿ ñ íàìè íà âåêè âå÷íыå”[12]. Â ïåðèîä ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè, äàæå â 1830-õ ãã. Õ. Àáîâÿí âîñõâàëÿë ñàìîäåðæàâèå, ðóññêèõ ãåíåðàëîâ, îñâîáîäèâøèõ Âîñòî÷íóþ Àðìåíèþ. Àрмянский историк М.Я. Алавердянц в небольшой работе, посвященной генералу-фельдмаршалу графу И.Ф. Паскевичу, дал оценку Туркменчайского договора. «В нынешнем, т. е. XIX столетии ни одно политическое событие не было столь знаменательно, как упомянутый договор, заключенный в бедной персидской деревне. В силу его сердце Армении – Араратский край, – со своим священным престолом, навсегда выходил из под ига персидского и вступал под могучее покровительство христианской державы»[13].

Âûñîêàÿ îöåíêà ðåøàþùåé ðîëè Ðîññèè â ñóäüáàõ àðìÿíñêîãî íàðîäà äàíà Àáîâÿíîì â “Ðàíàõ Àðìåíèè”. Ýòî – ïåðâûé àðìÿíñêèé ðîìàí è îäíîâðåìåííî ïåðâûé àðìÿíñêèé èñòîðè÷åñêèé ðîìàí, ñòîÿùèé â îäíîì ðÿäó ñ òåìè ïðîèçâåäåíèÿìè âñåìèðíîé ëèòåðàòóðû, êîòîðûå îëèöåòâîðÿþò öåëûé íàðîä. Âåëèêèé àðìÿíñêèé ïîýò Îâàíåñ Òóìàíÿí ñ÷èòàë, ÷òî «â ýòîé êíèãå çàêëþ÷åíû ñòðàäàíèÿ è âîæäåëåíèÿ àðìÿíñêîãî íàðîäà çà ïîñëåäíèå âðåìåíà è ñåêðåò èìåííî â ýòîì, ÷òî îíà ñ÷èòàåòñÿ ó íàñ ñâÿùåííîé êíèãîé”[14].

Â ïðèëîæåíèè ê ðîìàíó “Ðàíû Àðìåíèè” âåëèêèé ïðîñâåòèòåëü è ïëàìåííûé ïàòðèîò ñëåäóþùèì îáðàçîì ïðåäñòàâëÿåò äðóæáó àðìÿíñêîãî è ðóññêîãî íàðîäîâ: “Ñ Âîëãîþ, ñòàðøåé ñåñòðîé ìîåé, ÿ (ðåêà Ðàçäàí. – Ì.Ì.) è ñåñòðà ìîÿ Åðàñõ ïольåìñÿ ñðåäè âîëí Êàñïèÿ...Âîçëþáëåííîé ñåñòðå ìîåé Волге îòíåñó ÿ è ïåðåäàì áëàãîïîæåëåíьÿ ðîäíîãî Ñåâàíà, îòå÷åñêèé ïðèâåò ñâÿòîãî Ìàñèñà – è âàì ïðèíåñó åå ïðèâåò ñ ðàäîñòíîé âåñòüþ.. cëàäîñòíàÿ ñåñòðà ìîÿ Âîëãà âñåãäà îòíûíå áóäåò çàáîòèòüñÿ î âàñ... Óêðåïëÿéòå ñèëû ñâîè, ñûíû Àðàìà, ïðåáûâàéòå â ëþáâè è ñîãëàñèè. Ëþáîâü è ìèð âñåì íàðîäàì è ïëåìåíàì äàðóþò áëàãîäåíñòâèå»[15]. Õ. Àáîâÿí âìåñòå ñ ïðîñâåòèòåëÿìè-äåìîêðàòàìè Ì.Òàãèàäÿíîì è À. Àëàìäàðÿíîì îñíîâàëè íîâîå íàïðàâëåíèå â èñòîðèè àðìÿíñêîé îáùåñòâåííîé ìûñëè. “Ðàíû Àðìåíèè” ñòàëè èäåéíûì ìàíèôåñòîì ýòîãî íàïðàâëåíèÿ[16].

À. Àëàìäàðÿí âìåñòå ñ Í. Àøòàðàêåöè âíåñ ñâîé âêëàä â îðãàíèçàöèè ïîìîùè ðóññêîé àðìèè, îãðîìíûå óñèëèÿ â ñîçäàíèè àðìÿíñêèõ äîáðîâîëü÷åñêèõ îòðÿäîâ. Àëàìäàðÿí áûë çíàêîì ñ äåêàáðèñòàìè è À.Ñ. Ãðèáîåäîâûì.

Ì. Òàãèàäÿí äî êîíöà æèçíè ñâÿçûâàë íàäåæäû íà ñïàñåíèå Àðìåíèè ñ Ðîññèåé. Îí âëàäåë àíãëèéñêèì, ãðå÷åñêèì, ïåðñèäñêèì, îäíàêî ñ ñîæàëåíèåì ãîâîðèë î òîì, ÷òî íå âëàäеет ðóññêèì, òàê êàê çíàíèå ýòîãî ÿçûêà ñ÷èòàë îñîáîé íåîáõîäèìîñòüþ, è îáåùàë íåïðåìåííî èçó÷èòü åãî[17].

Î ëè÷íûõ ñâÿçÿõ Ìèêàåëà Íàëáàíäÿíà – ãëàâíîãî èäåîëîãà àðìÿíñêîé îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêîé ìûñëè 50-60-õ ãã. XIX â. ñ Ì.À.Áàêóíèíûì, À. È. Ãåðöåíîì, Í. Ï. Îãàðåâûì, Í.Ñåðíî-Ñîëîâüåâû÷åì ñâèäåòåëüñòâóåò Òó÷êîâà-Îãàðåâà â ñâîèõ âîñïîìèíàíèÿõ[18]. Она рассказывает также, что М.Налбандяну оказали у А.И.Герцена «сердечный прием», и что он бывал там часто и встречался с И.С.Тургеневым. Êíèãà Ì. Íàëáàíäÿíà “Çåìëåäåëèå êàê âåðíûé ïóòü” – âûäàþùååñÿ ïðîèçâåäåíèå ïîëèòè÷åñêîé äåìîêðàòè÷åñêîé ëèòåðàòóðû 50-60-õ ãã. XIX ñòîëåòèÿ. Óñòàìè çàïàäíîàðìÿíñêîãî êîððåñïîíäåíòà îí ãîâîðèò: “Çàðîæäàþùóþñÿ â Ðîññèè ñâîáîäó ñìåëî ìîæíî íàçâàòü ñâîáîäîé äëÿ ÷åëîâå÷åñòâà, èáî îíà èìååò ïîä ñîáîé ïî÷âó, òàê êàê ðóññêèå íå òîëüêî äëÿ ñåáÿ äîáèâàþòñÿ ñâîáîäû, îíè ïðîïîâåäóþò íåçàâèñèìîñòü îò Âåëèêîðîññèè äëÿ Ïîëüøè è Ôèíëÿíäèè, Ìàëîðîññèè (15 ìëí. íàñåëåíèÿ), Êàâêàçà, Ãðóçèè è Àðìåíèè, äëÿ òîãî, ÷òîáû 43 ìëí. ñîáñòâåííî ðóññêîãî íàðîäà îáðåëî ïîäëèííîå îñâîáîæäåíèå... Îñâîáîæäåíèå Ðîññèè èìååò îãðîìíîå çíà÷åíèå äëÿ îñâîáîæäåíèÿ âñåãî ÷åëîâå÷åñòâà”[19].

Õîòÿ ìíîãèå ïðåäñòàâèòåëè àðìÿíñêîé îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêîé ìûñëè òâåðäî è ïîñëåäîâàòåëüíî ïðèäåðæèâàëèñü ðóññêîé îðèåíòàöèè, îäíàêî óñèëåíèå âåëèêîäåðæàâíîé ïîëèòèêè â Âîñòî÷íîé Àðìåíèè íå îñòàëîñü íåçàìå÷åííûì. Òåì íå ìåíåå, èñòîðè÷åñêóþ ïåðñïåêòèâó ðàçâèòèÿ àðìÿíñêîãî íàðîäà îíè ñïðàâåäëèâî ñâÿçûâàëè èìåííî ñ Ðîññèåé. Â èõ ÷èñëå áûë îäèí èç îáðàçîâàííåéøèõ ëþäåé ñâîåãî âðåìåíè, èçâåñòíûé ïðîñâåòèòåëü, ïîáîðíèê ðàñïðîñòðàíåíèÿ îáðàçîâàíèÿ ñðåäè àðìÿíñêîãî íàðîäà ðåäàêòîð æóðíàëà “Þñèñàïàéë” (“Ñåâåðíîå ñèÿíèå”), êîòîðûé èçäàâàëñÿ â Ìîñêâå (1858 – 1864 ãã.), Ñòåïàíîñ Íàçàðÿíö.. Â 70-õ ãã. XIX â. â ìåæäóíàðîäíîé äèïëîìàòèè âîøëî ïîíÿòèå “Âîñòî÷íûé âîïðîñ”, à çàòåì è åãî ñîñòàâíàÿ ÷àñòü – “Àðìÿíñêèé

âîïðîñ”. Îòðàæàÿ â îïðåäåëåííîé ñòåïåíè îñâîáîäèòåëüíûå ñòðåìëåíèÿ çàïàäíûõ àðìÿí, âîñòî÷íîàðìÿíñêàÿ îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü ïûòàëàñü âîñïîëüçîâàòüñÿ áëàãîïðèÿòíîé âîåííî-ïîëèòè÷åñêîé îáñòàíîâêîé è äîáèòüñÿ ñâåðæåíèÿ îñìàíñêîãî èãà, âîññîåäèíåíèÿ äâóõ ÷àñòåé Àðìåíèè è ñîçäàíèÿ àðìÿíñêîé àâòîíîìèè ïîä ïîêðîâèòåëüñòâîì Ðîññèè. Æåëàÿ ïîäíÿòü àðìÿíñêèé íàðîä íà àíòèòóðåöêóþ íàöèîíàëüíî-îñâîáîäèòåëüíóþ áîðüáó Ñò. Íàçàðÿíö ïðèçûâàë ñâîèõ ñîïëåìåííèêîâ ïîìî÷ü Ðîññèè. Áîëåå òîãî, îí îò èìåíè ñâîåãî íàðîäà çàâåðÿë ïðàâÿùèå êðóãè Ðîññèè â ïðåäàííîñòè, çàèíòåðåñîâàííàÿ èõ âîçìîæíîñòüþ îêàçàòü ïîìîùü çàïàäíûì àðìÿíàì è ñïàñòè èõ îò îòòîìàíñêîãî âëàäû÷åñòâà. Ñâîå ïîëèòè÷åñêîå êðåäî Ñò. Íàçàðÿíö ñôîðìóëèðîâàë ñëåäóþùèì îáðàçîì: “Â ïîëèòè÷åñêîì ñìûñëå ìû – àðìÿíå, ðóññêèå, ò. å. ïîääàííûå ðîññèéñêîãî императора члены этого государственного îðãàíèçìà, è ðàçäåëÿåì òå æå âûãîäû èëè óùåðá, êîòîðûå äîñòàþòñÿ ýòîìó ãîñóäàðñòâó èçâíå è èçíóòðè”[20]. Ñò. Íàçàðÿíö ïðîïàãàíäèðîâàë ðóññêóþ ëèòåðàòóðó, ïåðåâîäÿ êëàññèêîâ ðóññêîé ëèòåðàòóðû. «...Армянин в России, – подчеркивал он, – пользуется правом гражданина и никакое насилие не угрожает ни его личности, ни его семье, ни его достоянию. Всем этим он пользуется под защитой законов, выполнив только свой долг как гражданин государства, которое питает его материально и морально и представляет каждому армянину столько же прав, сколько и собственной своей нации, безо всякого различия, как сыновьям одного и того же королевства”[21]. Ðóññêèå èñòîðèêè X1X в. èñõîäèëè íå òîëüêî èç áîãàòîãî îïûòà ïðåäûäóùèõ ñîáûòèé, íî è ó÷èòûâàëè òåêóùóþ è êîíêðåòíóþ âîåííî-ïîëèòè÷åñêóþ îáñòàíîâêó. Ðå÷ü èäåò îб отношении çàïàäíûõ àðìÿí ê Ðîññèè, ðóññêàÿ îðèåíòàöèÿ êîòîðûõ íàèáîëåå ÿðêî ïðîÿâèëàñü âî âðåìÿ ðóññêî-òóðåöêîé âîéíû 1877-1878 ãã. Èìåííî òîãäà áûëî ñäåëàíî âñå âîçìîæíîå, ÷òîáû ïîìî÷ü Ðîññèè ïîáåäèòü â âîéíå ïðîòèâ Òóðöèè è òåì ñàìûì îñâîáîäèòüñÿ îò ñóëòàíñêîãî èãà.

Ðóññêàÿ èñòîðèîãðàôèÿ è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü XIX â. â îñíîâíîì оправдывала действия ñàìîäåðæàâèÿ è èäåàëèçèðîâàëà âíåøíþþ ïîëèòèêó Ðîññèè. Ïîýòîìó ïðè îöåíêå èõ âçãëÿäîâ íåîáõîäèìî ðóêîâîäñòâîâàòüñÿ ïðèíöèïîì èñòîðèçìà, ò. å. ðàçëè÷àòü îáúåêòèâíî ïîëîæèòåëüíîå è îòðèöàòåëüíîå âîçäåéñòâèå ïîëèòèêè ñàìîäåðæàâèÿ.

Ñ. Í. Ãëèíêà â íà÷àëå 30-õ ãã. XIX в. èçäàë â Ìîñêâå äâå èíòåðåñíûå êíèãè – “Oïèñàíèå ïåðåñåëåíèÿ àðìÿí àääåðáèäæàíñêèõ â ïðåäåëû Ðîññèè ñ êðàòêèì ïðåäâàðèòåëüíûì èçëîæåíèåì èñòîðè÷åñêèõ âðåìåí Àðìåíèè” è “Îáîçðåíèå èñòîðèè àðìÿíñêîãî íàðîäà îò íà÷àëà áûòèÿ åãî äî âîçðîæäåíèÿ îáëàñòè Àðìÿíñêîé â Ðîññèéñêîé èìïåðèè”. Êíèãè â ñâîå âðåìÿ ïîëó÷èëè áîëüøîé ðåçîíàíñ “...èáî íåñêîëüêî íåçíà÷èòåëüíûõ èñòîðè÷åñêèõ îòðûâêîâ, ïåðåâåäåííûõ ñ àðìÿíñêîãî íà ðóññêèé, íåñêîëüêî èñòîðè÷åñêèõ îïûòîâ – äàëåêè îò òîãî, ÷òîáû äîñòàâèòü êàêîå-ëèáî ïîíÿòèå î íàðîäå, çàíèìàâøåì íåêîãäà ïåðâóþ ÷ðåäó ìåæäó ïðîñâåùåííûìè íàðîäàìè. Èçâåñòíûé è óâàæàåìûé ëèòåðàòîð è èñòîðèê Ãëèíêà, âîçíàìåðèëñÿ ïðåäîòâðàòèòü ñåé îùóòèòåëüíûé íåäîñòàòîê... ñ æèâåéøåþ ïðèçíàòåëüíîñòüþ ïðèåìëåò àðìÿíñêàÿ íàöèÿ ñòîëü îáùåïîëåçíûé òðóä Ñ. Ãëèíêè”[22]. Íàì îñòàåòñÿ äîáàâèòü, ÷òî íå òîëüêî àðìÿíñêàÿ íàöèÿ, íî è øèðîêàÿ ðóññêàÿ îáùåñòâåííîñòü, ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü, èñòîðè÷åñêàÿ íàóêà. Ïðåäñêàçûâàÿ ïðîãðåññèâíûå ïîñëåäñòâèÿ ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè, îí ïèñàë, ÷òî â ýòîé ìàëåíüêîé ñòðàíå, ùåäðî íàäåëåííîé ïðèðîäîé, “âîçíèêíóò öâåòóùèå ñåëåíèÿ, ... ïîÿâÿòñÿ è ãîðîäà, êîòîðûå âîçîáíîâÿò áëåñê äðåâíåé Àðìåíèè. Îêîëî ñåé ïåðâîíà÷àëüíîé êîëûáåëè ïîñòîÿííîãî ñóùåñòâîâàíèÿ àðìÿí, ñîáåðóòñÿ ðàññåÿííûå ïî ëèöó çåìëè ïëåìåíà àðìÿíñêèå, è ... âîñêðåñíåò öàðñòâî Àðìÿíñêîå ñî ñëàâîþ è ñî âñåìè íàïîìèíàíèÿìè ñâîèìè”[23]. Ïîèñòèíå èñòîðè÷åñêîå ïðîðî÷åñòâî è ïîëèòè÷åñêàÿ ïðîçîðëèâîñòü. Ñïðàâåäëèâîñòè ðàäè íàäî îòìåòèòü îãðîìíîå âëèÿíèå íà àâòîðà äåÿòåëåé àðìÿíñêîé îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêîé ìûñëè, ïðåæäå âñåãî Ëàçàðåâûõ.

Èçâåñòíûé ðóññêèé ñòàòèñò è èññëåäîâàòåëü ôðàíöóç ïî ïðîèñõîæäåíèþ Èâàí Øîïåí в книге «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» ïî ýòîìó ïîâîäó ïèñàë: “Èçîáðàæàÿ ïîëîæåíèå Àðìÿíñêîé îáëàñòè â ýïîõó ïðèñîåäèíåíèÿ åå ê Ðîññèéñêîé èìïåðèè... ìîæíî áóäåò â áóäóùíîñòè, âî âñÿêîå âðåìÿ ñâåðèòüñÿ è ñêàçàòü: âîò ÷òî áûëî, è âîò ÷òî åñòü! Ïóñòü ñàìè æèòåëè îáëàñòè, êîãäà âïîëíå îöåíÿò âûãîäû íîâîãî ñâîåãî áûòà ñëè÷àþò ñ ýòîþ êíèãîþ â ðóêàõ, ñâîå ïðîøåäøåå ñ íàñòîÿùèì è, ïîçíàâ ïðåèìóùåñòâà ïðîñâåùåíèÿ è çàêîíà íàä ïðîèçâîëîì è íåâåæåñòâîì, áëàãîñëîâëÿþò Ïðîâèäåíèå”[24].

Ñâîé âåñîìûé âêëàä âíåñëè è âîåííûå èñòîðèêè – ïðåäñòàâèòåëè øêîëû âîåííî-ïàòðèîòè÷åñêîãî íàïðàâëåíèÿ â ðóññêîé èñòîðèîãðàôèè. Îíè ãëàâíûì îáðàçîì âîçâåëè÷èâàëè ñëàâó ðóññêîãî îðóæèÿ è âîåííîãî èñêóññòâà è âìåñòå ñ òåì ïîêàçûâàëè îáúåêòèâíî ïðîãðåññèâíóþ ðîëü

Ðîññèè ïî îòíîøåíèþ ê õðèñòèàíñêèì íàðîäàì Çàêàâêàçüÿ. Ñðåäè íèõ âèäíîå ìåñòî ïðèíàäëåæèò Â. Ïîòòî, êîòîðûé â ðóññêîé èñòîðèîãðàôèè èçâåñòåí êàê êàâêàçîâåä, îñíîâàòåëüíî èçó÷èâøèé âîåííî-ïîëèòè÷åñêèå ñîáûòèÿ â ýòîì âàæíîì ñòðàòåãè÷åñêîì ðåãèîíå. Íåñîìíåííàÿ çàñëóãà âîåííûõ èñòîðèêîâ çàêëþ÷àåòñÿ â òîì, ÷òî ïðè îöåíêå Òóðêìàí÷àéñêîãî äîãîâîðà îíè èñõîäèëè èç èíòåðåñîâ êàê ñàìîé Ðîññèè, òàê è àðìÿíñêîãî íàðîäà. Ïîòòî ïèñàë, ÷òî “ðóññêèå öàðè, ïðèíÿâ òèòóë öàðÿ Àðìÿíñêîãî, âìåñòå ñ òåì ïîäíÿëè íà ñâîè öàðñòâåííûå ðàìåíà âåëèêèé ïîäâèã çàùèòû è òåõ àðìÿí, êîòîðûå îñòàâàëèñü åùå âî âëàñòè ìóñóëüìàíñêèõ ãîñóäàðñòâ”[25]. Õîòÿ â ýòîé îöåíêå òîæå êðàñíîé íèòüþ ïðîõîäèò èäåÿ àïîëîãåòèêè ñàìîäåðæàâèÿ, òåì íå ìåíåå, â íåé åñòü îïðåäåëåííàÿ äîëÿ èñòèíû. Áîëåå òîãî, ãîâîðÿ îá èìïåðàòîðñêîì óêàçå î ñîçäàíèè Àðìÿíñêîé îáëàñòè, àâòîð, íà íàø âçãëÿä, ïðèõîäèò â öåëîì ê ïðàâèëüíîìó âûâîäó. “Ýòî (ñîçäàíèå Àðìÿíñêîé îáëàñòè – Ì. Ì.) áûëî âîññòàíîâëåíèåì è ïðèçûâîì ê íîâîé æèçíè äðåâíåãî íàðîäà, ïðîíåñøåãî ÷åðåç âåêà áåäñòâèé è ãíåòà ñâîþ äóõîâíóþ ñàìîáûòíîñòü” [26]. Òàêàÿ îöåíêà Ïîòòî ñîçâó÷íà ñî âçãëÿäàìè Ãëèíêè, êîòîðûé îäíèì èç ïåðâûõ îòìåòèë ïîëîæèòåëüíûå ïîñëåäñòâèÿ óêàçà èìïåðàòîðà Íèêîëàÿ I î ñîçäàíèè Àðìÿíñêîé îáëàñòè. “1828 ãîäà, 21 ìàðòà, âîñêðåñëî, - ïèñàë îí, - èìÿ äðåâíåé Àðìåíèè â ïðåæíèõ ïåðñèäñêèõ õàíñòâàõ Ýðèâàíñêîì è Íàõè÷åâàíñêîì, îíî âîñêðåñëî â íàçâàíèè îáëàñòè Àðìÿíñêîé...” [27].

“Êàê ïðèçðàê òóìàííûé èñ÷åçëî ðèìñêîå âëàäû÷åñòâî, ïîòðÿñàâøåå Àðìåíèþ... áåçìîëâñòâóåò Ìàêåäîíèÿ ïîä èãîì îòòîìàíñêèì, áåçìîëâñòâóåò òà ñàìàÿ Ìàêåäîíèÿ, îòêóäà âûõîäèë Àëåêñàíäð äëÿ ïîêîðåíèÿ âñåëåííîé... à èìÿ îáëàñòè Àðìÿíñêîé âîñêðåñëî ïðåäå ëèöîì Ïåðñèè è Òóðöèè” [28]. Ìûñëü Ãëèíêè èìååò ãëóáîêîå ïîëèòè÷åñêîå ñîäåðæàíèå. Îí, ñ îäíîé ñòîðîíû, ïîä÷åðêèâàåò ïîëîæèòåëüíóþ ðîëü Ðîññèè â èñòîðè÷åñêèõ ñóäüáàõ àðìÿíñêîãî íàðîäà, ñ äðóãîé – âñþ íåñîñòîÿòåëüíîñòü, ïîëíîå áàíêðîòñòâî ÷óæåçåìíûõ çàâîåâàòåëåé, êîòîðûå â òå÷åíèå ìíîãèõ âåêîâ ñòðåìèëèñü ëèêâèäèðîâàòü ñàìî ñëîâî Àðìåíèÿ. Òåïåðü æå íà èñòîðè÷åñêîé àðåíå âíîâü ïîÿâèëîñü äðåâíåå íàèìåíîâàíèå – Àðìåíèÿ. Ñîçäàíèå Àðìÿíñêîé îáëàñòè, õîòÿ è íîñèëî ïðåèìóùåñòâåííî ôîðìàëüíûé õàðàêòåð, òåì íå ìåíåå èìåëî áîëüøîå ìîðàëüíîå çíà÷åíèå äëÿ àðìÿíñêîãî íàðîäà. Îáðàçîâàíèå Àðìÿíñêîé îáëàñòè – ïðÿìîé ðåçóëüòàò Òóðêìàí÷àéñêîãî äîãîâîðà. “Çäåñü è ðåøèëàñü, – ïèøåò Ïîòòî, – ñóäüáà Ïåðñèè, à â ëàâðîâûé âåíîê Ðîññèè âïëåëàñü íîâàÿ âåòâü ñëàâû” [29].

Åñëè ðóññêàÿ èñòîðè÷åñêàÿ è îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü XIX – íà÷àëà XX ââ. гëàâíîå âíèìàíèå óäåëÿëà îáúåêòèâíî ïîëîæèòåëüíûì компонентам âíåøíåé ïîëèòèêè Ðîññèè è ñîîòâåòñòâåííî îáõîäèëà òåíåâûå ìîìåíòû, çàâóàëèðîâàëà âåëèêîäåðæàâíóþ ïîëèòèêó, òî ðóññêàÿ èñòîðèîãðàôèÿ ñîâåòñêîãî ïåðèîäà, êîòîðàÿ îêîí÷àòåëüíî ñëîæèëàñü â 20-õ ãîäàõ XX â., èãíîðèðóÿ íåîáõîäèìûå äëÿ èñòîðè÷åñêîé íàóêè ïðèíöèïû ïðååìñòâåííîñòè è íàñëåäñòâåííîñòè, ýòó ïðîáëåìó ðàññìàòðèâàëà ñõîäó ñ óçêîêëàññîâûõ, âóëüãàðíî-ìàòåðèàëèñòè÷åñêèõ ïîçèöèé. Íåäîîöåíèâàÿ îáùå÷åëîâå÷åñêèå öåííîñòè, åå ïðåäñòàâèòåëè ñ ñàìîãî íà÷àëà çàíÿëè íèãèëèñòè÷åñêóþ ïîçèöèþ è ïîýòîìó íåèçáåæíî âïадаëè â äðóãóþ êðàéíîñòü.

Êîíöåïöèè àáñîëþòíîго äîáðà îíè ïðîòèâîïîñòàâèëè êîíöåïöèþ àáîëþòíîãî çëà è âõîæäåíèå íåðóññêèõ íàðîäîâ â ðîññèéñêóþ èìïåðèþ èëè èõ çàâîåâàíèå ðàññìàòðèâàëè òîëüêî ïîä óãëîì çðåíèÿ êîëîíèàëüíîé ïîëèòèêè öàðèçìà. Ñîâåòñêèå èñòîðèêè – ìàðêñèñòû 20-30-õ ãã. прошлого столетия âñå âîåííî-ïîëèòè÷åñêèå àêöèè Ðîññèè ðàññìàòðèâàëè êàê ñóãóáî çàõâàòíè÷åñêèå. Ýòà êîíöåïöèÿ, ðàçðàáîòàííàÿ Ì. Ïîêðîâñêèì, áûëà îçâó÷åíà íà ïåðâîì âñåñîþçíîì ñîâåùàíèè ñîâåòñêèõ èñòîðèêîâ (êîíåö äåêàáðÿ 1928ã. – íà÷àëî ÿíâàðÿ 1929 ã.). Õîòÿ îíî ñîâïàëî ñî 100-ëåòèåì ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè, òåì íå ìåíåå, ó÷àñòíèêè ñîâåùàíèÿ, â òîì ÷èñëå è àðìÿíñêèå èñòîðèêè, óïóñòèëè èç âèäó, èëè ïðîñòî íåдîîöåíèëè ýòó âàæíóþ èñòîðè÷åñêóþ äàòó â ïîëèòè÷åñêîé æèçíè àðìÿíñêîãî íàðîäà. Ïîýòîìó íè Ïîêðîâñêèé, íè äðóãèå ó÷àñòíèêè ñîâåùàíèÿ íå çàòðîíóëè ýòó ïðîáëåìó. Îäíàêî âçãëÿäû лидера èñòîðèêîâ-ìàðêñèñòîâ 20-õ ãîäîâ ïроøëîãî ñòîëåòèÿ ïî ýòîìó âîïðîñó ìîæíî ñóäèòü êîñâåííî: через его îöåíêy ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Ãðóçèè к России. Îí âûñòóïèë ïðîòèâ îöåíêè ãðóçèíñêîãî èñòîðèêà Ô. Ìàõàðàäçå, êîòîðûé õîòÿ ñ÷èòàë, ÷òî Ðîññèÿ àííåêñèðîâàëà Ãðóçèþ, òåì íå ìåíåå ðóññêóþ îðèåíòàöèþ ðàññìàòðèâàë èñòîðè÷åñêè íàèáîëåå ïðèåìëåìîé, по сравнению с îðèåíòàöèåé íà Ïåðñèþ è Òóðöèþ[30]. Ãðóçèíñêèé íå îïðàâäûâàë àííåêñèþ âîîáùå, à îòìå÷àë òîëüêî, ÷òî íàèáîëåå âûãîäíûì âûõîäîì èç ñîçäàâøåãîñÿ òîãäà ïîëîæåíèÿ áûëà îðèåíòàöèÿ íà Ðîññèþ. “Îðèåíòàöèÿ íà Ïåðñèþ èëè Òóðöèþ, ïîæàëóé, íå â êîåé ìåðå íå îáëåã÷èëà áû ó÷àñòü ãðóçèíñêîãî íàðîäà. Íàïðîòèâ, ãðóçèíñêèé íàðîä âûðîäèëñÿ áû îêîí÷àòåëüíî... Ïðè òàêîé êîíêðåòíîé îáñòàíîâêå, êîòîðàÿ èìåëàñü òîãäà â Ãðóçèè ÿ (Ìàõàðàäçå – Ì. Ì.) îòìå÷àþ, ÷òî îðèåíòàöèÿ

íà Ðîññèþ ÿâëÿëàñü ñðàâíèòåëüíî áîëåå ïðîãðåññèâíûì ÿâëåíèåì"[31]. Èìåííî òàêîé ïîäõîä äëÿ Ïîêðîâñêîãî áûë àáñîëþòíî íåïðèåìëåì, ïîñêîëüêó â äåéñòâèÿõ ñàìîäåðæàâèÿ îí óñìàòðèâàë òîëüêî àííåêñèþ è íè÷åãî áîëüøå, õîòÿ ïðèçíàâàë, ÷òî òóðêè îïóñòîøàëè Ãðóçèþ è áûëè â ðåçêî âðàæäåáíûõ îòíîøåíèÿõ. "...ß ñ÷èòàþ, - ãîâîðèë îí íà êîíôåðåíöèè, - ÷òî ò. Ìàõàðàäçå òîðîïèòñÿ ê íàì, ðóññêèì, ñëèøêîì ñíèñõîäèòåëüíî. Â ïðîøëîì, ìû ðóññêèå, - ÿ âåëèêîðóññ, ñàìûé ÷èñòîêðîâíûé, êàêîé òîëüêî ìîæåò áûòü, - â ïðîøëîì ìû, ðóññêèå, âåëè÷àéøèå ãðàáèòåëè, êàêèõ ìîæíî ñåáå ïðåäñòàâèòü" [32]. Òàêèì îáðàçîì, àííåêñèþ Âîñòî÷íîé Ãðóçèè Ïîêðîâñêèé ðàññìàòðèâàë только ïîä óãëîì çðåíèÿ êîëîíèàëüíîé ïîëèòèêè ñàìîäåðæàâèÿ. Îí êàòåãîðè÷åñêè âîçðàæàë ïðîòèâ èäåè äîáðîâîëüíîãî ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Ãðóçèè ê Ðîññèè. Ãîëàÿ ëîæü è ëèöåìåðèå, - ïîä÷åðêèâàë îí, - áóäòî áû ðóññêèå îõðàíÿëè Ãðóçèþ è ïðèøëè åå çàùèùàòü[33].

Èçâåñòíûå àðìÿíñêèå èñòîðèêè Ëåî (À. Áàáàõàíÿí), Ñ. Ìàðêîñÿí, Á. Áîðÿí è äð., íàõîäÿñü ïîä âîçäåéñòâèåì øêîëû Ïîêðîâñêîãî, ðàññìàòðèâàëè ïðèñîåäèíåíèå Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè êàê "àáñîëþòíîå çëî". È õîòÿ ïðîöåññ ñáëèæåíèÿ ðóññêîãî è àðìÿíñêîãî èñòîðèêîâ íîñèë íà ïåðâûõ ïîðàõ íåñêîëüêî îäíîñòîðîííèé õàðàêòåð – ïðåèìóùåñòâåííîãî âîçäåéñòâèÿ ðóññêîé èñòîðèîãðàôèè íà àðìÿíñêóþ, òåì íå ìåíåå ïîñòåïåííî ñêëàäûâàëàñü âñåñîþçíàÿ ìàðêñèñòñêàÿ èñòîðè÷åñêàÿ íàóêà.

Îäíàêî, êîíöåïöèÿ "àáñîëþòíîãî çëà" íå ñîîòâåòñòâîâàëà èñòîðè÷åñêèì ðåàëèÿì особенно при îöåíêå ôàêòà ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè, ïîñêîëüêó â òå÷åíèå âñåãî XVIII â. è ïåðâîé òðåòè XIX â. àðìÿíñêèé íàðîä ñâîåé áîðüáîé ïðîòèâ ÷óæåçåìíûõ çàâîåâàòåëåé ñòðåìèëñÿ âîññòàíîâèòü ñâîþ ãîñóäàðñòâåííîñòü èëè ïî êðàéíåé ìåðå ñâåðãíóòü èõ èãî è âîéòè â ñîñòàâ ðîññèéñêîãî ãîñóäàðñòâà.

Ì. Ïîêðîâñêèé, åãî ó÷åíèêè è ïîñëåäîâàòåëè îáÿçàíû áûëè çíàòü, ÷òî îñíîâîïîëîæíèêè ìàðêñèñòñêîãî ó÷åíèÿ Ê. Ìàðêñ è Ô.Ýíãåëüñ îñâîáîæäåíèå Àðìåíèè ðàññìàòðèâàëè íå èçîëèðîâàííî, à â êîìïëåêñå, îòìå÷àÿ âåëèêîäåðæàâíóþ ñóùíîñòü èìïåðñêîé áîëüøîé ïîëèòèêè öàðèçìà, îíè îäíîâðåìåííî ïîêàçûâàëè, ÷òî Ðîññèÿ â òåõ èñòîðè÷åñêèõ óñëîâèÿõ, â êîíêðåòíîé âíåøíå-ïîëèòè÷åñêîé îáñòàíîâêå îáúåêòèâíî èãðàëà ïðîãðåññèâíóþ ðîëü è èìåííî ýòèì îáúÿñíÿëè, ÷òî õðèñòèàíñêèå íàðîäû, îñîáåííî àðìÿíå, ñ áîëüøîé ñèìïàòèåé îòíîñèëèñü ê ðóññêèì è âçèðàëè "íà Ïåòåðáóðã â îæèäàíèè ìåññèè, êîòîðûé îñâîáîäèò èõ îò âñåõ çîë"[34].

Ïîáåäîíîñíûå âîéíû Ðîññèè ïðîòèâ Òóðöèè è Ïåðñèè íå òîëüêî ñîäåéñòâîâàëè îñâîáîäèòåëüíîé áîðüáå íàðîäîâ, íàõîäèâøèõñÿ ïîä ãíåòîì ýòèõ ñòðàí, íî íå ðàç ïðèâîäèëè ê èõ îñâîáîæäåíèþ. Íåîáõîäèìî áûëî ïðåîäîëåòü íèãèëèñòè÷åñêèé ïîäõîä ê äîðåâîëþöèîííîìó ïðîøëîìó, íåäîîöåíêó êóëüòóðû íàðîäîâ, èõ áîðüáû çà íàöèîíàëüíóþ íåçàâèñèìîñòü ñâîéñòâåííûå èñòîðèîãðàôèè 20-õ ãã. XX â.

Ïîýòîìó èñòîðè÷åñêàÿ øêîëà Ïîêðîâñêîãî ïîäâåðãëàñü ðåçêîé è ñóðîâîé êðèòèêå íà îôèöèàëüíî-ãîñóäàðñòâåííîì óðîâíå – ñî ñòîðîíû æþðè ïðàâèòåëüñòâåííîé êîìèññèè ïî êîíêóðñó ëó÷øåãî ó÷åáíèêà äëÿ ñðåäíåé øêîëû ïî èñòîðèè. Îäíàêî êðèòèêà íå âñåãäà ÿâëÿëàñü âïîëíå îáúåêòèâíîé, õîòÿ èñõîäèëà èç äåéñòâèòåëüíûõ îøèáîê школы Ïîêðîâñêîãî ïî ðÿäó âîïðîñîâ. Â ïîñòàíîâëåíèè ãîâîðèëîñü, ÷òî â ðÿäå ó÷åáíèêîâ "...ôàêò ïåðåõîäà... Ãðóçèè â êîíöå XVIII ñòîëåòèÿ ïîä ïðîòåêòîðàò Ðîññèè, ðàññìàòðèâàåòñÿ àâòîðàìè êàê àáñîëþòíîå çëî âíå ñâÿçè ñ êîíêðåòíûìè èñòîðè÷åñêèìè óñëîâèÿìè òîãî âðåìåíè....íå âèäÿò, ÷òî ïåðåä Ãðóçèåé ñòîÿëà òîãäà àëüòåðíàòèâà – ëèáî áûòü ïîãëîùåííîé øàõñêîé Ïåðñèåé è ñóëòàíñêîé Òóðöèåé, ëèáî ïåðåéòè ïîä ïðîòåêòîðàò Ðîññèè, ðàâíî êàê ïåðåä Óêðàèíîé ñòîÿëà òîãäà àëüòåðíàòèâà – ëèáî áûòü ïîãëîùåííîé ïàíñêîé Ïîëüøåé è ñóëòàíñêîé Òóðöèåé, ëèáî ïåðåéòè ïîä âëàñòü Ðîññèè. Îíè íå âèäÿò, ÷òî âòîðàÿ ïåðñïåêòèâà áûëà âñå æå íàèìåíüøèì çëîì"[35].

Òàê áûëà ïåðåîñìûñëåíà êîíöåïöèÿ àáñîëþòíîãî çëà, õîòÿ ðàäè ñïðàâåäëèâîñòè ñëåäóåò îòìåòèòü, ÷òî ñàì Ïîêðîâñêèé ôàêòè÷åñêè òîëüêî ïîä÷åðêèâàë êîëîíèàëüíóþ ïîëèòèêó ñàìîäåðæàâèÿ. Íåòðóäíî çàìåòèòü îáùíîñòü è ñõîäñòâî ìåæäó âçãëÿäàìè ãðóçèíñêîãî èñòîðèêà Ìàõàðàäçå è êîíöåïöèåé "íàèìåíüøåãî çëà". Òàê â íàó÷íûé îáèõîä со второй половины 30-х гг. XX в. âîøëà íîâàÿ áîëåå îáúåêòèâíàÿ êîíöåïöèÿ – "íàèìåíüøåå çëî". Õîòÿ íîâàÿ êîíöåïöèÿ ðàñïðîñòðàíÿëàñü ëèøü íà Ãðóçèþ è Óêðàèíó, òåì íå ìåíåå àðìÿíñêàÿ èñòîðèîãðàôèÿ советского периода ñòàëà ðóêîâîäñòâîâàòüñÿ ýòîé êîíöåïöèåé ïðè îöåíêå ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè. Íî ïðàâîìåðíî ëè ïðèìåíåíèå ýòîé êîíöåïöèè ïî îòíîøåíèþ ê Âîñòî÷íîé Àðìåíèè? Íåâåðíî ìåõàíè÷åñêè ðóêîâîäñòâîâàòüñÿ ýòîé êîíöåïöèåé, òåì áîëåå, ÷òî îíà íå ðàñêðûâàëà âñþ ïîëèòè÷åñêóþ çíà÷èìîñòü, èñ÷åðïûâàþùèì îáðàçîì íå âûÿâëÿëà èñòîðè÷åñêóþ ñóòü этого àêòà âõîæäåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè â

æèçíè àðìÿíñêîãî íàðîäà. Ïîýòîìó èçâåñòíûé ðóññêèé ñîâåòñêèé èñòîðèê Ì. Â. Íå÷êèíà в начале 50-х гг. XX в. â ïèñüìå â ðåäàêöèþ æóðíàëà “Âîïðîñû èñòîðèè” ïîñòàâèëà âîïðîñ î ïðàâèëüíîì ïîíèìàíèè ñóùåñòâà êîíöåïöèè “íàèìåíüøåå çëî” è ïðàâèëüíîì ïðèìåíåíèè åå ê îöåíêå ïðèñîåäèíåíèÿ ê Ðîññèè íåðóññêèõ íàðîäíîñòåé, äîáðîâîëüíî ëè âîøåäøèõ â ñîñòàâ Ðîññèè èëè çàâîåâàííûõ. Íå÷êèíà óòâåðæäàåò, ÷òî èñòîðèêè íå ìîãóò ïðèìåíÿòü ýòó êîíöåïöèþ ïðè îöåíêå çíà÷åíèÿ ïðèñîåäèíåíèÿ ê Ðîññèè äðóãèõ íàðîäíîñòåé. Â êà÷åñòâå ïðèìåðà îíà ïðèâîäèò ïðèñîåäèíåíèå Âîñòî÷íîé Àðìåíèè, ó÷èòûâàÿ òîò ôàêò, ÷òî ñ ïðèñîåäèíåíèåì àðìÿíñêèé íàðîä íå ëèøèëñÿ ãîñóäàðñòâåííîé ñàìîñòîÿòåëüíîñòè, èáî ïîòåðÿë åå çàäîëãî äî âêëþ÷åíèÿ â ñîñòàâ Ðîññèéñêîé èìïåðèè. Ñðåäè àðìÿíñêèõ èñòîðèêîâ äàâíî áûëè ñðüåçíûå ñîìíåíèÿ â ïðàâèëüíîñòè ïðèìåíåíèÿ êîíöåïöèè “íàèìåíüøåå çëî”, êîòîðàÿ èìåëà øèðîêîå “õîæäåíèå â èñòîðè÷åñêèõ ðàáîòàõ”. Ïîýòîìó îíè âñëåä çà Íå÷êèíîé ñ÷èòàëè, ÷òî ðóññêèé “ïðîòåêòîðàò” äëÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè èìåë áîëüøåå çíà÷åíèå, ÷åì “íàèìåíüøåå çëî”. Îòñþäà íîâûé âûâîä è êà÷åñòâåííî íîâàÿ êîíöåïöèÿ, ñîãëàñíî êîòîðîé ïðèñîåäèíåíèå Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè ñëåäóåò ðàññìàòðèâàòü êàê ÿâëåíèå ïðîãðåññèâíîå, èáî ïåðåõîä Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ïîä ïîêðîâèòåëüñòâî Ðîññèè â êîíêðåòíûõ èñòîðè÷åñêèõ óñëîâèÿõ â öåëîì ñîîòâåòñòâîâàë ÷àÿíèÿì àðìÿíñêîãî íàðîäà. Î òîì æå ñâèäåòåëüñòâóåò ôàêò äîáðîâîëüíîãî ïåðåñåëåíèÿ àðìÿí èç Ïåðñèè â ïðåäåëû ïðèñîåäèíåííûõ ê Ðîññèè àðìÿíñêèõ çåìåëü. Åñëè ðóññêîå ïðàâèòåëüñòâî áûëî çàèíòåðåñîâàíî â ïåðåñåëåíèè àðìÿí, òî Ïåðñèÿ âñÿ÷åñêè ýòîìó ïðåïÿòñòâîâàëà, èáî â ëèöå àðìÿí îíà ëèøàëàñü òðóäîâîãî çåìëåäåëü÷åñêî-ðåìåñëåííîãî íàñåëåíèÿ, âûïëà÷èâàâøåãî çíà÷èòåëüíóþ ÷àñòü ãîñóäàðñòâåííûõ íàëîãîâ è ïîäàòåé. Â îòëè÷èå îò èñòîðèêîâ XIX â. ðóññêàÿ è àðìÿíñêàÿ èñòîðèîãðàôèÿ, îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêàÿ ìûñëü, îòìå÷àÿ ïðîãðåññèâíîå çíà÷åíèå ýòîãî èñòîðè÷åñêîãî àêòà, âìåñòå ñ òåì íå îòðèöàëà âðåäèòåëüíóþ ïîëèòèêó Ðîññèè. Òàêèì îáðàçîì, îíà ñ îäíîé ñòîðîíû â öåëîì ó÷ëà, à ñ äðóãîé – ïðîÿâèëà êðèòè÷åñêèé ïîäõîä ê îöåíêàì ðóññêèõ èñòîðèêîâ XIX â. Ñëåäîâàòåëüíî, ðàçðàáîòàííàÿ ïî ñ÷åòó ÷åòâåðòàÿ êîíöåïöèÿ – îäíà èç ñàìûõ îùóòèìûõ íàó÷íûõ äîñòèæåíèé ðóññêîé è àðìÿíñêîé èñòîðèîãðàôèè, îáùåñòâåííî-ïîëèòè÷åñêîé ìûñëè. Íîâàÿ òî÷êà çðåíèÿ âñêîðå áûñòðî ïîëó÷èëî îáùåå ïðèçíàíèå, îñîáåííî ïîñëå ïðàçäíîâàíèÿ 150-ëåòèÿ ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè (1978), êîòîðàÿ è ïîñëå ðàñïàäà Ñîâåòñêîãî Ñîþçà îñòàëàñü ãëàâíîé ïðè îöåíêå âñåãî ñïåêòðà àðìÿíî-ðóññêèõ ïîëèòè÷åñêèõ îòíîøåíèé, õîòÿ ïîä âëèÿíèåì ïîëèòè÷åñêîé êîíúþêòóðû èíîãäà ðàçäàâàëèñü îòäåëüíûå ãîëîñà îòíîñèòåëüíî ïðàâèëüíîñòè ýòîé îáùåïðèçíàííîé êîíöåïöèè. Íî òàêîé, ìÿãêî ãîâîðÿ, àíòèíàó÷íûé ïîäõîä íå èìåë ïîä ñîáîé íè ïîëèòè÷åñêîé, íè èñòîðè÷åñêîé ïî÷âû. Высоко оценивая и отдавая должное научным заслугам русской и армянской историографии и общественно-политической мысли, вместе с тем необходимо отметить, что в оценке присоединения Восточной Армении к России был упущен один важный политический фактор, непосредственно связанный с советским политическим мышлением. Этот акт как правило воспринимался как чаяние армянского народа. С этим нельзя согласиться, поскольку конечная цель национально-освободительного движения армянского народа заключалась в восстановлении собственной государственности, что не раз отмечали русские и армянские исследователи.

Èñòîðè÷åñêîå çíà÷åíèå ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè âîñïðèíèìàåòñÿ áîëåå ðåëüåôíî ïðè ñðàâíåíèè ñóäüáû âîñòî÷íûõ àðìÿí ñ òðàãè÷åñêîé ó÷àñòüþ àðìÿíñêîãî íàñåëåíèÿ Îñìàíñêîé Òóðöèè. Åñëè â ñîñòàâå Ðîññèè âîñòî÷íûå àðìÿíå ïðèîáðåëè âîçìîæíîñòü íàöèîíàëüíîãî ðàçâèòèÿ, òî çàïàäíûå àðìÿíå, áîðîâøèåñÿ çà ñâåðæåíèå òóðåöêîãî èãà è âîññîåäèíåíèå ñ Âîñòî÷íîé Àðìåíèåé, â êîíöå XIX – íà÷àëå XX â. ñòàëè æåðòâîé íåñëûõàííîãî ïî ñâîåé æåñòîêîñòè ãåíîöèäà. Óöåëåâøèå áûëè íàñèëüñòâåííî äåïîðòèðîâàíû ñî ñâîåé èñòîðè÷åñêîé ðîäèíû, ëèáî áûëè âûíóæäåíû ïîêèíóòü åå è ðàññåÿòüñÿ ïî âñåìó ìèðó. “Àðìÿíñêèé âîïðîñ, – ïîä÷åðêèâàë Îâ. Òóìàíÿí, – ýòî âîïðîñ äèêîé ðåçíè... Ýòî ïðåèìóùåñòâåííî âîïðîñ ôèçè÷åñêîãî ñóùåñòâîâàíèÿ. È óñïåõ åãî âñåãäà áûë ñâÿçàí ñ óñïåõîì Ðîññèè. Êòî âûñòóïàë ïðîòèâ Ðîññèè, òîò âûñòóïàë ïðîòèâ óñïåøíîãî ðàçðåøåíèÿ àðìÿíñêîãî âîïðîñà; êòî çàùèùàë Òóðöèþ ïðîòèâ Ðîññèè, òîò ïðè÷àñòåí ê òóðåöêèì çâåðñòâàì è àðìÿíñêèì óæàñàì. Îí îòâåòñòâåíåí ïåðåä ìîðåì àðìÿíñêîé êðîâè, ïåðåä èñòîðèåé ÷åëîâå÷åñòâà”.

Äåéñòâèòåëüíî, ïðåñëîâóòûå èãðû áîëüøåâèñòñêèõ ëèäåðîâ â èíòåðåñàõ “ðåâîëþöèîííîé êåìàëèñòñêîé Òóðöèè è åãî ìëàäøåãî ñîáðàòà – òàê íàçûâàåìîãî “êîììóíèñòè÷åñêîãî Àçåðáàéäæàíà â 1921 ãîäó çàêîí÷èëàñü òåì, ÷òî Àðöàõ è Íàõè÷åâàíü áûëè îòäàíû íà ñúåäåíèå àçåðáàéäæàíñêèì ïîëèòè÷åñêèì êàííèáàëèñòàì, êîòîðûå ñëåäóÿ ïðèìåðó ñâîèõ ó÷èòåëåé – Òàëààòà, Ýíâåðà, Äæåìàëÿ – òðèóìâèðàòà ïàëà÷åé àðìÿíñêîãî íàðîäà è ìåæäóíàðîäíûõ ïðåñòóïíèêîâ – ïîëèòè÷åñêèé âàìïèðèçì âîçâûñèëè íà ãîñóäàðñòâåííûé óðîâåíü, â ðàíã îôèöèàëüíîé ïîëèòèêè ïî îòíîøåíèþ ê àðìÿíñêîìó íàñåëåíèþ Àðöàõà. Ìû ñî âñåé îòâåòñòâåííîñòüþ çàÿâëÿåì, ÷òî áîëüøåâèñòñêèé ïðîèçâîë – íàñèëüñòâåííîå âêëþ÷åíèå Àðöàõà è Íà÷è÷åâàíè â ñîñòàâ Àçåðáàéäæàíà, à Êàðñà è äðóãèõ èñêîííî àðìÿíñêèõ çåìåëü – “áðàòñêîé”, “äðóæåñòâåííîé” Òóðöèè ñòàëè ðîêîâûìè, íå òîëüêî äëÿ àðìÿíñêîãî íàðîäà, íî è ñàìîé Ðîññèè, èáî ýòî áûëî õóæå ÷åì ïðåñòóïëåíèå, ýòà áûëà îøèáêà, êîòîðàÿ îáåðíóëàñü

ñâîåîáðàçíûì ïîëèòè÷åñêèì áóìåðàíãîì, ïðåâðàòèëàñü â ìåäâåæüþ óñëóãó ñ òî÷êè çðåíèÿ åå ïîäëèííî íàöèîíàëüíî-ãîñóäàðñòâåííûõ èíòåðåñîâ, ÷òî îñîáåííî ïðîÿâèëîñü â òÿæåëûå ãîäû Âåëèêîé Îòå÷åñòâåííîé âîéíû. Îíà îùóùàåòñÿ è â íàøè äíè, è áóäåò, áåçóñëîâíî, îùóùàòüñÿ, ïîêà íå ðåøàòñÿ ýòè âîïðîñû íà îñíîâå èñòîðè÷åñêîé ñïðàâåäëèâîñòè è ïðèíöèïîâ ñàìîîïðåäåëåíèÿ íàöèè è ìåæäóíàðîäíîãî ïðàâà. Áåç ñîìíåíèÿ, áîëüøåâèêè âî èìÿ ïðåñëîâóòîé è ìèôè÷åñêîé “ìèðîâîé ðåâîëþöèè”, íå òîëüêî “ùåäðî” îòäàâàëè ñâîèì áðàòüÿì êåìàëèñòàì àðìÿíñêèå çåìëè, êîòîðûå èì íå ïðèíàäëåæàëè, íî è æåðòâîâàëè ïîäëèííî íàöèîíàëüíî-ãîñóäàðñòâåííûì èíòåðåñîì Ðîññèè. Èñòîðè÷åñêóþ íåñïðàâåäëèâîñòü ïî îòíîøåíèþ Àðöàõà àðìÿíñêèé íàðîä èñïðàâèë ñëåäóÿ ìóäðûì çàâåòàì Ìêðòû÷à Õðèìÿíà – âåëèêîãî îáùåñòâåííîãî è äóõîâíîãî äåÿòåëÿ, êàòîëèêîñà, èäåîëîãà àðìÿíñêîé íàöèîíàëüíî – îñâîáîäèòåëüíîé ìûñëè, êîòîðûé òðåçâî îöåíèâ ðåçóëüòàòû Áåðëèíñêîãî êîíãðåññà 1878 ã. ïðèçâàë åãî âîçëþáèòü æåëåçî, èáî ñïàñåíèå â æåëåçå, ïîñêîëüêó íà äâåðÿõ êîíãðåññà áûëî íàïèñàíî: ïðàâî çà ñèëüíûì, ïîëèòèêà íå çíàåò ìèëîñåðäèÿ, à ïðàâî íà êîíöå ìå÷à.

Ïðîøëî 175 ëåò ñî äíÿ ïîäïèñàíèÿ Òóðêìåí÷àéñêîãî äîãîâîðà è ïðèñîåäèíåíèÿ Âîñòî÷íîé Àðìåíèè ê Ðîññèè. Çà ýòîò èñòîðè÷åñêèé ïðîìåæóòîê âðåìåíè, çà èñêëþ÷åíèåì òóðåöêîãî âòîðæåíèÿ â ïåðèîä 1918-1920 ãã., íè îäèí ÷óæåçåìíûé çàâîåâàòåëü íå âñòóïàë íà àðìÿíñêóþ çåìëþ. Ïåðèîäè÷åñêèå èçáèåíèÿ, ãîíåíèÿ è îñîáåííî ãåíîöèä àðìÿí â Çàïàäíîé Àðìåíèè è Îñìàíñêîé Òóðöèè, ñ îäíîé ñòîðîíû, ñóùåñòâîâàíèå íåçàâèñèìîé Ðåñïóáëèêè Àðìåíèÿ èìåííî íà òåððèòîðèè Âîñòî÷íîé Àðìåíèè, ñ äðóãîé ñòîðîíû, ïîçâîëÿþò îáúåêòèâíî îöåíèòü ýòîò èñòîðè÷åñêèé àêò êàê ïðîãðåññèâíîå ñîáûòèå â ïîëèòè÷åñêîé æèçíè âñåãî àðìÿíñêîãî íàðîäà.

На современном этапе, когда армяно-русские è àðìÿíî-èðàíñêèå отношения приобрели качественно новый характер и развиваются плодотворно и взаимовыгодно на уровне суверенных государств, на основе равноправных участников международного сообщества, Российская Федерация, Исламская Республика Иран и Республика Армения являются важными политическими факторами в обеспечении прочного мира и стабильности в этом неспокойном и взрывоопасном регионе.

1. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа». М., 1838. Ч. 3. С. 264.
2. Там же. Ч.1. С. 1.
3. «Русский Архив». Записки Пущина. М., 1908, 12. С.520.
4. «Кавказский сборник». Т.1. С.156
5. Ýçîâ Ã. À. Ñíîøåíèå Ïåòðà Âåëèêîãî ñ àðìÿíñêèì íàðîäîì. ÑÏÁ, 1898, ñ. CXXVI (126). “Ðóññêèé Àðõèâ”, N 9, 1889.
6. Àëàâåðäÿíö Ì.ß. Ãðàô Èâàí Ôåäîðîâè÷ Ïàñêåâè÷ Ýðèâàíñêèé. ÑÏá, 1912. Ñ. 12.
7. Ãëèíêà Ñ. Îïèñàíèå ïåðåñåëåíèÿ àðìÿí àääåðáèäæàíñêèõ â ïðåäåëû Ðîññèè, ñ êðàòêèì ïðåäâàðèòåëüíûì èçëîæåíèåì èñòîðè÷åñêèõ âðåìåí Àðìåíèè. Ì., 1831. Ñ. 11.
8. Муравьев А.Н. Грузия и Армения. СПб, 1848. Ч. 2. С. 126-127.
9. Там же. С. 125-126.
10. «Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Путевые впечатления и воспоминания Барона Августа фон Гакстгаузена». СПб, 1857. Ч. 1. С.170.
11. Казарян Г.М. Армянские общественно-политические движения в 50-60-х годах XIX века и Россия. Ереван, 1979. С. 242.
12. Там же. С. 242-243.
13. Там же. С. 243.
14. Алавердянц М.Я. Указ. работа. С. 24.
15. Казарян Г.М. Указ. работа. С. 243.
16. Там же. С. 244.
17. Казарян Г.М. Указ. работа. С. 244.
18. Там же. С. 241.
19. Òó÷êîâà-Îãàðåâà Í.À.. Âîñïîìèíàíèÿ. Ì, 1959. Ñ. 189-190.
20. Êàçàðÿí Ã.Ì. Óêàç. ðàáîòà. Ñ. 263.
21. Òàì æå. Ñ. 235.
22. Òàì æå. Ñ. 233.
23. “Ñîáðàíèå àêòîâ, îòíîñÿùèõñÿ ê îáîçðåíèþ èñòîðèè àðìÿíñêîãî íàðîäà”. Ì., 1833. ×. 1. Ñ. 2.

24. Ãëèíêà Ñ. Í. Îïèñàíèå ïåðåñåëåíèÿ àðìÿí. Ñ. 93.
25. È. Øîïåí. Èñòîðè÷åñêèé ïàìÿòíèê ñîñòîÿíèÿ Àðìÿíñêîé îáëàñòè â ýïîõó åå ïðèñîåäèíåíèÿ ê Ðîññèéñêîé èìïåðèè. ÑÏá, 1852. Ñ. VI.
26. Â. Ïîòòî. Êàâêàçñêàÿ âîéíà â îòäåëüíûõ î÷åðêàõ, ýïèçîäàõ, ëåãåíäàõ è áèîãðàôèÿõ. ÑÏá, 1882-3, âûï. 4-ûé, 1887. Ñ. 654.
27. Òàì æå. Ñ. 653.
28. Ãëèíêà Ñ. Í. Îáîçðåíèå èñòîðèè àðìÿíñêîãî íàðîäà. Ñ. 21.
29. Òàì æå. Ñ. 36-37.
30. Â. Ïîòòî. Óêàç. ðàáîòà. Ñ. 580.
31. “Òðóäû ïåðâîé Âñåñîþçíîé êîíôåðåíöèè èñòîðèêîâ-ìàðêñèñòîâ”. Ì., 1930. Ò. I. Ñ. 492.
32. Òàì æå. Ñ. 500.
33. Òàì æå. Ñ. 494-495.
34. Òàì æå. Ñ. 493-494.
35. Ìàðêñ Ê. è Ýíãåëüñ Ô.. Ñî÷. Ò. èçä. 2-îå. Ò. 19. Ñ. 305.
36. “Ê èçó÷åíèþ èñòîðèè”. Ì., 1946. Ñ. 37.
37. “Âîïðîñû èñòîðèè”. 1951. N 4. C. 44-48.

РАУ – МГУ: РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

Парсамян Т. Х.

Год за годом расширяется сотрудничество Российско – Армянского государственного университета с вузами Российской Федерации, переходя при этом на качественно новый уровень. С 4 по 7 апреля 2004 г. у нас в гостях находилась делегация юридического факультета Московского государственного университета им. М.С Ломоносова во главе с деканом юридического факультета МГУ, доктором юридических наук, профессором Голиченковым Александром Константиновичем. Вместе с Александром Константиновичем к нам приехали наши соотечественники – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «конституционного и муниципального права» юридического факультета МГУ Авакян Сурен Адибекович, а также преподаватель юридического факультета МГУ Давидян Гаяне Михайловна. В ходе этого визита был подписан договор о сотрудничестве между юридическим факультетом МГУ и Российско-Армянским государственным университетом .

Студентам РАУ была предоставлена редкая возможность прослушать в течение четырех дней краткий курс лекций по экологическому праву, конституционному праву и истории государства и права, в ходе которых были освещены такие вопросы, как: конституционные основы правового положения иностранных граждан в РФ, актуальные вопросы развития экологического права России и т.д., а также ознакомиться с уровнем преподавания в одном из ведущих российских вузов, побеседовать с гостями, получить ответы на многие интересующие их вопросы.

Во время визита московской делегации, 6-го апреля состоялся круглый стол, посвященный проблеме внутригосударственных и международно-правовых гарантий защиты прав человека, под председательством ректора РАУ Дарбиняна Армена Размиковича. Были приглашены также уже успевшие стать добрыми друзьями нашего университета: председатель Конституционного Суда РА Арутюнян Г.Г., защитник прав человека Алавердян Н.А., председатель Кассационного суда РА Даниелян Г.М., ректор Государственной Академии Управления РА Арутюнян А.Ш., декан юридического факультета ЕГУ Газинян Г.С., и многие другие. Во время круглого стола были обсуждены такие вопросы, как необходимость и востребованность для РА института защитника прав человека, развитие механизмов защиты и гарантий прав человека для постсоветских стран в целом и в РА и РФ в частности. Обращает на себя внимание высказывание Авакяна Сурена Адибековича о том, что первейшей задачей правового государства является не столько защита прав человека, сколько предупреждение возможности их нарушения, создание эффективных механизмов обеспечения прав человека.

Нельзя не назвать положительным также участие в круглом столе и студентов РАУ, которые, выступив с докладами, вкратце осветили вопросы конституционно-правовых гарантий защиты прав человека, порядка судебной защиты прав человека, института омбудсмена в системе внутригосударственных гарантий прав человека и т. д.

Подобные встречи являются весьма положительным фактором как для студентов, так и в жизни университета в целом. И мы, студенты РАУ, выражаем нашу искреннюю благодарность руководству университета за организацию этой встречи и горячую надежду на то, что эти встречи станут одной из добрых традиций нашего университета.

В.В. Дегоев

Политика России в Закавказье в первой половине XIX века: некоторые итоги

По мере присоединения или завоевания закавказских территорий в первой трети XIX в. перед Россией вставала проблема управления ими. Предстояло найти такую форму имперского присутствия в этом регионе, которая прежде всего позволит обеспечить там социально-политическую стабильность, необходимую в том числе для решения текущих и грядущих внешнеполитических задач. Дело осложнялось целым рядом факторов. С точки зрения языка, религии, культуры, внутреннего устройства, закавказские государственные и полугосударственные образования были неоднородными. Внутри них зачастую царили раздробленность и усобицы, а между ними – вражда и соперничество, чаще всего за «местную» гегемонию. Административно-судебное единообразие, да и то порой условное, существовало лишь в пределах одной территориально-политической единицы – будь то царство, княжество, ханство, союз общин (и т. д.). Однако пользы от такого единообразия, как правило, было немного, ввиду произвола правителей и феодалов, хаоса в поземельных отношениях и налогообложении, междоусобных раздорах и разбоях.

Эти обстоятельства одновременно и создавали проблемы для России, и помогали их разрешить. Местные социальные элиты и простой народ постепенно начинали видеть в империи высшую власть, третейского судью, надклассовый и наднациональный инструмент организации жизни по рациональным правилам. Практически все общественные слои раньше или позже приходят к осознанию удобств существования в условиях нового, имперского порядка, положившего конец «войне всех против всех». Именно порядок, организация, система, как синонимы мира, безопасности и благополучия, мало-помалу становятся для людей ключевыми, жизненно важными идеями. Всеобщая и всевозрастающая потребность в таком способе бытия заставляла Петербург искать пути ее удовлетворения и подсказывала то стратегическое направление, в котором должна была развиваться российская политика в Закавказье.

Впрочем, это нисколько не умаляет сложности и масштабности стоявших перед Россией задач, и нисколько не оправдывает допущенные ею просчеты.

Русским властям в Закавказье сразу же стало ясно, что унификация этого края по имперско-губернскому образцу – занятие рискованное, дорогостоящее и малоэффективное. Во всяком случае для такого процесса – исторического по своему содержанию – требовалось время. Форсировать его Петербург не спешил, хотя высказывались различные взгляды на то, с какой скоростью и в каких формах должно осуществляться вовлечение Закавкавказья в имперскую систему.

Русская администрация на присоединенных территориях носила по преимуществу военный и чрезвычайный характер. Генералам и офицерам поневоле приходилось заниматься гражданскими делами, примирять социально-политические элиты, благоустраивать города, строить дороги и т. д. Русские солдаты использовались как дешевая и весьма квалифицированная рабочая сила.

Пресловутый принцип «разделяй и властвуй», который привычно, хотя зачастую безосновательно, ассоциируется с политикой России в Закавказье, утрачивал рациональный смысл. Прежде, к примеру, в XVIII веке, он – да и то в определенных ситуациях – был на руку Петербургу. Теперь же, когда этот мозаичный регион оказался под скипетром царя, задача состояла не в расколе, а в соединении разнородных элементов во имя достижения стабильности и управляемости.

Проблема ненасильственной интеграции стояла перед Россией тем острее, чем явнее ощущался недостаток русских войск в Закавказье и недостаток опыта управления новоприобретенными землями. Можно сказать, что гибкие и осторожные подходы к этой проблеме возникли отчасти стихийно, под влиянием реалий жизни, не располагавших к методу разрубания внутрикавказских гордиевых узлов. Со стороны России видно было понимание пагубных последствий быстрой ломки традиционного социально-экономического, политического и культурного уклада. Отсюда – терпимость к местному административному разнообразию. Имперская власть вводилась далеко не везде, но и там, где вводилась, зачастую носила номинальный характер, давая себя почувствовать лишь тем, кто открыто демонстрировал нелояльность к ней.

В основе мотивов такой политики лежали не только объективные трудности, но и инстинктивное и вполне понятное нежелание кавказских наместников глубоко вникать и вовлекаться в сложные хитросплетения местной жизни. В конечном итоге именно это обстоятельство стало, как ни странно, общим источником для двух противоположных концепций интеграционной стратегии, получивших условные наименования «централизм» и «регионализм». «Централисты» выступали за скорейшую имперско-административную унификацию Закавказья; «регионалисты» предлагали действовать постепенно, не торопясь упразднять те локальные особенности, которые со временем либо отомрут сами собой, либо будут относительно безболезненно и органично вытеснены новыми политическими формами.

Эти два подхода никогда не существовали в чистом виде, оттого и не следует преувеличивать накал борьбы между ними. То, что констатируется как «победа централизма» во второй половине XIX в., на самом деле представляет собой гораздо более неоднозначное явление. «Регионалистская» составляющая, как неизбежное порождение здравого оппортунизма, всегда присутствовала и присутствует до сих пор в политике России на Кавказе.

Введение имперской администрации в российских владений в Закавказье (там где это имело место) не означало, что из присоединенных территорий сделали русские губернии. Жизнь заставляла искать гибкие подходы. На государеву службу, гражданскую и военную, рекрутировались представители местных народов, и не обязательно принадлежавшие к социальным верхам или христианской вере. Главными критериями были лояльность к России и профессиональная пригодность. Они получали привилегии правящего класса, благодаря чему формирование новой закавказской политической элиты происходило относительно гладко. Тем самым было положено начало процессу зарождения среди нерусского населения ***имперской идентичности***. Эта тенденция развивалась параллельно с ростом национального самосознания, чаще всего уживаясь с ним, но иногда и замещая его. В социально-психологическом плане готовность местной элиты отождествлять себя с империей обуславливалась желанием принадлежать к корпорации избранных, разделять ее дух и ценности, пользоваться ее благами и символикой. Почва для нравственных сомнений, связанных с проблемой ответственности перед своими народами, практически отсутствовала. Дело в том, что для части нового правящего класса этой проблемы никогда и не существовало. Более щепетильные могли утешить свою совесть тем, что они не предают народные интересы, а защищают их.

Кооптация грузин и армян в «колониальную» управленческую систему и воспитание в них имперского мировоззрения облегчались религиозной общностью с русскими. В случае же с тюрками-мусульманами та же цель достигалась религиозной терпимостью русских.

Более того, по отношению к исламу русское правительство заняло подчеркнуто охранительную позицию, с явным намерением привлечь мусульманское духовенство к реализации имперского политического курса. Позже, в свете событий Кавказской войны, многие государственные деятели в России и на Кавказе расценят это как ошибочную социальную ставку, принесшую негативные результаты.

Однако основная работа интеграционного механизма происходила все же в светской сфере. В первой половине XIX в. в Закавказье формируется влиятельный слой просвещенной «колониальной» бюрократии, представленной людьми, которые были исполнены высокого, искреннего чувства моральной ответственности за порученную им «цивилизаторскую», державную миссию. Среди них было немало таких, кто понимал, ценил и даже преклонялся перед кавказской культурой, признавая за ней право на самобытное развитие под имперской эгидой. Намного опережая время, они отказывались от надменного культуртрегерского взгляда на «туземную» духовную жизнь, от лукавого соблазна сравнивать ее с русско-европейскими ценностями в контексте категорий «выше-ниже», «лучше-хуже». Они уже тогда всем своим образом действий ставили вопрос не о ***поглощении***, а о выращивании феномена, который был удачно назван канадским историком Г. Райнлендером ***национально-имперской культурой***. И в

конечном итоге именно эта, а никакая другая формула – несмотря на массу объективных и субъективных препятствий – восторжествует во второй половине XIX века и, тем более, в веке двадцатом.

Есть и парадокс, и логика в том, что просвещенная бюрократия рождается и начинает свою активную гражданственную деятельность при самых жестких, самых имперско-мыслящих (в глазах многих – самых одиозных) кавказских наместниках – П. Д. Цицианове и А. П. Ермолове. Профессиональные военные, воспитанные в соответствующем духе, эти генералы видели свое предназначение прежде всего в наведении внутреннего порядка в крае и защите его от внешних угроз, что отныне становится проблемой безопасности России, то есть – приоритетной проблемой любого государства. Отсюда – широкое использование силовых методов. Однако они не являлись самоцелью и применялись только в тех случаях, когда мирные средства не действовали, хотя, конечно, остается далеко не праздным вопрос – насколько та или иная ситуация действительно была безвыходной.

П. Д. Цицианов и А. П. Ермолов осознавали, что, помимо армейского, нужен и другой инструментарий для борьбы против беспорядка. Именно с этой прагматической целью они создали в Закавказье весьма сплоченную колониально-чиновничью корпорацию, руководствуясь посылом о том, что ее эффективность будет прямо пропорциональна ее просвещенности. Особым покровительством пользовались те «кадры», которые своими взглядами и творческим потенциалом более всего отвечали представлениям наместников о сути и форме цивилизаторской миссии России.

Вместе с тем П. Д. Цицианов и А. П. Ермолов не всегда могли полностью контролировать процесс формирования бюрократии просвещенного типа. Зачастую он принимал стихийный характер. Так, «проконсул Кавказа», конечно, не имел никакого отношения к появлению в подведомственном ему крае блестящей плеяды сосланных туда деятелей декабристского движения. Но нельзя отрицать и того, что во многом благодаря А. П. Ермолову декабристы получили возможность реализовать свои таланты на новом для них поприще и сыграть колоссальную роль в русско-закавказском духовном сближении. Их трудами были заложены основы для великого культурного синтеза, принесшего столь яркие плоды во второй половине XIX в. и особенно в XX в.

В значительной степени благодаря высокому попечительству А. П. Ермолова создавалась та особая духовная среда, в которой происходило становление блестящей закавказской интеллигенции. Наместник поставил на твердое основание систему народного просвещения в Закавказье. Перед грузинскими, армянскими и азербайджанскими юношами – независимо от их социального положения и вероисповедания – были открыты перспективы получения прекрасного образования, причем не только в Тифлисе (тогдашней культурной столице Кавказа), но и в

Петербурге и Москве. Вместе с престижностью имперской системы образования быстро растет и спрос на нее. По мнению Г. Райнлендера, к началу 1830-х гг. закавказская интеллигенция испытывала повышенный аппетит ко всему русскому.

Десятилетие М. С. Воронцова на должности кавказского наместника было в известном смысле «золотым веком» для Закавказья. Опытный генерал и талантливый администратор с богатым списком заслуг в деле освоения южной России, он фактически получил полную свободу действий на Кавказе и подчинялся только Николаю I. Этот регион приобрел нечто похожее на статус «государства в государстве», что явилось со стороны Петербурга признанием необходимости учитывать его специфику и не форсировать процесс его «губернизации» по стандартному имперскому образцу. Мало кто понимал эту сложнейшую задачу и способен был справиться с ней лучше, чем М. С. Воронцов.

В социальных, межкорпоративных и межэтнических конфликтах, имевших место в Закавказье, М. С. Воронцов неизменно занимал позицию третейского судьи, беспристрастного примирителя, надклассовой инстанцией. Это касалось споров между христианами и мусульманами, грузинами и армянами, русскими и нерусскими, аристократией и купечеством, чиновниками и населением. Наместник прививал противоборствующим сторонам и закавказскому обществу в целом более широкий, имперский взгляд на вещи. Он видел в этом способ умерить антагонизмы, разрешить (или предотвратить) конфликтную ситуацию, воспитать у людей разумно-эгоистическое понимание того, что польза для империи есть польза для каждого из ее подданных.

М. С. Воронцов – благодаря своим личным качествам и преданности делу, заразил универсалистским духом большую часть закавказских социальных элит. Они искренне и добровольно приняли имперские идеалы и с готовностью предложили свою помощь на поприще претворения их в жизнь.

М. С. Воронцов оставил после себя в Закавказье целый «колониально-бюрократический» класс, состоявший из представителей разных народов, конфессий, общественных классов и культур. Всех их сплачивала не только корпоративная солидарность, но и растущее имперское самосознание с элементами державного патриотизма, с одной стороны, и «внутрироссийского космополитизма», с другой.

При М. С. Воронцове ***национально-имперская культура*** в Закавказье вступила в стадию расцвета. Одной из главных предпосылок для этого послужило личное, глубоко уважительное отношение М. С. Воронцова к духовному наследию закавказских народов. Вверенный его попечительству край пережил с 1845 по 1854 гг. целую эпоху, в которой элементы ренессанса переплелись с совершенно новыми культурными явлениями.

Вопрос о том, пригодна ли знаменитая уваровская триада – «самодержавие, православие, народность» -- для Закавказья и насколько, стоял весьма актуально. Эта формула содержала идею о сильной единоличной власти, объединяющей разнородное общество и стоящей над ним. Именно такая власть глубоко импонировала и тем кавказским народам, которые некогда знали ее, но утратили, и тем, которые, никогда не имея ничего подобного, стремились к автократии, как к некоему политическому идеалу. (В этом, кстати, сокрыт один из источников временного успеха авторитарного проекта Шамиля.)

У второй составляющей триады – «православия» -- была более ограниченная область применения. Сочувственно воспринять ее – при определенных условиях – могли лишь исповедовавшие христианство грузины, армяне и часть северокавказского населения.

Что касается «народности», то эта концепция была вообще неуместна по отношению к полиэтническому Кавказу.

Тем не менее русские власти – когда вольно, а когда и невольно – проводили большую и небезуспешную работу по приспособлению «теории официальной народности» к кавказской специфике, точнее – именно того в этой теории, что поддавалось приспособлению. Применительно к Кавказу уваровская триада – соответствующим образом переосмысленная и адаптированная – являлась, в принципе, универсальным идеологическим средством воспитания имперской надэтничной и надконфессиональной идентичности. Чувство верноподданства русскому царю, соединенное с чувством принадлежности к «сверхдержаве», медленно, но верно проникало во все слои закавказского общества. Имперская идентичность служила как бы общей, в каком-то смысле защитной, оболочкой для рождающихся (или возрождающихся) «национальных» самосознаний, к возникновению которых социально-культурная политика России имела самое непосредственное касательство. Эту политику зачастую обозначают не очень корректным, во всяком случае очень условным, термином «русификация». На самом деле происходил куда более широкий, емкий и сложный цивилизационный процесс, заслуживающий, на наш взгляд, другого наименования. Речь может идти скорее об «имперской самоидентификации» личности, класса, общества, формирующейся под влиянием конкретных материальных и духовных стимулов, определенной культурно-идеологической среды и предполагающей осознанный и добровольный выбор (иначе какая же это «самоидентификация»?).

Заслуга М. С. Воронцова в том, что он понял это сам и научил такому пониманию своих подчиненных, многие из которых, впрочем, были не менее проницательны, чем их шеф. Кавказский наместник, в отличие от некоторых предшественников, не считал, что местные народы должны воспринимать выгоды вхождения в состав империи как самоочевидные. Он

давал возможность на деле убедиться в этом путем активного вовлечения грузин, армян, азербайджанцев в экономическую, социальную и культурную жизнь России.

Вместе с тем М. С. Воронцов был решительным противником искусственного насаждения имперских форм, предпочитая придать процессу интеграции естественный, постепенный и органичный характер. Доходило до того, что наиболее рьяных грузинских адептов «русификации» упрашивали сохранить хотя бы на время полезные местные законы и обычаи.

Наместник создал среди своих подчиненных атмосферу, которая сама собой формировала нечто вроде «кавказского патриотизма», объединявшего людей не этническим происхождением или религией, а чувством причастности к великому делу созидания чего-то небывалого. Во многом благодаря М. С. Воронцову и к русским и к кавказцам явилось понимание того, что Кавказ – их общая забота и общая судьба, что Россия – не временщик и пришла сюда навсегда. Пожалуй, одним из самых благотворных результатов этого «открытия» стало определенное моральное настроение, одинаково вдохновлявшее и русских и нерусских простой идеей: все, что они делают (или не делают) на Кавказе, принадлежит и будет принадлежать им и их потомкам. Именно это настроение заставляло закавказских «генерал-губернаторов» создавать материальную и духовную среду для благополучной жизни.

* * *

Будучи в сущности глубоким «тектоническим» сдвигом, процесс интеграции Закавказья с Россией имел сложную диалектику и протекал не без издержек для обеих сторон – неизбежных и, нередко, трагических. На изучение русскими властями местной обстановки и на приспособление к ней уходило порой слишком много времени. И прежде чем им удавалось нащупать оптимальный путь, они успевали совершить грубые ошибки, вызывавшие негативную социальную реакцию. В известном смысле познание Кавказа Россией происходило на всем протяжении XIX в. и продолжалось в XX в. Среди тех русских военных и администраторов, которым по долгу службы приходилось иметь дело с этим регионом, отнюдь не всем было дано постичь его по-настоящему глубоко. Людей, обладавших таким даром, следует искать скорее среди тех, кто устремлялся на Кавказ по велению своего сердца и своей творческой натуры.

В ходе утверждения России в Закавказье потребовался определенный период трудной взаимоадаптации разных культур. Русские генералы, считая свое «цивилизаторское миссионерство» ***абсолютным благом***, подчас отождествляли его с ***абсолютным правом*** нести к кавказским народам «свет разума и просвещения». Им не всегда хватало понимания того, что незнание русского и французского языков, неумение пользоваться вилкой и ножом, обычай сидеть на полу, скрестив ноги, и другие «дикости» -- есть не варварство, а лишь свидетельство принадлежности к ***другой*** культуре, по-своему не менее, а то и более богатой, чем европейская.

Впечатление о «бескультурье» становилось тем навязчивее, чем явнее обнаруживалась непохожесть кавказского мира на русский, в том числе – благодаря тому хаотическому состоянию, в котором находилась местная общественно-политическая и хозяйственная жизнь. Отсюда – стремление поскорее навести порядок, представляемый в качестве еще одного непременного атрибута цивилизации. Это стремление порождало поспешность и необдуманные действия в сфере социальной, образовательной и конфессиональной политики.

Стратегия «разделяй и властвуй» отнюдь не всегда приносила успех: в конечном счете она усиливала дезорганизацию кавказских обществ, препятствуя их эволюции в «цивилизованном» направлении.

Петербург, а вслед за ним и кавказские администраторы явно недооценивали экономическую составляющую интеграции. Местная «система» («системы») хозяйствования носила либо патриархальный, либо феодальный характер, что в реальности было почти одно и то же. Главная заслуга России состояла в том, что эта «система» получила защиту от внешней опасности и внутреннего беспредела. Однако столь благоприятные условия сами по себе не давали импульса к развитию, они скорее консервировали эту сферу социальной жизни на том уровне, которого было вполне достаточно для привычного существования, но слишком мало для возникновения экономической потребности в России и для превращения Закавказья в органичную часть империи.

Вплоть до окончания Кавказской войны хозяйственный потенциал региона фактически оставался невостребованным, даже в том объеме, в каком его могла бы освоить слаборазвитая, по сравнению с Западом, российская промышленность. Закавказье было «колонией», не знавшей колониальной эксплуатации, что делало его убыточным приобретением для экономики России. Однако геостратегическая важность региона окупала все издержки по его содержанию, поднимая его в глазах Петербурга до такой ценностной или, скорее, «сверхценностоной» категории, на которую не жалели ни имперских денег, ни имперских войск. Уже в первой трети XIX в. исподволь подготавливались условия для того, чтобы в перспективе – пусть и не близкой – геополитическое значение Закавказья было конвертировано в конкретный экономический результат, успешно залатавший одну из «черных дыр», которая истощала российские финансы на протяжении долгого времени.

Оставляло желать лучшего кадровое и концептуальное обеспечение российской политики в Закавказье. За период с 1801 г. по 1830 г. там сменилось девять наместников. Из них, пожалуй, лишь у двоих – П. Д. Цицианова и А. П. Ермолова – была четкая военная и политическая стратегия, но им не хватило времени и средств для осуществления задуманного. Другие наместники не имели последовательной и долгосрочной программы, действуя скорее ситуативно, по мере возникновения то здесь, то там проблем большей или меньшей сложности. Они не

обременяли себя творческими задачами, предпочитая аккуратно выполнять зачастую неуместные или безнадежно запоздалые инструкции Петербурга, где плохо знали нюансы закавказской обстановки и, возможно, ждали инициативных предложений с места событий. В итоге – отсутствие системного подхода, на фоне чего множились иллюзии, эксперименты, просчеты и разочарования.

Хотя во втором эшелоне армейского (оно же гражданское) руководства в Закавказье наличествовало немало способных людей, все же не от них зависело принятие важнейших решений и разработка стратегических идей на долгосрочную перспективу. Что касается остального состава военного и чиновного аппарата, то в нем были всякие: и те, кто добросовестно выполнял свой долг, проникнувшись глубоким уважением к «туземному» миру и жаждой понять его, и те, кто приехал в Закавказье «на ловлю счастья и чинов» -- карьеристы, мздоимцы, сорвиголовы и маргиналы разных мастей, презиравшие и край, и его обитателей, и, порой, самих себя. На их счету многие преступления – воровство, убийство, насилие, предательство, святотатство, оскорбление национальных чувств. Было бы чересчур прекраснодушным заблуждением полагать, будто их деяния нисколько не запятнали образ России в сознании закавказских народов.

* * *

Несмотря на эти и другие грубые просчеты, всегда сопутствующие «колониальной» политике, процесс имперской интеграции в Закавказье набирал силу и приобретал характер фундаментального и уникального явления. Происходило это во многом потому, что в России образ империи символизировал вовсе не господство одной нации над другими и не типичные отношения между метрополией и ее колониями. Он воплощал в себе сверх-идеологию, добровольное самоотождествление, состояние ума и души человека, независимо от его веры, этнического происхождения, социальной принадлежности, уровня образования и культуры. И в этом смысле людей с «имперской идентичностью» хватало среди нерусских и неправославных, среди господ и простонародья, среди буржуазных и большевистских политиков.

При всех перегибах преобразование формы и сути в Закавказье проводилось постепенно – даже там, где социальная восприимчивость к новому была чрезвычайно высока. Национальный колорит не вытеснялся и не подавлялся, а органично сращивался с имперской культурой, дополняя и обогащая ее. Не только кавказцы заимствовали у русских, но и наоборот: русские охотно щеголяли кавказской атрибутикой, гордились своей «кавказскостью» как некой особой идентичностью. «Русская» тема глубоко проникала в грузинскую, армянскую и азербайджанскую литературу, а Кавказ стал неотразимым источником вдохновения для русских поэтов и писателей.

Ввиду своего синкретического характера российская имперская культура (в широком смысле слова) выполняла на Кавказе функцию своеобразного ретранслятора европейских идей и ценностей. В этом плане политика России являлась разновидностью вестернизации. В старом кавказском доме «окно в Европу» было прорублено русскими «империалистами» и обращено на север.

К началу 60-х гг. XIX в., несмотря на ряд плодотворных результатов присутствия России на Кавказе, перед ней по-прежнему простирался огромный фронт «колониальной» работы – политической, культурной и экономической, отступиться от которой уже не было никакой возможности. Создав площадь опоры для дальнейшего имперского строительства на Кавказе, Россия не могла позволить себе бросить на произвол судьбы дело, потребовавшее стольких усилий и жертв. Накопленный опыт позволял уберечься от одних ошибок, но не страховал от других. Была ли достигнута необратимая динамика в русско-кавказском интеграционном процессе – сказать сложно. Отрицательно отвечавшие на этот вопрос современники могут показаться излишне пессимистичными. Те же, кто давал оптимистичный ответ, вероятно, воздержались бы от него, знай они наперед, что в будущем Россию на Кавказе ждут тяжкие испытания.